E41
387
Штемпель

ЗАПИСКИ ПРАПОРЩИКА

Д. ОСЬКИН

ФЕДЕРАЦИЯ

E41 387

Д. ОСЬКИН

КНИГА ДЕБОРИНА
Из Отдела №
Класс № Книга №

ЗАПИСКИ ПРАПОРЩИКА

18845

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА
1931

Обложка работы худ. Б. ТИТОВА

«Интернациональная» (39)
типография «Мосполиграф»,
пр. Скворцова-Степанова, 3
Главлит А 69. 298.
Тираж 10.000. экз
Ст. ф-т Б$_5$ 125×176
Заказ 1354
Фосп. № 405.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 2688 1964

ГЛАВА I

ЛОДЫРИ СО ЗВЕЗДОЧКАМИ

1916 г. Февраль

Опять в роту, в тот же Сапанов, только на другой участок, чем в октябре. Любопытно маленькое обстоятельство: несколько дней тому назад командир 9-го полка Самфаров, на участке которого находится теперь наша рота, донес в штаб дивизии, что лихой разведкой 9-го полка, проникшей в австрийские окопы, выбиты австрийцы и занят участок около двухсот метров. Полк закрепил за собой занятый участок и спешно возводит новые проволочные заграждения.

Это донесение Самфарова было сообщено в штаб армии, и в оперативной сводке штаба мы читали о геройском подвиге 9-го полка. Теперь как раз на этом месте помещается 12 рота. Обходя участок роты после прочтения сводки по армии, я поинтересовался, какое же «лихое» наступление произвел 9-й полк, о котором прокричали по всей армии.

Окопы 9-го полка левым флангом упирались в реку Икву, а другим находились в соприкосновении с 11-м полком. На стыке полков, шагах в 30-ти от первой линии окопов, находился брошенный австрийский окоп. Командовавший этим участком командир батальона отдал распоряжение по ночам копать до этого окопа ход сообщения. В течение недели велась работа. Когда ход сообщения был окончен, то в

бывший австрийский окоп посадили караул 9-го полка. Это и дало основание Самфарову донести, что его «лихая» разведка произвела «лихую» атаку. Я набросал кроки местности, где происходила «геройская» атака, и показал товарищам по роте. Мои кроки быстро обошли весь батальон и сделались известными в штабе полка.

Стоит хорошая погода. Снега мало. Легкий морозец. Австрийцы почти не стреляют, сосредоточив свое внимание главным образом на обстреле переправы, которая попрежнему остается открытой.

Савицкий — любопытный человек. Все получаемое жалование отправляет в Тулу. Здесь живет на всем готовом. А на выпивку и на посещение Кременца добывает средства весьма своеобразным способом.

Обычно часов в десять утра звонит по телефону ротным командирам явиться к нему с докладом. Являются: вернувшийся из эвакуации Осипов, поручик Соколов и Ханчев. В течение десяти—пятнадцати минут Савицкий ведет с ними деловые разговоры, а затем вынимает из кармана несколько колот карт и предлагает сыграть с ним в шмэн-де-фер. Предложение начальника сыграть в карты почти равно приказанию. Ротные садятся за железку. Если Савицкому известно, что у какого-нибудь из офицеров имеются деньги, то приглашается и этот офицер. При случайных проигрышах всегда просит записать за ним, ибо в настоящий момент «не при деньгах». Но если проиграет прапорщик или поручик, расчет требуется наличными.

Недавно Савицкий в сопровождении Осипова ездил в Кременец. Савицкий застрял у мадам Сташевской, а Осипов попал в городской клуб и выиграл около тысячи рублей. Перед концом игры в клуб явился Савицкий. Увидев Осипова с выигрышем, попросил у него триста рублей, чтобы присоединиться к игре. Осипов дал. Савицкий продулся, попросил у Осипова еще, Осипов снова дал. Савицкий проиграл и эти деньги.

На следующий день игра продолжалась. Осипов проиграл весь свой предыдущий выигрыш и все свои деньги. Савицкий, наоборот, на этот раз оказался в выигрыше.

По возвращении из Кременца Осипов обратился к Савицкому с просьбой вернуть данные взаймы деньги. Савицкий возмутился.

С тех пор Осипов с Савицким не играет.

Наши наблюдатели доложили, что ночью слышали подозрительный стук перед окопами, точно ведется подкоп. Установили специальное наблюдение. Я лично выходил за бруствер, прикладывал ухо к земле и очень отчетливо слышал стуки кирки-мотыги, работающей под землей. Ведут сапу. Сообщили о замеченном в штаб полка с просьбой выслать к нам командира саперной роты, ведущей подрывные работы в дивизии. Явился прапорщик инженерных войск Свинтецкий. С наступлением темноты вместе пошли на подозрительный участок. Свинтецкий тоже признал— ведут сапу.

— Что же вы будете делать? — спрашиваем мы Свинтецкого.

— Мы производили уже разведку, — ответил он. — Думали повести встречную сапу, но у нас нехватает на это технических знаний. Я доложу командиру инженерного батальона и о результате сегодня или завтра уведомлю.

— А нас не взорвут до завтра?

— А чорт их знает, может и взорвут.

Получили указание штаба, — не имея возможности воспрепятствовать австрийцам вести сапу, рекомендуется разредить угрожаемый участок от людей, чтобы в случае взрыва жертв было меньше.

Снова прибыл прапорщик Свинтецкий в сопровождении нескольких саперов и подрывников.

Мы сегодня же проведем встречную сапу.

Действительно, ночью начали рыть глубокий подземный

ход. Но через два-три шага земля обвалилась и всю сделанную работу засыпала.

— Вот видите, — говорил Свинтецкий, зайдя к нам в землянку,—как мы не подготовлены. Нам нужно иметь специальные подпорки для того, чтобы не обвалилась земля, а их сейчас нет, надо подготовлять.

— Разве это так сложно? — возмутился Ханчев. — Лес от позиции не так далек, в течение одной ночи можно нарубить и сделать эти подпорки.

— Мы подумаем.

И Свинтецкий ушел.

Разредили роту, оставив на угрожаемом участке лишь один пост, и тот поодаль от стуков. Поставили на флангах пулеметные гнезда, чтобы в случае взрыва можно было в прорыв направить сильный огонь. Стук под землей все продолжается. Офицерская землянка находится на расстоянии примерно ста метров от первой линии окопов и от угрожаемого участка почти в безопасности. Жалко солдат. Установили систематический обход первой линии. Вся рота в большом напряжении, особенно те солдаты, которым приходится становиться наблюдателями по соседству с роющейся сапой. Никаких технических указаний и содействия от инженерного батальона не получаем.

Съев обед, принесенный денщиками из офицерского собрания перед сумерками, офицеры роты в полном сборе сидели в своей землянке, толкуя: взорвут нас или не взорвут. Вдруг почувствовали колебание почвы под ногами, и через мгновение раздался оглушительный взрыв. Со всех сторон на землянку посыпались комья земли. Сильный ветер распахнул прикрывавшую вход в землянку палатку, мы были сброшены с сидений на пол. Несколько мгновений не могли прийти в себя, не понимая, что произошло.

— А ведь это взрыв минной сапы! — первый промолвил Новоселов, быстро выбегая в окопы.

Мы за ним. Солдаты из первой линии по ходам сообщения бежали назад.

— Куда? Обратно!— закричал Новоселов, бежавший впереди нас.

Солдаты остановились. Новоселов, давая подзатыльники одному, другому, продолжал бежать вперед. Мы не отставали.

По середине ротного участка от бывших проволочных заграждений не осталось и следа. Все они разметаны далеко в стороны. На месте окопов первой линии зияла огромная воронка, диаметром метров в двадцать и глубиной метров в шесть. По сторонам воронки выкарабкивались из-под земли придавленные солдаты. На флангах роты, где были установлены пулеметные гнезда и специальное наблюдение на случай взрыва, — молчание. Я бросился на левый фланг к пулеметчикам. Застал обоих пулеметчиков настороженных у бойниц с приготовленными к стрельбе пулеметами, трясущихся от нервного напряжения.

— Почему молчите?

— Не по ком стрелять, ваше благородие. Австрийцев не видно.

Я посмотрел в сторону австрийских окопов: там полное безмолвие.

Вернулся к месту взрыва. Ханчев, Новоселов и группа солдат помогали разрывать землю, чтобы вытащить засыпанных бойцов.

К счастью, взрыв произошел до постановки ночных наблюдательных постов. Несколько человек взрывом отбросило назад и некоторых засыпало, но убитых нет, лишь несколько человек получили тяжелые ушибы комьями земли. Отделались счастливо.

Срочно донесли в штаб полка, прося немедленно прислать саперов для восстановления проволочных заграждений. Непонятно, почему австриец не перешел в наступление.

1916 г. Бело-Кернец

Зима кончилась. Вокруг начинают распускаться деревья. Солдаты сняли зимние шинели и начинают ходить в гимнастерках.

Я снова отозван из роты к штабу полка для временного исполнения должности начальника саперной команды.

Постоянный начальник прапорщик Ущиповский уехал в трехнедельный отпуск. Поместился я в здании сельскохозяйственного училища.

В 12-й роте оставались Ханчев, Новоселов и Никитин.

На фронте затишье, изредка прерываемое взрывами минных сап на всем участке Сапановской позиции. Но таких сильных взрывов, как в 12 роте, больше не было.

Австрийцы не успели довести сапу до наших окопов.

Зато наши саперы оживились. Группа саперов под руководством Свинтецкого в нескольких местах роет сапы под австрийские окопы. Теперь научились при рытье сап устанавливать деревянные подпорки. Наши офицеры смеются над медленностью работ, говоря, что взрывы будут тогда, когда австриец прогонит нас, или, наоборот, мы прогоним австрийцев.

Несмотря на то, что саперные части являются на фронте привилегированными и их офицерский состав более развит и технически подготовлен по сравнению с пехотными частями, сапы вызывают язвительные насмешки со стороны пехотных офицеров:

— Вам бы рогатки строить в тылу, а тоже в минную войну лезут!

Рогатки строят, действительно, саперные части, хотя за последнее время сама пехота делает их, пожалуй, с большим искусством, чем профессионалы-саперники. Не любят саперные офицеры появляться на наших передовых позициях.

Дивизионный инженер ни разу не удосужился пригласить меня для инструктирования. Вся работа саперной команды

сводится к устройству дорог по селу Бело-Кернец и, в частности, к улучшению дорожек вокруг сельскохозяйственного училища, чтобы командиру полка Радцевичу было удобно совершать свои прогулки с живущей вместе с ним женой и делать поездки в изящном, недавно выписанном из Петрограда экипаже. Сто двадцать человек команды на 75% нагружены обслуживанием штаба полка и командирских удобств. То надо отремонтировать лишнюю комнату в сельскохозяйственном училище для командира полка или его жены, произвести побелку, окраску, начистить пол, то устроить запасную походную кровать для командирши, починить шарабан, покрыть его лаком. От командира не отстают и другие штабные офицеры.

Лишь незначительная группа саперов занята работой по устройству рогаток для позиции и по особому инструктированию солдат-рабочих, как надо устанавливать проволочные заграждения перед окопами или устраивать лисьи норы.

Лисьи норы — новшество на наших позициях. Прослышали, что на Западном фронте против самых тяжелых снарядов, которых существующие землянки не выдерживают, саперный батальон устроил специальное убежище под названием «лисья нора». Это яма метров в шесть глубиной, в которую вставляется лестница. Затем на шестиметровой глубине начинают делать расширение в стороны. Как в угольных шахтах от обвалов, устанавливаются крепкие сваи. Убежище делается человек на 15—20. Снаряды, попадающие в вершину норы, не в состоянии пробить шести метров земли.

В первую очередь лисьи норы делаются для батальонных командиров, во вторую очередь начнутся работы по постройке убежищ для офицеров рот, и уже потом начнут делать их и для солдат.

Зимой, когда вода вымерзла, можно было ходить по нашему ходу сообщения, над которым, в виду его незначительной глубины, наставили снежных баб, прикрывающих

движение пешеходов от взоров противника. Теперь, когда зима окончилась, болотистая равнина залита водой, и ходить по ней абсолютно невозможно. Трудно проходить и около хода сообщения. Приходится класть легкие тесины, чтобы нога не вязла в болоте. Надо что-то придумать.

Вызвал к себе на «военный совет» унтер-офицеров моей команды. Старший унтер-офицер Кириллов служил перед призывом в армию рабочим на одном из машиностроительных заводов в Питере, — теперь он являлся старшим в команде — своего рода фельдфебелем. Вместе с ним два других молодых унтер-офицера, Смирнов и Васильев. Первый — плотник, второй — слесарь. Вот из них-то под моим председательством и состоялось заседание «инженерного военного совета». Усадив их за стол, я заговорил:

— Вам приходится бывать в Сапанове?

— Бывать там ничего, но ходить мерзко.

— Что сделать, чтобы люди до самой позиции ходили скрытыми от взоров противника?

Кириллов задумался.

— Дело-то простое, только хворосту надо много.

— Лес недалеко, нарубить можно. А зачем хворост?

— Фашины можно из хвороста сделать.

— Фашины? — удивленно переспросил я. — Ведь фашины мы используем для дорог, чтобы колеса в грязь не уходили, причем же тут ход сообщений?

— Именно фашины, ваше благородие.

— Вы не зовите меня «ваше благородие», когда бываете наедине со мной, зовите просто или «господин прапорщик», или «Дмитрий Прокофьевич».

— Фашины, какие мы применяем для дорог, конечно, сюда не подойдут, но мы можем сделать фашины типа корзин, поставить их вдоль хода сообщений, засыпать землей, чтобы пули не могли пробить корзины, и у нас получится прекрасный надземный ход.

— Давайте подсчитаем, что выйдет. Идея прекрасная.

Подсчитали, сколько хвороста надо потратить на одну корзину, расстояние корзины от корзины, количество времени для заготовки материала, потребное количество времени на насыпку этих корзин землей. В результате получили: надо доставить пятьдесят возов хвороста, затратить свыше ста человеко-дней на плетение корзин и на подготовку кольев, на которые корзины должны надеваться для прочности. Сама установка и засыпка землей потребует не больше трех ночей.

Подсчитав, мы выяснили, что в течение десяти дней можно соорудить сухой и безопасный подземный ход сообщения.

— Ладно! Ход сообщений у нас будет прекрасный, а вот как с переправой? Австрийцы попрежнему будут расстреливать в упор солдат, перебегающих по открытым доскам.

Кириллов призадумался.

— Можно в этот же срок обеспечить и переправу надежным укрытием.

— А как мы это сделаем?

— Надо сделать хороший мост через речку. Самый мост мы сделаем здесь при нашей команде, в ближайшие же дни, в реку забьем сваи, на которые затем и уложим мост.

— Но ведь оттого, что устроим хороший мост, австрийцы не перестанут стрелять.

— Никак нет-с, господин прапорщик, дослушайте до конца. Если будет прочный и широкий мост, то мы сможем на него наложить насыпанные землей мешки, которые будут скрывать проходящих по мосту и защищать от пуль.

— Прекрасно, Кириллов! Давайте так и делать, только скорее.

— Слушаюсь, давайте нам рабочих.

— Я снесусь с ротными командирами, они дадут в помощь солдат из резерва.

— Вот это хорошо; мы их поставим на заготовку хвороста и на насыпание землей корзин, а более сложные работы поручим людям саперной команды.

Возвратясь поздно вечером с саперной командой с места производства работ по устройству хода сообщений, я поделился с Ханчевым своим настроением:

— Смотрю и с каждым днем все более убеждаюсь, что большинство офицеров на различных полковых командах буквально лодырничают. Мне пришлось быть заведующим оружием полка, и моей обязанностью было заслушать вечером рапорт старшего оружейного мастера и подписать написанную им рапортичку в интендантство дивизии. Все остальное время некуда девать, был казначеем полка, и там служебные занятия не превышали получаса в день. В роте только во время боев приходится руководить солдатами. В обозе 2-го разряда и при штабе — сплошное лодырничество офицеров. Кто много занят, так это лишь те, которым приходится самим вести канцелярскую работу. Например, Моросанову, на обязанности которого лежит составление сводок, да еще полковому адъютанту, который завален грудой запросов, проектирует приказы и т. д. Все же остальные чины штаба — это балласт, содержимый неизвестно в чьих интересах. Вот здесь, в сапереой команде, старшой в команде Кириллов знает в сто раз больше, чем начальник команды. Само собой разумеется, что я совершенно не приспособлен к руководству саперным делом, как, в свою очередь, абсолютно к этой работе неприспособлен и прапорщик Ущиповский. Можно упростить и съэкономить на числе офицеров в полку, если бы предоставить большие права лучше нас понимающим дело солдатам.

— Ну, ты ересь плетешь, — возразил Ханчев. — Солдатам нельзя поручить командные должности, — их слушать никто не станет, просто пошлют к чорту, так что для дела получится не польза, а вред.

Мой денщик Ларкин часто заходит в комнату с предложениями:

— Не испить ли вам чайку, может быть устроить яичницу?

— Ты чего, Ларкин, так часто ко мне пристаешь, ты же знаешь, когда я захочу чаю, то позову тебя.

Ларкин уходит.

Наконец не выдержав, Ларкин заговорил о деревне:

— Весна, Дмитрий Прокофьевич!

Я приказал Ларкину, когда он останется со мной наедине, не называть меня «ваше благородие».

— В деревне пахать, небось, выезжают.

— Вряд ли,— возразил я. — Сейчас еще только половина марта, в Тульской губернии снег еще аршина на два на полях лежит.

— Оно так-то так, Дмитрий Прокофьевич, но все-таки, пока соберешься туда, уже и пахать время будет.

— Как соберешься, кто же нам позволит туда собраться?

— Все едут в отпуск, и нам пора бы ехать.

— Моя очередь будет в конце апреля.

— Возьмите меня с собою,— внезапно слезливо произнес Ларкин.

— Ладно, возьму, если позволят.

— Позволят, если вы захотите. Ущиповский с денщиком поехал. Старые офицеры все со своими денщиками ездят да еще и конюхов прихватывают.

— Возьму, Ларкин, возьму.

Ларкин радостно убежал к себе.

В один из вечеров я один составляю программу работ саперной команды по улучшению типа солдатской землянки. Зашел Ларкин.

— Дмитрий Прокофьевич,— обратился он ко мне,— Опарин приехал, в деревне только что был.

Опарин — односельчанин Ларкина, которого и я знал в мирное время.

— Позови его ко мне, пусть расскажет, что в деревне делается.

Вошел Опарин. Вытянулся передо мной, как полагается перед офицером.

— Здравствуй, Опарин! Давно из деревни?

— Недели две.

— Ну, как там живется?

— Плохо, в деревне никого нет, Дмитрий Прокофьевич, бабы одни остались, все на фронте. Призывают совсем почти мальчишек. Видел ваших родителей. Сестра Катерина Прокофьевна была на масленице дома. Она кончает учиться. Мамаша ваша приказала благодарить за присланные деньги. Корову теперь купили. Живут как будто ничего, только мамаша часто плачет, что сын на войне. Кланяются вам все. Просили сказать, что будут ждать вас весной.

В это время в комнату вошел прапорщик Завертяев. Сидевший на табуретке Опарин быстро вскочил.

— Ничего, ничего, не пугайся,— успокоил я Опарина.— Можешь итти к Ларкину, там с ним потолкуй, а если что надо, то заходи. А пока до свидания, — протянул я ему руку.

По выходе Опарина и Ларкина Завертяев возмущенно обратился ко мне:

— Как вы можете, прапорщик, быть фамильярным с солдатом?

— То есть как фамильярным?

— Подавать руку.

— Разве он не человек?

— Я вас не понимаю. Солдат есть солдат, который не должен рассуждать. Фамильярничанье, подача руки их развращает.

— Знаете что, прапорщик Завертяев, я не знаю, какого вы происхождения, но я того же самого, как и эти солдаты, и когда мне говорят, что солдаты это—серая скотина, то я отношу это на свой личный счет.

— Вы офицер!

— А вы по-моему мальчишка, если не понимаете простых человеческих отношений.

Завертяев вскочил:

— Я доложу командиру полка!

— Хоть самому господу богу или чорту!

На следующий день меня вызывает командир полка.

— Что у вас за столкновение вышло с прапорщиком Завертяевым? — сухо обратился он ко мне.

— Ничего особенного не было, господин полковник, просто мне не понравилось его вмешательство в чужие дела.

— Он был обязан вам напомнить, что офицер должен с солдатами и на службе и в неслужебное время держать себя, как подобает офицеру.

— Может быть вы и правы, господин полковник, но когда я встречаю своего товарища, друга детства, то не могу к нему подходить иначе, как к моему бывшему товарищу.

— Значит у вас в комнате ваш товарищ был?

— Это мой односельчанин, друг детства.

— Ну, это другое дело. Я полагал, что к вам вообще заходят солдаты.

В тот же день при встрече с о. Николаем я завел разговор о происхождении Завертяева.

— О, это отличный молодой человек, прекрасный офицер. Из хорошей семьи, в нем сразу воспитание чувствуется,— говорил поп.— Его отец — директор крупного предприятия в Средней Азии, в чине действительного статского советника.

Теперь понятно, почему Завертяев сидит делопроизводителем полкового суда.

К моему удивлению, вскоре после разговора с попом Завертяев снова появился в моей комнате.

— Простите меня, прапорщик Оленин, что я допустил у вас неуместную выходку.

Я насторожился.

— Я считаю, что вы совершенно правы, когда, встречаясь со своими старыми знакомыми, в каком бы они звании ни были, принимаете их в дружественной форме. Я поступил бы точно так же, если бы встретился с каким-нибудь школьным товарищем хотя бы и в солдатском платье.

— Я вам тогда же сказал, Александр Исаич, что это мой земляк.

— Я поступил по-мальчишески, просто не подумал, прошу извинить меня.

— Я человек не злой, ничего особенного не произошло. Если я сказал вам грубость, то прошу в свою очередь извинить меня.

Кириллов предложил мне пойти на следующий день вместе с людьми моей команды, а по возможности и с офицерами 12-й роты в Сапанов.

— Почему завтра? — спросил я.

— Сегодня заканчиваем мост, и с завтрашнего дня ход сообщений будет так же безопасен от пуль австрийца, как обоз 2-го разряда.

Пригласил Ханчева, Моросанова. Пошли. Увидели прекрасный надземный ход сообщений, широкий, устланный тонкими досками, чтобы нога не утопала в грязи. Построен зигзагообразно и с учетом направлений летящих от противника пуль. Корзины в один метр, наполненные землей, представляли из себя непроницаемую для пуль броню. Особенное восхищение Моросанова, Ханчева и других вызвал устроенный мост. Широкий, на крепких основах, глубоко забитых в дно реки, с устланными по краям моста мешками с землей, он представлял из себя, по выражению Ханчева, «Сапановский проспект».

— Прямо хоть с сестрами прогуливаться!

С этого дня связь с Сапановым усилилась.

Приехал прапорщик Ущиповский. Передав ему саперную команду, я отправился к командиру за получением дальнейших распоряжений.

— Сегодня должен уехать прапорщик Боров,— сказал Радцевич. — Я прошу вас на время его отпуска принять на себя заведывание газовой командой .

— Слушаюсь, господин полковник.

Газовая команда помещается рядом с саперной. Солдат было в четыре раза меньше, всего тридцать человек. Но для меня это дело представляет интерес, хочется поближе познакомиться с газовой обороной. Нашел прапорщика Борова. Молодой добродушный украинец ускоренного выпуска Алексеевского военного училища.

— А, Оленин, душа мой! — приветствовал он меня.— Я так и думал, что тебе придется газовой обороной ведать. Пойдем, познакомлю с моим химическим арсеналом.

Построив свою команду, Боров объявил, что он уезжает на три недели в отпуск, — плюс дорога, — хитро добавил он, и за время его отсутствия по распоряжению командира полка начальником команды будет прапорщик Оленин.

— Прошу его слушаться лучше, чем меня. Если я лодырничал и вас мало подтягивал, то уж прапорщик Оленин этого не допустит.

Отношение прапорщика Борова к солдатам показалось мне товарищеским.

Вгляделся в лица солдат. Заметно, что они не считали меня хуже Борова.

— Будем работать, ваше благородие! — закричали солдаты в ответ на слова Борова.

После этого прапорщик Боров повел меня в химический склад.

По сути дела никаких химических принадлежностей в этом складе не было, если не считать несколько десятков сваленных в кучу противогазов Куманта-Зеленского, являв-

шихся учебным материалом для газовой команды. Тут же была отложена и сухая древесина, вернее крупная щепа.

— Для чего противогазы, я знаю, а вот для чего щепа — не понимаю.

— Хэ! — хитро прищурился Боров. — Химическое дело — тонкая штука. Нужно быть подлинным химиком, чтобы понимать. Щепа...—протянул он. — А вдруг ежели газовая атака, как газ будешь отгонять?

— Не щепой, надеюсь.

— Погоди, слушай до конца. Солдаты, конечно, противогазы наденут, но в противогазе просидишь недолго. Надо газ выкурить. А как?

— Щепу надо зажигать.

— Хэ, смекалистый ты парень, из тебя химик будет. Теперь погляди вот это.

Боров подвел меня к большой мачте, на которой болтался флюгер.

— Это, друг мой, матереологическая станция.

— Какая же это «матереологическая станция»? Просто флюгер, у нас такие в деревне на мельницы вешают.

— На мельницы... А для чего вешают?

— Вероятно, для определения направления ветра.

— Хэ... Ну, и здесь для того же. Вот ежели, скажем, ветер идет с нашей стороны в сторону австрийца, как сейчас флюгер показывает, то можно спать спокойно, газ против тебя не выпустят. Если же ветер в нашу сторону, то держи ухо востро.

— Мудреная штука! — рассмеялся я. — Покажи, что еще есть.

— Пойдем в помещение команды.

Вошли в большую землянку, специально вырытую для размещения газовой команды. На земляных нарах лежало два солдата.

— Вы тут чего валяетесь? — набросился на них Боров.

— Живот болит, ваше благородие.

— Опять наверное шлялись по деревне, нажрались чего-нибудь.

— Никак нет, ваше благородие, чечевица вечор была, так от ей и несет.

— Знаем мы эту чечевицу! Так вот смотри, — обратился ко мне Боров, проводив в один угол землянки, где было свалено несколько небольших колоколов и здоровых толстых литровых бутылок.

— Это тоже химия? — рассмеялся я.

— Хэ...

— Я тут ничего химического не вижу.

— Эх, какой ты дурень! Ты вперед послушай, что я тебе скажу, а потом делай вывод. Ну вот, скажем, мой матереологический пункт показывает, что ветер в нашу сторону.

— Допустим, что так.

— Вообрази, что австриец выпустил газ.

— Воображаю.

— Как создать тревогу, чтобы люди надели противогазы?

— Да просто-напросто крикнуть.

— Крикнуть... А если в это время стрельба, услышат они?

— По цепочке передать.

— Пока передавать будешь, перетравятся все. Так вот, чтобы люди во-время узнали о газе, надо им дать сигнал такой, который далеко был бы слышен, для чего у каждого наблюдательного пункта надо повесить колокола, а так как на все пункты колоколов нехватит, то можно повесить бутылки. Услышат звон, значит газ, надевай противогазы.

— Очень хорошо ты придумал,—расхохотался я.—Только боюсь, что звон твоих бутылок слышен еще менее, чем голос.

— Пойдем попробуем.

Взяв бутылку, Боров вышел из землянки, привязал ее к стоящему против землянки столбу и со всего размаха ударил лопаткой. Бутылка издала действительно сильный звук.

— Может быть хочешь посостязаться? Ты кричи, а я буду бить по бутылке. Узнаем, чей звук сильней.

— Верю, верю, бутылка будет звенеть сильнее.

— Теперь я тебя проинструктирую, что в ротах должны делать. Наблюдатель, заметивши выпущенный газ, дает установленный сигнал. Люди надевают противогазы и тотчас же зажигают костры из щепы, заранее приготовленной и находящейся в окопах.

— Вся беда в том, — сказал Боров, когда закончили осмотр его имущества,—что люди в полку обращаться с противогазами не умеют. Не тренируются. Наденет солдат на свою физиономию эту резиновую штуку и через полминуты уже задыхается. Если пустить газ, то никаких колоколов не надо, все равно добрая половина солдат сорвет с себя противогазы, а если не сорвет, то задохнется в масках.

— Чего же ты смотришь? Должен настаивать, чтобы тренировались.

— Я уйду в отпуск, а ты этим делом займись. Хотел бы по возвращении видеть, чтобы полк по два часа в масках ходить мог.

— За три недели это сделать трудно, но все же попытаюсь.

— Свечку поставлю, если удастся. Кроме того сильно портят противогазы... Знаешь, кто портит?

Боров осмотрелся кругом и, приблизив лицо ко мне, шопотом произнес:

— Командный состав армии портит.

— Что ты чушь мелешь?

— Не чушь, а факт. По армии издан приказ:

Замечено, что солдаты во многих частях используют противогазы для очистки через активизированный уголь, в них содержащийся, денатурата лака и других спиртных суррогатов. Предлагается командному составу установить наблюдение и не портить противогазов для очистки спиртных суррогатов.

— Ну что ж, приказ вполне законный.

— Эх, какой ты дурень! Сразу видно, что кацап. У нас в полку никто этим не занимался, так как никто не знал, что противогаз может служить хорошим фильтром для очистки денатурата, а как прочли приказ, теперь все, кто достает денатурат, очищают его через противогаз, и первый начал это Земляницкий. Понял?

Апрель, май

Перед пасхой Радцевич-Плотницкий уехал в отпуск. Его замещает вернувшийся из тыла после длительного лечения полковник Хохлов.

Хохлов зимой заболел холерой. Считали его положение безнадежным, но к удивлению всех он выздоровел и вернулся на фронт без всяких следов перенесенной болезни. Радцевич-Плотницкий оставил Хохлова при штабе как бы в качестве своего помощника.

В мирное время полковник Хохлов был командиром Усть-Двинской крепости и во 2-й полк получил назначение уже во время войны.

Хохлов терпеть не мог прапорщиков. Хотя у нас в полку уже много поручиков, произведенных из прапорщиков на основании приказа о льготах офицерскому составу, тем не менее Хохлов при встречах с такими поручиками продолжал упорно называть их прапорщиками.

В сопровождении попа, с которым Хохлов оказался приятелем, он часто обходит тыловые команды, делая резкие замечания офицерам из прапорщиков по поводу тех или иных дефектов. Был у меня в газовой команде. Я объяснил Хохлову назначение команды, проводимую работу по инструктированию рот, какие меры надо принимать в случае газовой атаки. Он иронически выслушал меня, заставил команду продемонстрировать стрелковые упражнения в масках, произвел несколько походных движений также в масках и

напоследок заставил произвести бег на месте на протяжении почти десяти минут. Люди команды, хотя и натренированные за последнее время к пользованию масками, тем не менее обливались потом и буквально задыхались к концу упражнения. После упражнений Хохлов сделал мне замечание, что если люди команды плохо выдерживают какой-нибудь час занятий в масках, то чего же требовать от рот.

— В ротах совсем не упражняются, господин полковник,— доложил я.

— Почему же вы их не заставите?

— Мною об этом доложено командиру полка.

— А почему мне об этом не известно?

— Не могу знать.

— Вы должны были тотчас же после моего вступления в обязанность командира полка доложить об этом.

— Я считал, господин полковник, что командир полка сделал соответствующие распоряжения.

Раздраженность Хохлова действует не только на мои нервы, но также на людей команды.

Скоро вернулся из отпуска Боров.

Теперь моя очередь ехать на три недели в отпуск.

В несколько мгновений мы с Ларкиным уложили чемодан.

Ларкин едет со мной. Доволен до чрезвычайности.

Радости стариков не было предела...

Три недели промелькнули незаметно.

За время отпуска в полку произошли перемены. Штаб переведен из Бело-Кернеца в Судовичи, ближе к Дубно, по соседству с 8-й дивизией. Бело-Кернец занял другой полк. Самая опасная и наиболее скверная Сапановская позиция продолжала заниматься одним из батальонов нашего полка.

Перевод в Судовичи объясняли тем, что высшее командование делает перегруппировку частей, вводя ближе к позиции новые резервные полки, находившиеся в непосредственном распоряжении армейского командования. В половине мая, рассказывали мне в полку, ожидается общее наступле-

ние по всему фронту. Главный удар намечается на Западном фронте, которым командует Эверт. Наш же, Юго-западный, возглавляемый генералом Брусиловым, должен вести лишь демонстративные атаки с целью отвлечения неприятельских сил от основного места удара.

Представившись по приезде в полк командиру полка Радцевичу-Плотницкому, я ждал нового назначения.

— Побудьте несколько дней при штабе полка,—сказал Плотницкий.—На этих днях должен уехать в отпуск штабс-капитан Мокеев, и на время его отсутствия я предложу вам исполнять его должность—командира нестроевой роты.

— Слушаюсь, господин полковник.

Съездил к Мокееву для предварительного ознакомления с обязанностями командира нестроевой роты. Сейчас ее задача—образовать запасы зернового фуража, консервов, сухарей на случай быстрого движения вперед, если предполагаемое наступление окажется удачным.

— Вам особенно беспокоиться нечего,—говорил Мокеев.—Рота имеет прекрасного фельдфебеля, отлично знающего свое дело. Вам лишь останется иметь общее наблюдение.

Нестроевая рота помещалась в небольшом лесочке, расположенном позади Рижских казарм. От командира полка поступило распоряжение тяжелую часть обоза первого разряда и все запасы перебросить ближе к Судовичам в деревню Переросли. На месте же стоянки нестроевой роты остается лишь обоз, имеющий непосредственное боевое значение, как то: патронные двуколки и походные кухни.

Переехал в Переросли. Занял отличную хату. В деревне, кроме моей нестроевой роты, других частей нет. Ежедневно, после 12-ти часов, ездил в Судовичи разузнавать о предстоящих действиях полка. День офицеров в Судовичах тот же, что и в Бело-Кернеце. С утра до ночи преферанс или шмэнде-фер, а в перерыве между игрой выпивка, добываемая или в Кременце, или через Шарова, который наладил связь с

киевскими виноторговцами и систематически получал для нужд офицерского собрания вино и водку.

Интересно, что в то время как в тылу, например, в Москве, Туле, продажа спиртных напитков воспрещена, в ближайшем к фронту столичном городе—Киеве—идет открытая торговля винами.

Наиболее интересные фигуры из офицеров, которых я раньше не знал, поручик Казаринов и штабс-капитан Вишневский. Казаринов—болезненного вида, еще молодой офицер, чрезвычайно мистически настроенный. Он в Судовичах открыл гадалку и чуть ли не каждый день ходит к ней угадывать свою судьбу по линиям руки, по картам и даже по кофейной гуще.

Вишневский, в противоположность Казаринову, разухабистый, жизнерадостный офицер, все мысли которого направлены к добыванию водки и женщин. Вишневский долгое время лечился в тылу от гонорреи, залечив, получил вновь и сейчас еще продолжает ходить на осмотр к врачу.

Встретился с Блюмом, который теперь стал старшим врачом полка. Он очень радушен, журил меня за то, что долгое время к нему не являлся, предложил для моего пользования ресурсы своей походной аптечки, свои книги, просил навещать его почаще.

— Очень рад,—говорил он,—что теперь вы выбились из своего прежнего положения и, как я слышал, завоевали себе достаточное уважение не только со стороны солдат, которые попрежнему вас любят, но также и со стороны офицеров. На вас не смотрят, как на других прапорщиков, произведенных из фельдфебелей и унтер-офицеров. Все почему-то считают, что вы имеете высшее образование и отбывали воинскую повинность простым рядовым по неизвестным для них обстоятельствам.

— Как идут дела насчет подготовки к наступлению?— спрашивал я.

Блюм часто встречался с командиром полка и был в курсе всех, даже секретных сведений.

— Наступление намечается на 15 мая,—ответил Блюм.— Причем, по словам Радцевича-Плотницкого, наш полк будет на наиболее спокойном участке. Главная тяжесть боя должна пасть на части 35-ой дивизии, которые подведены к Кременцу и должны на этих днях занять Сапановские позиции.

Главные силы наступления сосредоточатся на Западном фронте, в Брест-Литовском направлении. На Юго-западном же фронте, на Ковельском направлении будут развивать лишь демонстративные операции.

15 мая ждем с нетерпением. Однако это число прошло, подошло 16, 17, а наступления все нет. 18 мая вечером ко мне в Переросли заехали Ханчев и Морсанов.

Благодушествуя в хате за чаем, Моросанов поделился последними сведениями о предстоящем наступлении.

Наступление задержалось из-за неготовности Эверта. Сейчас происходит совещание в штабе верховного командующего о том, какое из направлений нужно признать решающим и где следует сосредоточить главный удар.

— А наш полк, — спросили мы с Ханчевым, — будет во время наступления сидеть на этих второстепенных позициях, какими являются Судовичские, или введен в дело?

— Трудно сказать, пока никаких данных о том, что нас отсюда передвинут куда-либо, еще нет. Плотницкий говорит, что имеется намерение перенести центр тяжести нынешнего наступления на фронт генерала Брусилова и будто бы Брусилов от этого не отказывается. Но это лишь слухи, точных данных нет. Немцы, конечно, знают о подготовляющемся наступлении и со своей стороны принимают контрмеры. Так на Западном фронте, по данным разведки, немцы перебросили со своего западного фронта целый ряд новых корпусов. Это обстоятельство и смущает Эверта. Кроме того, вообще боятся наступления на участке, где находятся немцы. Считают более удобным перейти в наступление на

австрийские позиции, так как австрийцы более слабы в боевом отношении и поэтому больше имеется шансов на успех.

Моросанова вызвали к телефону из штаба. Я передал ему трубку. Говорил Радцевич-Плотницкий. Окончив разговор, Моросанов повернулся к нам со словами:

— Ну вот, теперь дело решено.

— Что решено?—нетерпеливо спросили мы.

— Решено наступление. Назначен день и уже известны те части, которые будут наступать.

— Какие же?

— Не знаю. Командир полка приказал мне немедленно явиться в штаб для подготовки распоряжений, сообщив лишь, что имеются все данные, необходимые для дальнейших действий.

Моросанов тотчас же уехал. Ханчев остался у меня ночевать. На следующий день утром вместе с Ханчевым поехали в Судовичи. Зашли к Моросанову в надежде получить более точные сведения.

— Ничего сказать не могу. Секрет. Скоро узнаете из приказа,—уклонился от прямого ответа Моросанов. Вам-то, Оленин, нечего беспокоиться. Сидите себе в своих Переросляx, а вот Алексею Павловичу немедленно надо отправляться в свою роту.

---

21 мая штаб полка срочно покинул Судовичи, переехав в Рижские казармы, находящиеся напротив Сапановских позиций. Туда же двинут находившийся в резерве при штабе полка 3-й батальон. Все офицеры полка, бывшие по тем или иным причинам при штабе для исполнения мелких поручений или для отдыха, разосланы по своим местам в роты. У командира полка беспрерывные совещания с начальником хозяйственной части, полковым врачем Блюмом, заведывающим оружием, начальником связи и другими, имеющими отношение к подготовке боя. Я получил распоряжение продолжать оставаться в нестроевой роте, в Судовичах, уста-

новив тесную связь с боевой частью обоза, подтянутой также в Рижские казармы. От писаря оперативной части штаба удалось выведать, что из штаба дивизии получен приказ: в ночь на 22 мая 11-му полку полностью занять Сапановские позиции, сосредоточив весь полк на небольшом и тяжелом участке.

9-й полк остановился рядом с 11-м. 12-й непосредственно в затылок 11-му и 9-му полку, а 10-й полк с ночи должен сосредоточиться в усадьбе сельско-хозяйственного училища, в Бело-Кернеце.

Позади Рижских казарм, в лесочке за Бело-Кернецом, под Кременцом и непосредственно в Кременце, а также в Бело-Кернеце сосредоточено огромное количество артиллерии. Сюда подвезены не только пушки дивизионной артеллерии, но и все корпусные и еще несколько отдельных артиллерийских бригад, присланных из армейского резерва.

Настроение нервное. Развитие операций начнется в ближайшие дни. Судя по подготовке, по числу подвозимых артиллерийскими транспортами снарядов, можно предположить, что именно под Сапановым разовьется настоящий генеральный бой.

В нашем корпусе все силы подтянуты к Сапанову.

ГЛАВА II

САПАНОВСКИЕ БОИ

Часа в три утра, когда только что начал брезжить рассвет, я проснулся от артиллерийских разрывов. Канонада настолько сильна, что в моей хате звенят стекла.

Оделся. Ларкин кипятил чай.

— Хорошо, Дмитрий Прокофьевич, что мы с вами в Переросляx находимся. Много сегодня наших не досчитаются.

— Да, Ларкин, но нам с тобой должно быть немного совестно, что мы отсиживаемся здесь, когда другие в бою находятся.

— А какая нам польза там находиться?—возразил Ларкин.—И без нас хватит. Чего ради? Что мне за это земли, что ли, прибавят или новую хату построят? Искалечить или убить могут.

Я промолчал.

Выпив наскоро стакан чаю, я направился к Рижским казармам. Шел беспрерывный гул артиллерийской канонады. Выехав на возвышенное место, при лучах восходящего солнца, увидел жуткую картину боя под Сапановым.

Окопов ни русских, ни австрийских не видно. Над ними густой столб свинцового дыма и беспрерывно полыхает огонь от снарядов, разрывающихся над неприятельскими и нашими окопами.

Получил телефонограмму от Моросанова экстренно перебросить с обозом в лесок, позади Рижских казарм. Быстро

уложили повозки. 18 километров до новой стоянки проделали на рысях в течение одного часа. Наскоро соорудили землянки для укрытия от снарядов,— замаскировали повозки свежесрубленными деревьями, лошадей увели в ближайший овражек.

На фронте беспрерывная канонада. Залпы снарядов настолько сильны, что чувствуется колебание почвы в землянках обоза в шести километрах от поля битвы. Дежурный телефонист беспрерывно принимает телефонограммы о подвозе патронов, о высылке телефонного кабеля, о приготовлении в Сапанове походных кухонь. В промежутки между приемами телефонограмм телефонист успевает обменяться несколькими словами с телефонистом, находящимся при полевом штабе полка:

— Наступление развивается успешно.

— Первая линия окопов взята. Артиллерийский огонь перенесен на вторую линию австрийцев и сметает сильные проволочные заграждения. Сведения об удачном наступлении бодрят солдат обоза.

Поздно ночью в обоз за телефонами прибыл грязный, оборванный телефонист.

— Ты ли это, Сафонов?

— Я, ваше благородие. Досталось сегодня. С двух часов утра неотлучно находился при командире полка, непосредственно в Сапанове.

— Расскажи, как началось наступление.

— В два часа ночи,— начал Сафонов,— пришло распоряжение командира бригады Музеуса перебросить полевой штаб полка из Бело-Кернецкого училища в Сапанов, в землянку, где когда-то помещался Измайлов. Сам Музеус к двум часам прибыл в Бело-Кернец и в моем присутствии рассказывал полковнику Радцевичу о плане наступления:

— «Атака нашей дивизии носит демонстративный характер, мы должны оттянуть на себя внимание австрийского командования. Переброска в нашу сторону австрийских войск

с других участков даст возможность успешному наступлению войск в районе Буска. Для успешности руководства операций и для подъема масс надо, чтобы командиры были ближе к окопам. Я,—говорил Музеус,—расположусь около хода сообщения на железной дороге, а вы,—предложил он Радцевичу,—немедленно отправляйтесь в Сапанов, проследите за тем, чтобы командиры батальонов были все на своих местах и ни на шаг не отставали от движения батальонов. То же должны сделать и ротные офицеры. Всякий отставший офицер будет строго наказан».

Начинающиеся бои, по словам Музеуса, после сокрушения австрийцев на Юго-западном фронте должны решить исход войны. Пришли в Сапанов на рассвете. Батальонные командиры были уже предупреждены о начале наступления немедленно вслед за ураганным огнем, который должен начаться в три часа утра и кончиться к пяти. Телефонистам пришлось много работать, устанавливать телефонную связь командиров батальонов с ротными командирами. Мне, в частности, пришлось обслуживать третий батальон и в течение нескольких часов быть около капитана Савицкого.

Ровно в три часа начался артиллерийский обстрел. Стреляли так, как еще никогда во время войны мы не слышали. Артиллерийские снаряды летели буквально со всех сторон, не делая одной минуты перерыва. Окопы австрийцев против 3-го батальона в течение часа были буквально засыпаны землей. Проволочные заграждения разбиты до основания. Начатый было австрийцами против 3-го батальона оружейный и пулеметный огонь был прекращен в какие-нибудь полчаса. 9-я и 12-я роты к пяти часам утра были уже у австрийских окопов. Наши телефонисты, сопровождавшие эти роты, передавали потом, что в австрийских окопах они не встретили никакого сопротивления. Австрийские офицеры и солдаты не были подготовлены к такой мощной атаке с нашей стороны и к такому сильному артиллерийскому обстрелу. Австрийцы, прижавшиеся вплотную к земле на дне окопов, при

появлении русских солдат сразу сдались. В течение нескольких часов огромные толпы австрийских солдат выводились из занятых позиций в тыл. Взята масса пулеметов.

После занятия первой линии окопов артиллерия перенесла свой огонь на вторую линию. Австрийская артиллерия в свою очередь начала сильный обстрел сапановской позиции. Многие снаряды рвались вокруг землянки полевого штаба. Не раз засыпало землей окоп телефонистов.

К девяти часам покончено и с окопами второй линии, где захвачено много траншейных орудий, бомбометов, минометов и пулеметов. Пленных оттуда волокли в продолжение нескольких часов.

После взятия второй линии окопов огонь со стороны австрийцев прекратился и наши солдаты получили передышку.

В окопы пришли Раддевич с Музеусом. Ходили, осматривали устройство окопов, проволочные заграждения; удивлялись, насколько у них все благоустроено. Вместе с Музеусом был командир саперной роты Зенкевич, который особенно интересовался устройством лисьих нор.

Капитан Зенкевич, желая узнать внутреннее расположение лисьих нор, спустился в одну из них. Прошло минут десять—Зенкевич не выходит. Музеус, торопясь итти дальше, стал кричать в лисью нору, чтобы Зенкевич скорее выходил. Ответа не было. Заподозрили, что с Зенкевичем что-то случилось.

Музеус распорядился, чтобы в лисью нору спустить несколько солдат с винтовками. Полезшие в нору солдаты с первой же ступеньки стали кричать, что в норе газ. Шедшего впереди солдата им удалось вытащить наверх с признаками отравления. Тогда Музеус приказал пойти в лисью нору в противогазах. Вошедшие в нору солдаты нашли Зенкевича мертвым от отравления газом. Оказалось, что внутри лисьей норы лежал балон с открытым газом.

После этого Музеус распорядился не входить в лисьи норы без противогазов.

В австрийских окопах мы видели горы бутылок из-под различных минеральных вод, массу консервных коробок. Видимо австрийские солдаты не имели походных кухонь и не всегда получали горячую пищу. Зато у них не было и таких ходов сообщений, как наш сапановский, в котором за зиму так много было перебито народу. Правда, местность за австрийскими окопами не такая болотистая, как перед нашими, а пересеченная, позволяющая скрывать не только приходящих, но даже и привозить продукты. К самой второй линии окопов подходит узкоколейная дорога, по которой подвозились припасы, снаряжение и продовольствие.

До часа дня полк был занят учетом потерь, ознакомлением с австрийскими окопами, установлением трофеев, а после часа наша артиллерия снова открыла ураганный огонь по третьей позиции австрийцев, которая проходила около Вербы.

С третьей линией пришлось повозиться, так как артиллерийский огонь стал более слабым, чем утром. Тяжелые орудия перенесли свой огонь на артиллерийские батареи, находившиеся за третьей линией. К вечеру наша артиллерия заставила молчать артиллерию австрийцев, после чего перенесла свой огонь на окопы, и вскоре эти окопы оказались в наших руках. Пленных взяли видимо-невидимо. Думаю, что не меньше десяти тысяч. Их гнали до самой поздней ночи.

— А у нас потеряли много? — спросил я.

— Как будто не особенно. Во всяком случае в 9-й и 12-й ротах, в которых мне пришлось быть лично, не говорили, что у них много побито. Правда, шло очень много раненых, которые могли двигаться на перевязочные пункты сами, немало раненых я встретил и в самих окопах. Убитых же как будто не так много. Пока своих потерь полностью еще не подсчитали. В австрийских окопах трупов много, много и раненых, но живых взято в плен несравненно больше.

В 12 часов ночи нашим телефонистом подслушана телефонограмма штаба полка, адресованная в штаб дивизии, в

которой сообщались результаты боя 22 мая. Телефонограмма гласила:

Лихим ударом 11-го и 12-го полков Сапановские укрепленные позиции австрийцев взяты. Полки заняли первые три линии австрийских окопов. Взято в плен 120 офицеров, 3 000 нижних чинов. Захвачено 30 минометов и бомбометов, 12 орудий и 85 пулеметов. Кроме этого большое количество ручного оружия. Наши потери: офицеров убитыми—8, раненными и контуженными—17, нижних чинов убитыми—350, раненными и контуженными—800. Дальнейшее наступление предположено с утра следующего дня.

Смотря на число убитых и раненых, можно сказать, что из двух полков, принимавших участие в наступлении на Сапановские позиции, выбыло свыше одной четверти их штатного состава, а так как обычно в бою принимают участие штыки и сабли, т. е. лишь строевые части, находящиеся в окопах, то надо признать, что полк потерял добрую половину своего состава.

Следующие два дня прошли в относительном затишьи. Войска 3-й дивизии продвинулись вперед на расстояние всего лишь трех-четырех километров, встретив дальше на своем пути новые, сильно укрепленные австрийские позиции, перед которыми и застряли до момента, пока наша артиллерия не передвинется ближе к Сапанову. Саперные части и команды брошены на устройство гати по сапановскому болоту для продвижения артиллерии непосредственно к Сапановской позиции, ибо с того места, с которого стреляла артиллерия 22 мая, обстрел австрийских позиций, встреченных на пути за селом Верба, за дальностью расстояния невозможен.

Новую, чрезвычайно сильную канонаду пришлось услышать на рассвете 26 мая. Так же, как и 22-го, в три часа утра поднялся бешеный ураганный огонь, сотрясший землю даже у нас в обозе.

Наши войска перешли в наступление.

С большим нетерпением ожидали мы окончания обстрела, чтобы узнать о результате сегодняшнего боя.

К полудню стрельба притихла.

Мимо Рижских казарм по шоссе в сторону Дубно, с одной стороны, и к Кременцу, с другой, тянулись колонны раненых и австрийских пленных. Появление огромных толп пленных свидетельствовало об успехе наших войск. Значит, и эту позицию полки 3-й дивизии взяли...

В шесть вечера неожиданно прибыл поручик Ханчев. Вид Ханчева показывал о его непосредственном участии в бою, Грязный изорванный мундир и штаны от лежания в окопах, следы грязи на лице. Бледный, измученный.

— Что с тобой, Алексей Павлович? Ранен?

— Нет, контужен только. Дай, отдохну, а потом поговорим.

Я предложил свою кровать. Приказал Ларкину срочно вскипятить чай. Добыли в аптечном складе спирта. Выпив спирту и несколько стаканов чаю, Ханчев пришел в себя и рассказал о пережитом за последние четыре дня.

— Тебе хорошо,—начал он,—что застрял в обозе. Меня же из Судович с места в карьер бросили в Сапанов, на тот самый участок, на котором мы с тобой сидели зимой. Не успел я пробыть в роте и нескольких часов, как поступило распоряжение приготовиться к атаке. В двенадцать ночи мы снялись с первой нашей линии, сменившись резервными солдатами, и стали ожидать артиллерийской стрельбы. Артиллерия начала стрелять на рассвете. Близость австрийских окопов заставляла нас бояться, что наши снаряды могут попадать в своих солдат. К счастью, этого не случилось. Артиллерийский обстрел был настолько силен, что австрийцы были совершенно парализованы.

На наших глазах на расстоянии нескольких десятков шагов происходило разрушение австрийских проволочных заграждений. Тяжелые снаряды, разрывая проволоку в клочья, образовывали широкие проходы для продвижения наших солдат. Австрийские окопы заваливались землей.

Пытавшиеся бежать из первой линии окопов австрийцы настигались нашими снарядами на полпути и здесь же рвались в клочья.

К половине пятого со стороны австрийцев не было признаков жизни. Обстрел продолжался лишь с нашей стороны. Около пяти, вслед за окончанием артиллерийской стрельбы, мы быстрым налетом захватили первую линию окопов. Сопротивления никакого не было.

Первая линия нами занята почти без потерь. Что только представилось глазам в этих окопах! Огромное количество убитых австрийцев, масса разорванных в клочья. Тут же совершенно обалдевшие, растерявшиеся люди, лишенные разума, не понимающие, что вокруг них происходит. Я думаю, что из всей первой линии не осталось ни одного полностью уцелевшего человека.

Вскоре перешли в наступление на вторую линию. Разрушений проволоки перед второй линией было меньше, и нам пришлось пустить в ход ручные ножницы. Я сам застрял в первой линии, руководя действиями своих взводов через посыльных. Но видел, как расстреливали наших солдат, застрявших перед неразбитыми проволочными заграждениями, почти в упор.

Но вот взята и вторая линия. Некоторый интервал во времени. Затем наступление на третью линию. Во время этого наступления у меня убили прапорщика Плохотного, ранили Патютко, сильно контужен Жуков, убили Лапшина (подпрапорщика) и много старых солдат.

Когда мы стали к концу дня подсчитывать свои остатки, то я не досчитался половины людей роты. Правда, мы взяли много австрийцев в плен, много захватили трофеев, значительно больше захватили, чем потеряли, но все же велика потеря и в роте.

После этого боя мы сидели сравнительно спокойно три дня, пока наша артиллерия меняла свои позиции и продвинулась ближе к Сапанову. Но что произошло сегодня, я сей-

час передать не в состоянии. Было что-то кошмарное. Сегодня мы перешли в дальнейшее наступление, но совершенно неожиданно 12-я рота благодаря идиотству Савицкого попала в исключительно скверное положение. Есть еще спирт?

Я налил еще стакан разведенного спирта. Ханчев выпил. Пролежал несколько минут молча. Попросил сделать ему на голову компресс. Старался собраться с мыслями, чтобы продолжить свой рассказ.

— Спи, потом расскажешь.

Не желая утруждать Ханчева дальнейшим рассказом, я вышел из землянки. Вернувшись часа через два в землянку, я застал Ханчева сидящим за чаем, разговаривающим с Ларкиным и своим денщиком Хабидулиным о хозяйственных делах.

Ханчев спрашивал, где находятся повозки, в которых хранятся вещи третьего батальона (они находятся в обозе второго разряда), сколько времени надо пройти пешком до Лутовищ, чтобы принести оттуда белье и другие вещи. Я просил его не беспокоиться посылкой денщика за двадцать километров, взять белье у меня и пойти вымыться в импровизированной бане, которую мои солдаты устроили при обозе.

Ханчев сходил в баню, надел чистое белье, новую суконную солдатскую гимнастерку и штаны и через час вновь сидел со мной за чаем. Шутливый оттенок был в его голосе.

— Спасибо, что накормил и напоил, особенно за последнее,—смеялся он.—Теперь я совершенно здоров. Я думаю, что я не столько контужен, сколько измучен и издерган Сейчас шум в ушах прошел, голова посвежела, лишь чувствую себя несколько разбитым. Думаю, что, прожив у тебя несколько дней, смогу обратно вернуться в роту.

— Живи сколько угодно, а главное—сколько позволят,—пошутил я.

— Расскажу все по порядку. Наступление 22 мая велось более организованно, чем когда-либо. Это мы приписываем не-

посредственному руководству Музеуса, который разместился по соседству с наступающими частями. Офицеры были вместе с частями, и даже Савицкому не удалось изловчиться застрять где-нибудь при штабе. Радцевич находился на расстоянии каких-нибудь четырехсот метров от первой линии окопов.

Таким образом, первый день прошел хорошо. Солдаты видели, что офицеры не отстают, находятся близко и подвергаются такой же опасности. Зато в последующие дни стало по-иному. Первые три дня мы сидели в третьей линии австрийских окопов, затем подошли к их следующей оборонительной линии, проходившей за деревней Вербой. Музеус к этому времени перешел в Сапанов, там же остался и Радцевич. Савицкий, сославшись на сильную контузию, тоже застрял в Сапановских окопах и дальнейшим наступлением решил командовать через ординарцев, находясь в трех-четырех километрах от рот. Вечером Савицкий передал по телефону, что он плохо себя чувствует и поручает мне старшинство над третьим батальоном. Я созвал ротных командиров, распределил между ними роли и решил, что, поскольку 12-я рота уже достаточно потрепана, наступление на впереди находящуюся новую линию австрийцев поведут первые три роты батальона, а 12-я будет при мне все время в резерве.

Точно по расписанию, вслед за артиллерийским обстрелом первые три роты двинулись в наступление, оставив при мне своих связистов. Роты начали наступать на правый фланг австрийских позиций, находившийся далеко влево, примерно за полкилометра от участка моей роты. Левый фланг австрийцев упирался в Судовические болота, откуда, как мне казалось, ожидать каких-либо сюрпризов оснований не было.

На всякий случай я выставил караул для наблюдения за левым флангом австрийцев. То ли мои наблюдатели прозевали, то ли условия местности таковы, но вскоре после

выхода в наступление прибежавший ко мне Шурыгин испуганно доложил, что на нас с фланга наступают немецкие колонны. Я выскочил из землянки. Вижу, действительно, на расстоянии 500—600 шагов движется немецкая часть в количестве 250 — 300 человек. Позвал к себе пулеметчика Махова, Шурыгина и Коптева.

Затаив дыхание ждали мы приближения немцев. При только что взошедшем солнце нам был заметен каждый немец. Они шли равномерно, четко, сомкнутой колонной. Подпустив их шагов на 300, мои пулеметчики одновременно из трех пулеметов открыли по ним огонь. Немцы шарахнулись, бросились на землю окапываться. Но пулеметы так резали, что через какие-нибудь десять минут вся колонна осталась пригвожденной к земле. Тут я бросил на немцев свой первый взвод, который целиком захватил уцелевших, разоружил и в сопровождении нескольких солдат направил в Сапанов.

Прошло полчаса. Видим опять со стороны Судовических болот новую группу немцев. Повторяем тот же маневр и через полчаса забираем почти полностью ее в плен.

Прождали еще с полчаса. Снова оттуда же выходит колонна людей, численностью значительно больше предыдущих. Тут мне пришлось ввести в бой, кроме своей роты, еще оттянутую от наступления полуроту 9-й роты. Новая немецкая колонна шла с большими предосторожностями и уже не сомкнутым строем, а врассыпную. Бой с ней продолжался не меньше двух часов. Положение 12-й роты стало в высшей степени угрожающим. Немцы упорно накапливались и шаг за шагом продвигались вперед. Звоню по телефону Савицкому о высылке резервной роты на помощь. Савицкий отвечает, что в его распоряжении ничего нет. Звоню непосредственно Моросанову. Моросанов отвечает, что сделал распоряжение Савицкому обеспечить разгром наступающих на 12-ю роту немцев. От Савицкого ни звука. Приходится выводить еще одну роту из расположенных на австрийском

правом фланге. В это время к немцам подходит подкрепление.

Я даю поручение Шурыгину срочно добежать до 11-й роты, передать, чтобы Осипов обратил свою роту на наступающих немцев и взял в обстрел с фланга.

Ты можешь себе представить, какое волнение пришлось пережить в ожидании подкрепления. На наше счастье австрийская артиллерия в это время молчала. Немцы продолжают упорно, хотя и медленно продвигаться вперед. Расстояние между 12-й ротой и немцами дошло до 150—200 шагов. Стволы наших пулеметов накалились докрасна. Пулеметчики говорят, что еще несколько минут такой интенсивной стрельбы — и пули будут разрываться в канале ствола. Отступать поздно и некуда. Выход из положения один: перейти в контр-атаку, хотя и небольшими силами задержать немца на этом месте до подхода 11-й роты. Приказал 12-й роте перейти в наступление. С отчаянным криком «ура» люди бросились на немцев. Те оторопели. Произошло замешательство, длившееся около пяти минут. Мои люди напали на немцев со штыками наперевес, а в это время справа, позади левого фланга, слышим звуки нашего «максима».

Ура! — одиннадцатая рота подошла во-время.

Стесненные немцы бросились отступать.

Наскок 12-й роты, энергичное наступление 11-й — и немецкий батальон в наших руках. Захватили в плен одних офицеров не меньше пятнадцати. Оказалось, это был Баварский егерский батальон, только что прибывший из центра Германии для подкрепления Сапановского участка австрийской армии. Этот батальон был брошен в бой почти из вагонов. Весь батальон в полторы тысячи человек захвачен, можно сказать, одной 12-й ротой,— с гордостью закончил Ханчев.— Я не помню, когда был контужен, но после допроса немецких офицеров и отправки всего захваченного в тыл со мной сделалось дурно. Мой денщик привел меня к тебе.

Телефонист принес телефонограмму из штаба полка за подписью Моросанова, в которой сообщалось:

Нашими войсками очищена от австрийцев их позиция у Каменной Вербы. Австрийцы в беспорядке отступают к Бродам. Полку приказано повести энергичное наступление на отступающего австрийца. Командиром полка приказано вам сдать обоз 1-го разряда фельдфебелю, а самому срочно явиться в штаб для получения нового назначения.

Прочел телефонограмму Ханчеву.

— Теперь ты отдохнешь вместо меня. Я сейчас донесу в штаб полка, что обоз сдал не фельдфебелю, а отдыхающему здесь поручику Ханчеву.

Сапановские окопы неузнаваемы. Это пустынные катакомбы средневековых времен без всякого признака каких-либо живых существ. За Сапановым — Малый Сапановчик, бывший ранее районом расположения австрийцев.

Глазам представилась картина глубоких австрийских окопов, в значительной своей части развалленных нашими снарядами. Повсюду следы большого разрушения, произведенного артиллерийскими обстрелами. Тут и там можно было наткнуться на куски проволоки, рогатки с проволочными заграждениями, выброшенные с мест их установки тяжелыми снарядами. Не удержался, чтобы не заглянуть в землянки австрийских офицеров, в лисьи норы около этих землянок.

Лишь на карте были знаки, что в этом месте стоял когда-то Сапанов, да по отдельным развалинам и обломкам кирпича и глинобитных стен можно было предположить, что в этом месте было селение.

Жители этих деревень еще осенью прошлого года были выселены в другие районы. Но они уже здесь, хотя всего несколько дней назад здесь происходили кровавые бои.

Группа крестьян человек в 20—25 с лопатами рылись на месте бывших окопов в поисках может быть зарытого здесь их имущества.

За малым Сапановчиком, по дороге, ведущей к селению Каменные Вербы, встречались сооружения, устроенные австрийцами за период зимней стоянки. Узкоколейные дороги, благоустроенные гати, огороды с посевами различных овощей — все это свидетельствовало о большой внимательности к своему тылу со стороны австрийцев.

К моему удивлению я совершенно не замечал варварского отношения к местным природным ценностям со стороны австрийцев. Простояв больше полугода на позиции Иквы, австрийцы очевидно были уверены в прочности своего положения, что не производили сколько-нибудь бросающегося в глаза разрушения. Скорее можно заметить большую хозяйственную работу, какую ведет добрый хозяин в своем собственном имении.

В сумерки въехал в Каменную Вербу, большое селение, насчитывающее свыше тысячи крестьянских домов, утопавшее в типичной украинской зелени, т. е. в вишневых и фруктовых садах. Жителей в селении достаточно. Правда, не видно взрослого мужского населения.

Выехав на середину селения, на большую площадь, на которой расположена церковь и школа, я остановился навести справку о моем дальнейшем маршруте. На мое счастье навстречу показалась повозка, в которой сидел поручик Попов. Обрадованный встречей, я соскочил со своего скакуна к поручику с вопросом, как проехать к полку.

— Штаб полка отсюда километрах в восьми-десяти, — сказал Попов.— Около него все роты, чтобы завтра с рассветом двинуться к Радзивиллову. Я только сейчас оттуда, еду в обоз, чтобы передохнуть от боев и полученной контузии. А ты откуда?

— А я из обоза, вызван в штаб полка для назначения на новую должность. Догоняю полк.

— Далеко ли до обоза 2-го разряда?

— Был в Лутовищах, а теперь не знаю.

— А обоз 1-го разряда?

— Я его оставил за Рижскими казармами вместе с Ханчевым, который прибыл туда на отдых.

— Я страшно устал и боюсь, что не смогу проехать этих десяти километров. Уже темнеет. Давай остановимся здесь, заночуем.

— Мне не особенно удобно,— возразил я.— Телефонограмма от Моросанова гласит, чтобы я как можно скорее прибыл в штаб полка.

— Эка важность! Я говорю, что штаб полка остановился на ночлег в деревне Торжинской и лишь завтра с рассветом пойдет к Радзивиллову. Ты можешь переночевать здесь, а с рассветом выехать и догнать его.

Я согласился.

Вошли в одну из ближайших хат, показавшуюся нам наиболее приличной по своему внешнему виду. Были встречены несколькими крестьянками, любезно предложившими нам занять чистую горницу. Пока я расспрашивал Попова о ходе боя, в котором он принимал участие, и выслушивал его рассказ, аналогичный тому, что знал уже от Ханчева, молодая крестьянка внесла большой горшок с кипяченой водой, так называемую «баняку», в котором мы заварили чай.

— Ты помнишь, Николай Алексеевич,— обратился я к Попову,— за время стоянки в Сапанове нам все время твердили, что австрийцы чрезвычайно скверно относятся к пленным и к мирному населению и что в местах, занимаемых австрийскими и немецкими войсками, не остается ни одной женщины, ими не изнасилованной.

— Помню.

— А ты не пробовал спрашивать: действительно это так, или все это было вранье?

— Не спрашивал я, да и некогда было спрашивать. С 22 мая и до сих пор я не имел возможности по-человечески не только поесть, но и поспать.

— Давай сейчас спросим.

Я вышел в другую половину хаты, где находились три

молодых крестьянки-украинки, стряпавшие себе ужин из картофеля и молока.

— Можно кого-нибудь попросить зайти к нам в горницу?

Одна из женщин, высокая, стройная, лет двадцати шести-семи, с приятным, открытым лицом, ответила:

— Зараз буду.

Я вернулся обратно в горницу. Минут через пять она вошла в сопровождении, очевидно, своего сынишки, лет шести-семи.

— Садитесь, — обратился к ней Попов. — Не хотите ли кружку чая?

— Спасибо, барин, я пойду сейчас ужинать.

— Мы хотели вас спросить, — продолжал Попов, — правда ли, что австрийцы плохо обращались с вами?

— Конечно, правда. Чего же ждать от них хорошего. Коняку забрали, быдло одно забрали, жита половину забрали. Дида с повозкой увели уже месяца два, и сейчас нет.

— Так плохо, значит, жилось?

— Очень, барин, плохо. Дюже плохо, а ниц не зробишь — война.

— Ведь коняку, быдло, жито и русские берут, — заметил я.

— То верно, но то свои бы брали, а то австрияки.

— Ждали вы, что русские придут? — снова начал спрашивать Попов.

— О... нет, не ждали. Все говорили, что русским капут, больше не придут, а когда мы увидели, что австрийцы утекают, то нам стало ясно, что они брехали.

— Что же, рады вы русским?

— Как же не радоваться, мой мужик в армии, авось придет, если жив еще.

— А скажите, — обратился я к ней, — австрийцы с женщинами действительно плохо обращались?

— Как плохо? — не поняла она.

— Да так, что лапали вас, заставляли с собой ночевать.

— Ой, что вы, барин, разве это можно!

— А вот мы слышали, что там, где австрийцы появляются, они сейчас же девиц и жинок гонят в баню, а потом к себе спать тащат.

— Э, нет, у нас такого не бывало.

— Может быть в других местах было?

— Не знаю, было ли в других местах, а у нас были очень обходительные. Если какая жинка сама захочет, то ей ничего не поделаешь, а чтоб силой тащить, так этого не было.

— А много было таких жинок, которые сами хотели?

— Какое много, разве непутевая какая. У нас на селе одна Зоська этим занимается, так у нее всегда было полно и офицеров и солдат, а к другим ни-ни... — и она энергично замахала головой. — Австрияки плохие, хуже наших, особенно мадьяры, с ними не поговоришь, от них ничего не поймешь, но когда наступала весна и надо было сеять жито, то они своих коней давали на посев, а у кого своего жита не было на обсеменение, то и жито давали.

— Ну, спасибо вам за рассказ, идите себе ужинать.

— Ну, что, — обратился я к Попову, — значит брехали в наших газетах, что австрийцы и немцы насилуют баб?

— Чорт их знает, может быть и брехали, да и нельзя не брехать, — война, а во время войны надо разжигать инстинкты. Как заставить солдата итти в наступление, если не говорить, что неприятель надругался над верой, над женами и детьми? По совести говоря, у нас в тылу, пожалуй, больше безобразий творится, чем тут. Все-таки австрийцы и немцы куда культурнее русского воинства, — произнес он иронически последние слова.

Утро свежее, напоминающее ранние весенние заморозки. Неприятно щекотало непробудившееся от сна тело. Проехав рысью километра четыре-пять, я опустил поводья, предо-

ставив скакуну двигаться шагом, по его усмотрению. Проехав еще около часа, очутился на мало заезженной тропинке, пролегавшей среди леса.

Задумался, потерял ощущение времени.

Солнце уже высоко. Странно, что до сих пор я не только не догнал полк, но даже не встретил никаких признаков нахождения здесь русских войск.

Достав из сумки карту, установил, что я отвлекся от пути вправо, километра на четыре. Взял вперед к дороге. Отъехав метров двести, я заметил на правой опушке леса несколько всадников и направился в их сторону. Проскакав небольшой участок пшеничного поля, неожиданно понял, что это не русские, а австрийцы. Они остановились и тоже смотрели в мою сторону, стараясь разобрать — русский я, или австриец.

Я стоял как раз по середине поля, в ста метрах от ближайшего лесочка.

Вперед или назад? Впереди группа австрийцев из шести человек. Назад... Будут стрелять в спину... Спешиться, бросить своего скакуна — жалко.

Пригнулся к луке седла, пришпорил скакуна — к лесочку, около которого находились австрийцы, но влево от них, стремясь выиграть время, ибо до этого лесочка расстояние было короче. Мой скакун, точно угадав опасность, понесся галопом.

Жду стрельбы — нет. Выглядываю в сторону австрийцев и вижу, что последние снимают с плеч карабины.

Успею ли добраться до леса?

Еще больше пришпориваю скакуна. Последний делает все возможные с его стороны усилия, чтобы быстрее скрыться во впереди лежащих деревьях.

Вот и лес. К досаде на пути широкая канава, и я боюсь за своего скакуна: сможет ли он ее осилить. Но скакун не выдает, делает отчаянный прыжок — и я по ту сторону канавы.

Ну, теперь посчитаемся. Хотя их и шестеро, а у меня только один наган с семью патронами, но в кобуре имеются еще запасные. Спрыгиваю с лошади, становлюсь за одно из крупных деревьев. Выжидаю, что будет дальше. Прислушиваюсь — нет ли преследований. Молчание. Бросив поводья на один из сучьев, сам потихоньку пробираюсь к опушке посмотреть, что делают австрийцы. К моему удивлению шесть человек удирают в противоположную сторону.

Опасность миновала.

Австрийцы, очевидно, подумали, что я один из разведчиков и что позади меня движутся колонны русских.

Вернулся к скакуну, вытер листвой его вспотевшую спину, передохнув несколько минут, вышел потихоньку к полю, но — увы! — препятствие. Широкая канава, через которую перескочил мой скакун, теперь не дает возможности выбраться из леса. Пришлось с полкилометра вести скакуна на поводу, чтобы наконец добраться до просеки, где канава мельче.

Снова смотрю на карту. Ехать вперед уже не рискую. Направляюсь обратно на торную дорогу, чтобы встретиться с полком. И только что выехал из леса, как перед моими глазами предстал во всем своем вооружении наш полк, двигающийся в сторону Малой Креницы. Оказывается, я его перегнал на целый час. Пришпорив скакуна, я бросился почти галопом к штабу.

Первыми попались на глаза полковой поп, о. Николай, и Моросанов.

— Чего это, прапорщик, вид у вас такой торжественный? — обратился ко мне поп.

— С австрийцами дрался, батюшка, только сейчас от них вырвался.

— Картой надо пользоваться, прапорщик, а так не только к австрийцу, но еще похуже куда угодить можно.

Подъехал к Моросанову. Тон его повышенный:

— Теперь мы гнать будем австрийцев до самого мира и

получать кредиты, не то, что раньше было, когда под Сапановым сидели.

Вскоре подъехал Радцевич-Плотницкий, выехавший с места ночевки полка позже его выхода больше, чем на час.

Я представился полковнику, заявив, что сдал обоз 1-го разряда поручику Ханчеву.

— Отлично сделали, прапорщик, я думаю вас назначить младшим офицером 12-й роты. Там сейчас безлюдь. Рота находится на руках одного фельдфебеля. Вы сегодня же вступите во временное командование ротой впредь до прибытия Ханчева, а потом видно будет.

— Слушаюсь.

Радцевич посмотрел на часы и распорядился двинуть полк дальше.

Прошли еще километра три. Лес окончился. Перед нами расстилалось широкое поле, засеянное хлебами. На самой опушке леса приютилось несколько хат селения Малая Креница.

Дальше за этим селением началась песчаная почва, чрезвычайно тяжелая для пешеходов и для повозок. Ноги вязли в песке и солдаты с трудом продвигались вперед.

За Малой Креницей, километрах в трех — Радзивиллов, пограничное русское местечко, за которым через небольшое расстояние должен быть австрийский городок Броды. Радзивиллов — пограничный пункт, через который в мирное время русские путешественники ездили в Австрию.

За все время пути со стороны австрийцев не было никаких признаков жизни. Подошли к самому Радзивиллову. При входе в город полк был встречен старейшими жителями во главе с местным городским самоуправлением и духовенством с иконами и хоругвями, с хлебом-солью. Радцевич выехал вперед полка, принял хлеб-соль от депутации и сказал, что русское войско несет освобождение великого славянского народа и ждет в этом смысле содействия со стороны местного населения.

Церемония с поднесением хлеба-соли, а также ответная речь командира продолжалась не более десяти минут. Депутация стала расходиться, как вдруг со стороны австрийцев в сторону нашей колонны пронеслось несколько артиллерийских снарядов и откуда-то справа понесся пулеметный огонь. Полк, находившийся в походных колоннах, дрогнул, порядок колонн немедленно нарушился. Люди в поисках защиты от летящих снарядов и пулеметных пуль бросились прятаться за близ прилегающие здания. Командир полка с адъютантом Моросановым, а также попом укрылись в ближайшем крупном здании, оказавшемся гминным правлением. Я вместе с прапорщиком Завертяевым спрятался за одно из нежилых строений, неподалеку от гминного правления.

Около часа продолжался жесточайший обстрел нашего полка. Радцевич-Плотницкий, придя в себя от неожиданного обстрела, отдал распоряжение выслать первый батальон вперед в наступление на стреляющий по нас арьергард противника.

Первый батальон под командой подполковника Нехлюдова, рассыпавшись редкой цепью, пошел в сторону австрийских позиций. Обстрел прекратился лишь после того, как первый батальон выбил австрийских разведчиков с юго-западной окраины Радзивиллова и принудил сняться высланную австрийцами к самому Радзивиллову батарею.

Избрав себе в гминном правлении одну из комнаток, обращенную окнами в сторону противника, я завалился спать и спал почти до самого вечера.

Часов в шесть вечера—я был разбужен Завертяевым.

— Вставай! — толкал он меня в плечо. — Вставай — дела скверные!

— Почему? — не понимал я, протирая слипавшиеся от сна глаза.

— Мы попали в окружение.

— В окружение?

— Да посмотри только, что кругом творится.

Я быстро вскочил на ноги и подбежал к окну. Радзивиллов горел в нескольких местах.

— Где же окружение? Просто пожары!

— Смотри — горит справа, слева, прямо.

— А позади горит?

— Позади нечему гореть, мы на окраине. Позади поле.

— Какое же окружение, коли горит впереди и по сторонам? И из-за этого ты меня разбудил?

— Все встали, все на ногах. Ты посмотри, у нас уже лошади запряжены.

— Не понимаю, почему!

— Я всегда считал,— разозлился Завертяев,— что прапорщик, не окончивший военного училища, не офицер.

— А я считаю,— разозлился я в свою очередь,— что прапорщик, окончивший военное училище и вдающийся в панику при виде одного пожара — хуже курицы.

— Ты, вероятно, не проснулся?

— А ты пьян, что ли?

И мы, как два петуха, стояли друг против друга, готовые вцепиться. В это время в комнату вошел Земляницкий. От него здорово разило спиртом.

— Здорово, Оленин, и тебя пригнали?

— Не пригнали, а вызвали.

— Это все равно. Ты малый хороший, а вот эта шпана,— показал он на Завертяева,— так въелась в штаб, что никак не оторвешь. Выпьем! — и он похлопал висевшую у него сбоку фляжку.

— Откуда это у тебя?

— Э, брат, недаром я временно командую 4-м батальоном, хотя и получаю жалование, как младший офицер.

— Почему такая тревога, Квинтилиян Аполлинариевич?

— Какая тревога, где?

— Да вот Завертяев прибежал, разбудил меня, говорит, что все горит, что мы окружены.

— Э, плюнь ты на него! Давай выпьем!

— Спасибо, что-то со сна не хочется.

— Ну, значит, ты дурак. Пьешь ли ты, или нет — все равно убьют. Уж лучше пусть меня убьют пьяным. Стакан есть?

Я раскрыл свой саквояж. Из фляжки потянулся аромат коньяка. Завертяев презрительно смотрел на Земляницкого:

— И это офицер русского воинства: в момент решительных боев налимониваться!

— Я предпочел бы, чтобы воинственное офицерство в момент боев было в боях, а не пропадало при штабах, — не менее презрительно отчеканил Земляницкий. — Ты знаешь, — обратился ко мне Земляницкий, — вот эти штабные остолопы, — кивок в сторону Завертяева, — вообразили, что евреи подают знаки о нашем приходе в Радзивиллов, делая этот вывод потому, что в нескольких местах города начались пожары. Совершеннейшие ослы! Забыли, что при нашем вступлении в город нас ошарашили артиллерийским и пулеметным огнем. Вероятно, они думают, что стреляли не по полку, а по свиньям, — конечно, я не отрицаю, что и свиней в полку достаточно. Ну, вот, видите ли, теперь они боятся, что евреи донесут противнику о прибытии полка в Радзивиллов. Дураки!

Он налил полстакана коньяку, выпил его залпом, закурил папиросу и затем, обращаясь к Завертяеву, снова начал:

— Скажи, пожалуйста, юноша, с какой стати евреи станут дома поджигать, когда австрийцам и так великолепно известно, что русские уже заняли город и что третий батальон стоит впереди Радзивиллова в окопах? Разве евреи жгут? Русские жгут! Ведь как, стервы, набросились на винные лавки и на подвалы! Перепились, мерзавцы, и спьяну разводят костры прямо в хатах. А если развести костер прямо на

полу, вот в этой комнате? Как ты думаешь, — иронически смотрел он на Завертяева, — загорится комната или не загорится, или может быть ты, господин Заверткин, — Земляницкий иначе не называл Завертяева, как Заверткин, — прибежишь заливать из своей кишки?

— Вы, господин поручик, пожалуйста не ругайтесь. Я пришел по распоряжению адъютанта полка предупредить Оленина, чтобы он не остался здесь спящим, если вдруг полк отступит.

— А, от Моросанова, точно такого же остолопа, как и ты! — и Земляницкий налил себе еще из фляги коньяку.

Оставив Земляницкого в самочинно занятой мною комнате, я пошел проведать своего скакуна, оставленного на привязи у одного из сараев, позади гминного правления. Скакун, не получавший со вчерашней ночи фуража, понуро глодал деревянный столб. Я разыскал и попросил полкового фуражника дать фуража для скакуна и поставить его в конюшню штаба.

Окончив заботы о лошади, пошел к Моросанову.

— Был у меня Завертяев, — начал я, — пугал, что мы находимся в окружении, о чем свидетельствуют, мол, пожары в городе. В каком положении мы действительно находимся?

— Что пожары в городе, это верно, и, конечно, это дело рук австрийских шпионов. А вообще о нашем окружении не может быть и речи. Мы настолько сильно тесним австрийцев, что они еле успевают улепетывать. Я только что говорил с командиром полка, он находится в полной уверенности, что австрийцы не позднее, как сегодня ночью очистят и Броды.

— А по-моему все же пожары не оттого, что шпионы сигналы подают, а потому, что наши солдаты неосторожно обращаются с огнем.

— Конечно, тут и солдаты виноваты, однако, командир прав, считая, что пожары — дело рук шпионов, а евреи — это основная шпионская масса австрийцев.

— Что же вы собираетесь дальше делать?

— Командир еще два часа тому назад говорил по телефону с командиром дивизии Шольпом о необходимости очистить весь город от жителей.

— Весь город очистить от жителей? — удивился я.

— Как же вы не понимаете, если мы здесь задержимся на позиции, то ведь жители нас будут стеснять.

— А вы представляете себе, что здесь будет тысяч пять жителей?

— По-моему, даже больше.

— И как же вы очистите город от них?

— Очень просто. Прикажем выселиться, и больше ничего.

— Куда же они пойдут?

— В Кременец, Дубно, куда угодно... В тыл.

Я удивленно пожал плечами.

Справился, когда будет подписан приказ о моем назначении в роту, и, получив ответ, что оформление состоится не позднее завтрашнего дня и что я смогу еще ночевать при штабе, вернулся к себе.

Перед сумерками пошел посмотреть Радзивиллов. Первое, что бросилось в глаза — это рассыпавшийся по всему городу батальон под руководством полицейской команды, оповещающей жителей о немедленном выезде из Радзивиллова. Плач, стоны, ругань, мольбы, крики—неслись из каждого дома. Полицейская команда твердо проводила полученный приказ очистить город к ночи.

Через какой-нибудь час мимо штаба потянулись жители на три километра от Радзивиллова, до Малой Креницы. За Малой Креницей в лесу выселяемое население расположилось табором. Я задержался почти до рассвета около этого табора, переходя от одного костра к другому, стараясь прислушиваться к разговорам. Понял мало, — речь велась преимущественно на непонятном мне еврейском языке. По отдельно вырывавшимся фразам можно было слышать про-

клятия, посылаемые по адресу русского войска. Огромные толпы людей, навьюченные домашним скарбом, с маленькими детьми, большинство из которых — босые, двигались к лесу, останавливаясь около костров, разведенных пришедшими сюда ранее.

В Радзивиллов вернулся утром. Там уже не было ни одного мирного жителя. Все здания заняты людьми полка, которые не только являлись простыми квартирантами, но и мародерами оставленного населением имущества. Почти на каждом дворе летал пух из вспоротых подушек и перин. Ни в одной квартире не остались не вскрытыми сундуки и шкафы. Мебель, посуда — все это ломалось, коверкалось. Обшивку мебели — плюш, бархат, кожу — сдирали: одни на портянки, другие на одеяла, третьи просто так себе, озорства ради.

Офицерство всех батальонов, пользуясь тем, что позиция проходила по самой окраине города, расположилось не в окопах, как это обычно делалось, а в домах, производя там ревизию оставленного имущества.

Придя в третий батальон и явившись к командиру батальона Савицкому, я застал его в шикарном особняке сидящим на корточках около большого комода за разборкой дамского белья.

— Зачем вам все это, Николай Федорович? — спросил я.

— В хозяйстве всякая вещь годится.

Во втором батальоне подполковник Приезжев, считавшийся в мирное время интеллигентным офицером, нагрузил вещами несколько повозок и дал инструкцию своим денщикам, как с этими повозками добраться до Тулы.

Если в первую ночь из Радзивиллова вереницами выходили нагруженные домашним скарбом жители, то с утра следующего дня отсюда же потянулись повозки с награбленным имуществом, сопровождаемые денщиками.

Маршрут небольшой. Всего полторы тысячи верст.

Савицкий созвал у себя ротных командиров, рассказал множество анекдотов и в конце зачитал полученное им из Острога письмо старшего по сопровождению повозок, отправленных офицерами батальона в Тулу с награбленным в Радзивиллове имуществом.

— Ха, ха, ха! — острил Савицкий. — Острог проехали, и, будьте уверены, мы с вами в острог не попадем. Одно досадно: уж больно мы торопились тогда и лишь чистое выбрали. А ведь в чистых-то шкапах остались второстепенные предметы, зато в корзинах с грязным бельем, когда я покопался, — такие шедевры обнаружил, которых моя жена да и ваши тоже и во сне не видели. У себя в квартире я все осмотрел и все закопал. Придется просить Мокеева еще лошадку дать. Правильна пословица: «Поспешность нужна только при ловле блох».

Савицкий вызвал денщика и приказал притащить корзину, поднял крышку и демонстративно начал выбрасывать оттуда ее содержимое.

— Вот видите, — потряхивал он панталонами, — из тончайшего полотна. Или вот рубашка, смотрите — кружева одни.

И он одну за другой вытаскивал принадлежности дамского туалета, причем некоторые из них были настолько грязны, что было противно смотреть.

— Николай Федорович, зачем вам все это? — возмущенно спросил я.

Савицкий ответил примирительно:

— Вы, прапорщик, еще холостой и детишек не имеете. Вы получали полгода тому назад шесть рублей, а теперь получаете сто пятьдесят. Вам, конечно, незачем это, а я уже пятнадцать лет офицерскую лямку тяну, и если на войне не заработать, то где же заработаешь? Ведь я не подрядчик и не архитектор. Унеси корзину! — озлобленно крикнул он денщику.

ГЛАВА III

РАДЗИВИЛЛОВ-БРОДЫ

Июнь, Радзивиллов

Живу в особняке вместе с Никитиным и Новоселовым. Ханчев продолжает быть на отдыхе.

Занятый нами особняк основательно разрушен.

Близость позиции позволяет австрийским пулям долетать до нашего дома. Стекла выбиты в окнах, обращенных в сторону окопов. Из обстановки сохранилась лишь ободранная мебель, наиболее же ценные предметы расхищены. В одной из больших комнат помещается библиотека, где я устроился со своей походной кроватью. Множество книг религиозно-богословского содержания, беллетристика, немного по экономике. Очень много изящных изданий по искусству, технике и литературе.

Радзивиллов быстро разрушается. Почти каждый день происходят то в одном, то в другом конце города пожары от неосторожного обращения наших солдат с разведением костров и топкой печей, в которых они приготовляют пищу, не довольствуясь получаемыми обедами из походной кухни.

Очистка квартир от ценного имущества производится поголовно всеми людьми полка. С легкой руки некоторых офицеров солдаты в свою очередь набивают вещевые мешки всяким барахлом.

— Куда это вам? — спрашивал я некоторых солдат. — Неужели до конца войны вы будете таскать всю эту дрянь в вещевых мешках?

— Ничего, ваше благородие, потаскаем. Австрийца разбили, небось, теперя и мир скоро.

В ряде подвалов солдатами обнаруживаются запасы водки и вина.

Пока о них не стало известно офицерам, солдаты напиваются сами, но по мере обнаружения вино и водка забираются в офицерское собрание.

О. Николай обходит наиболее зажиточные дома под предлогом поискать книг для полковой библиотеки, оставшейся в Туле. Попутно с книгами забираются гравюры и картины. Все это грузится на повозки и отправляется в обоз 2-го разряда, откуда попечением начальника хозяйственной части отправляется в Тулу.

На позиции затишье. Слухов о наступлении нет, да и не с кем наступать. С 22 мая полк потерял три четверти своего состава и теперь ожидает со дня на день пополнения.

На всем Радзивилловском участке изредка небольшая перестрелка, главным образом в полдень, когда противник старается мешать раздаче пищи солдатам.

Через две недели вышел приказ оттянуть 12-ю роту к штабу для охраны полкового знамени. На самом деле оттянули для охраны штаба.

Офицеров разместили в гминном правлении. Солдаты же вырыли себе землянки. Мне выпало занять комнатку, выходящую окнами в сторону окопов.

В качестве наблюдательного пункта избран дом таможни, огромное пятиэтажное здание, с шестым чердачным этажом, с которого расстилается большой вид вперед на десяток километров. К дежурству на наблюдательном пункте привлечены младшие офицеры штаба и знаменной роты, то есть нашей, 12-й. Приходилось сидеть с трех-четырех часов утра до сумерек через каждые шесть дней.

Первый день моего сиденья на наблюдательном пункте прошел спокойно. Далеко из-за Брод австрийцы ежедневно посылали по несколько двенадцатиметровых снарядов. Обычно эти снаряды рвались позади Радзивиллова. Во второе мое дежурство около часа послышался очередной выстрел двенадцатидюймовки. Снаряд пролетел около таможни, минут через пять второй. Третий... В страхе притаился за выступом каменной стены. Новый полет снаряда. Дверь в комнату распахнулась даже от сильного ветра.

Я отбрасываюсь в сторону, ударяюсь плечом о стену. Поднялся через несколько мгновений в полном недоумении. Разрыва снаряда не слышно. Переждав несколько минут, я выглянул в окно, но ничего не увидел. Тогда выбежал из занимаемой мною наблюдательной комнаты к слуховому окну, обращенному во двор здания, и увидел на дворе большое смятение. Быстро спустился вниз.

Полковник Иванов и бывшие около него офицеры были бледны, как полотно.

— В чем дело? — подбежал я к одному из них с вопросом.

Иванов смотрел непонимающими глазами.

В прилегающем к зданию таможенном сарае скопилась группа солдат. Подбежал к ним.

— Что случилось?

— Двенадцатидюймовый снаряд упал, — произнес один из них.

Я увидел стоящий по средине сарая огромный неразорвавшийся снаряд-чемодан.

— Посмотрите, — сказал один из унтер-офицеров, — как он пролетел.

Я увидел в основном здании таможни над вторым этажем огромную дыру, пробитую снарядом. На земле валялась осыпавшаяся в большом количестве штукатурка.

— Снаряд пробил здание, — докладывал солдат, — попал в подвал сарая, рикошетировал, пробил пол и стал стоймя на полу сарая.

Тут только я сообразил, что сильный шум, треск и ураган ветра, пронесшийся в чердачных комнатах, были вызваны полетом этого снаряда, пролетевшего на расстоянии семи-восьми шагов от меня.

Вскоре в сарай пришел Иванов в сопровождении ряда офицеров и приказал немедленно вызвать артиллеристов для разрядки снаряда, чтобы он случайно не взорвался и не поднял на воздух не только здание сарая, но и прилегающего здания таможни.

Лично мне больше попасть на наблюдательный пункт не пришлось, но через три дня двенадцатидюймовый снаряд еще раз пробил здание таможни и разорвался во дворе, убив несколько солдат. Воронка была глубиной в два с половиной метра при диаметре в десять метров.

Поручик Закржевский, временно командовавший 13-й ротой, рассказывал, какое действие произвел полет этого снаряда на Иванова. Иванов сидел со своими партнерами, ротными командирами, за игрой в преферанс. При приближении звука летящего чемодана Иванов, державший карты в руках, неожиданно и для себя и для других съехал со стула под стол и там просидел минут пятнадцать после взрыва.

Ларкин, принеся из офицерского собрания обед, попросил разрешения отправиться в обоз в Малую Кренцу. Я разрешил. Съев обед, я поставил металлические судки на окно и затем, написавши на родину несколько писем, прилег на койку отдохнуть. Койка приходилась на одном уровне с подоконником. Задремал. Вдруг на меня с шумом посыпались стоявшие друг на друге судки. В испуге вскочил. Но, видя, что кроме судков на меня ничего не падает, подумал, что шутит кто-нибудь из офицеров роты. Однако, по соседству никого не было. Осмотрел судки. В одном из них оказалась пуля. Австрийская пуля продырявила переднюю стенку, не пробив второй, столкнула судки, и они полетели на меня.

Неделю назад прибыло около тысячи солдат для пополнения полка. Командир приказал ротам спешно ознакомить вновь прибывших с условиями позиционной жизни и, для того чтобы вновь прибывшие быстрее освоились с обстрелом, приказал наряжать их в полевые караулы и вообще держать в первой линии окопов.

11 июля стало известно, что на следующий день нашему полку предстоит перейти в наступление на Броды. Нашу 12-ю роту у знамени успели сменить другой и отправить на присоединение к другим ротам 3-го батальона.

Перспектива итти в наступление не из приятных. Снова, как и раньше перед каждым наступлением, припоминал я все случаи своей жизни, подводил итоги, ибо неизвестно, удастся ли выйти из этого наступления живым.

Австрийские позиции находились от нашей на расстоянии восьмисот шагов. Чтобы до них добраться, надо было пересечь большой луг по совершенно открытой местности. Австрийские же окопы помещались впереди опушки леса, шагах в ста. Прикрытием их тыла служил Бродский лес, который скрывал продвижение подкреплений и подвоза к австрийским окопам огнеприпасов и продовольствия.

В диспозиции было сказано, что наше наступление будет поддерживаться сильнейшим артиллерийским огнем, который должен смести проволочные заграждения перед австрийскими позициями.

Увы! тщетно мы ждали этого «сильнейшего артиллерийского огня». Артиллерия стреляла «через час по чайной ложке». Несколько отдельных, редких выстрелов из тяжелых орудий — и затем обычная трехдюймовая шрапнель. Австрийцы со своей стороны ответили гораздо более мощным обстрелом нашей позиции и нашей артиллерии.

Часов в шесть утра, по всем правилам рассыпного строя мы выбежали из окопов, делая одиночные перебежки, накапливаясь постепенно на встречающихся небольших хол-

миках или межах, и, передохнув здесь несколько минут, двигались дальше.

Вот австрийские окопы! Бешеный пулеметный обстрел — точно град над нашими головами. Уткнулись в землю, боясь поднять головы, так как казалось, что жужжащие, точно рой пчел над головами, пули немедленно пронзят. Солдаты дрогнули. Некоторые сделали было попытку вернуться назад, но эту попытку пришлось решительным образом пресечь, вплоть до обращения своего револьвера по дрогнувшим трусам. После часа лежания стрельба несколько стихла.

Уловив удобный момент, наша цепь снова поднялась и стремительными прыжками бросилась к проволоке. К нашему счастью проволока не была сплошной—были в отдельных местах проходы, которые позволили направить в них отдельные группы солдат. Шедшая позади резервная цепь влилась в передовую, и совместно более густыми рядами мы преодолели проволоку.

Австрийцев в окопах застали немного. Они отошли к самому лесу, где у них была вторая линия окопов.

Думать о наступлении на вторую линию было трудно. Множество людей выбито из рядов. Многие остались на пройденном поле убитыми и ранеными. Остановились в ожидании распоряжений начальства—из штаба полка передали приказание приостановить наступление и окопаться на достигнутом рубеже. До ночи успели выкопать ручными лопатками небольшие окопы, в которых можно укрыться лишь лежа. С наступлением же темноты углубили окопы до колена, будучи твердо уверенными, что с утра придется снова перейти в наступление.

Подсчет потерь показал, что из 12-й роты выбыло 30 человек из 150. Собравшись вместе с другими офицерами батальона позади залегшей нашей цепи, мы стали обсуждать возможности дальнейшей атаки и ее успеха.

Общее мнение таково, что нужно этой же ночью продолжить наступление, чтобы не дать возможности австрийцам

подвести к себе подкрепления и за ночь укрепить свою вторую линию.

О наших предположениях позвонили в штаб Моросанову, на что получили ответ, что новое наступление не предполагается и нам надо закрепиться на занятом рубеже, причем саперная команда полка и приданные ей в помощь команды других полков дивизии в течение ночи поставят перед нашими цепями рогатки с проволочными заграждениями.

До самого рассвета наши полковые саперы с помощью резервных рот таскали рогатки, которые устанавливали шагах в пятидесяти перед залегшими солдатами в одну линию.

Поверив Моросанову, что наступления не будет, мы со своей стороны начали приспосабливать для себя одиночные окопы, стремясь превратить их в более надежные убежища и землянки.

Весь следующий день прошел за приспосабливанием окопов, за устройством хода сообщений и за пополнением патронных сумок солдат патронами и имеющихся пулеметов—пулеметными лентами.

Ночью 13 июля неожиданно поступило распоряжение вновь перейти в атаку.

— Какое идиотство!—ругались мы.—Австрийцы успели за эти два дня значительно укрепить свои позиции, ввести резервы. Мы же должны наступать с тем же составом людей, значительно поредевшим в результате истекшего боя.

Вопреки установившейся практике на этот раз наступление приказано произвести не утром, а в час дня. Очевидно в расчете на то, что в этот час австрийцы заняты получением обеда и будут захвачены врасплох.

Наше предположение, что австрийцы смогут за время этой передышки укрепиться, оправдалось. При первом же выступлении нашей цепи из окопов мы были встречены ураганным обстрелом со стороны австрийцев. Правда, в свою очередь и наша артиллерия на этот раз стреляла значительно энергичнее, чем накануне.

Однако взять быстрым наскоком позиции неприятеля оказалось невозможным. Потоки свинца, направленные в нашу сторону, сдерживали всякое продвижение. Поодиночке и отдельными группами удальцов приближались мы к проволочным заграждениям, разбить которые артиллерия не успела. Чтобы перебраться через проволоку, надо сначала разрезать ее ручными ножницами, надеваемыми на штык. Штыковые ножницы, однако, оказались неудобными для резки проволоки, и солдатам приходилось, лежа под проволокой, правой рукой стрелять по австрийским окопам, а левой медленно перерезать проволоку за проволокой, чтобы образовать свободный проход.

Лежание под проволокой продолжалось не менее трех часов, в течение которых наша цепь щедро поливалась свинцовым дождем, как пулеметными пулями, так и шрапнелью. Наконец на левом фланге нашей роты образовался проход, и 4-й взвод с прапорщиком Берсеневым ворвались в окопы австрийцев. Вместо обычной сдачи австрийцев в плен на этот раз ворвавшийся взвод встретил отчаянное сопротивление.

Вслед за 4-м взводом прошел в этот же проход третий, за ним второй, вскоре вся 12-я рота. В самих окопах и позади них начался штыковой бой, впервые наблюдаемый мною за все время войны. Австрийцы дрались отчаянно. Наши солдаты, в свою очередь, с остервенением перли на австрийцев, причем последние отступали в лес, где работа штыком была не совсем удобна и озверение дошло до такой степени, что солдаты пустили в ход шанцевые инструменты, лопатки, которыми раскраивали головы австрийцам.

Рукопашный бой продолжался не менее двух часов, причем, в то время когда 12-я рота вела штыковой бой, соседние еще не успели пробраться за проволоку и продолжали вести огневой бой под проволочными заграждениями. Это ухудшало положение 12-й роты, придавая мужество австрийцам, которые смотрели на нас, как на изолированную часть, не могущую принести им серьезного ущерба.

Счастье! Правее нас прорвали проволоку и заняли окопы солдаты 1-го батальона 12-го полка. Лишь после этого австрийские позиции очистились и бой перенесся непосредственно в лес, перейдя почти по всему участку в штыковое сражение. Лишь наступившая темнота прекратила резню. Люди рот перепутались между собой. Я видел мелькающие перед глазами озверелые лица то русских, то австрийских солдат, причем среди русских солдат я не узнавал людей своей роты.

Ночь внесла успокоение.

Быстро приспособили австрийские окопы, повернув бойницы в сторону леса, выслав туда сильный полевой караул, который должен был предупредить, если бы австрийцы предприняли контр-атаку.

Вся ночь прошла в тревожном ожидании наступления австрийцев. Рука все время держалась за винтовку, которой пришлось заменить ничего не стоющий в бою револьвер.

Рассвет.

Наступления со стороны австрийцев не заметно, и мы осторожно начали осматривать впереди лежащий лес. Глазам представилась кошмарная картина: перед окопами лежали груды тел русских солдат, позади окопов не меньшие груды австрийских, пораженных как огневыми ранами, так и штыковыми. В значительном количестве были трупы с головами, рассеченными шанцевыми инструментами.

Австрийцы отступили за Броды.

Наш полк к семи часам утра вошел в город. Потери колоссальные.

Характерное явление: из всех влившихся в наш батальон новых прапорщиков,—а их влилось двенадцать человек, в живых остался только один, и тот контужен и отправлен в тыл без надежды когда-либо вернуться обратно. Это значит, что старые офицеры, как равно и старые солдаты, более приспособились к военной атмосфере, лучше ориентируются, используют местные особенности, во-время укрываясь за

складками местности, чего не знают ни новые солдаты, ни новые прапорщики.

Единственной наградой оставшимся в живых была масса захваченных в Бродах наливок, настоек, ликеров. Три-четыре дня стояния в резерве все офицеры полка были пьяны. Пили беспробудно, пока не уничтожили всего запаса.

Командир полка дал мне новое назначение—начальника похоронной команды и по сбору оружия. Я должен был немедленно отправиться на Радзивилловские позиции вместе с доктором Блюмом, чтобы прибрать трупы, похоронить их, а также собрать разбросанное в огромном количестве на поле сражения оружие, как оставшееся после убитых и раненных солдат, так и брошенное противником.

16 июля мы с Блюмом с раннего утра начали обход недавнего места боя. Нами зарегистрировано свыше пятисот трупов солдат 11-го полка. Подобрано около пятидесяти человек тяжело раненных солдат, не замеченных непосредственно после боя по причине их бессознательного состояния. Закончив очистку участка окопов, мы перешли в лес. На глубине не более полукилометра мы находили большое количество австрийских трупов и тяжело раненных австрийских солдат. Имевшихся в нашем распоряжении двух санитарных двуколок явно не хватало, и Блюму пришлось обратиться к расположившейся в Бродах 14-й дивизии за помощью. Из дивизионного лазарета нам было прислано около десяти санитарных повозок, которые два дня перевозили раненых на перевязочный пункт.

В лесу, на расстоянии полукилометра от окопов, как раз против участка 12-й роты, мы с Блюмом наткнулись на брошенную австрийцами гаубичную батарею.

О найденной батарее я доложил командиру полка.

— Это мой батальон взял,— заявил присутствующий на докладе 2-го батальона Хохлов.

— Ну, нет, это 3-й батальон,—вступился в свою очередь Савицкий.

Разгорелся спор, пока, наконец, не вмешался Плотницкий, заявивший, что за удачную операцию под Бродами он и того и другого командира представит к крупным наградам.

— Ну, а что же, 12-й роте дадут что-нибудь?—возникал невольный вопрос.

Ханчев имел все основания получить за шесть рот немецких егерей георгиевский крест, однако Савицкий так составил реляцию, что роль 12-й роты в разгроме егерского батальона была совершенно смазана.

Дело было представлено таким образом, будто эту операцию проделал весь батальон в целом под непосредственном руководством Савицкого, и Савицкий—а не Ханчев—за это дело был представлен к георгиевскому кресту и к производству в полковники.

По всему фронту идет наступление на австрийцев. Главное командование Юго-западного фронта поставило задачу в ближайшее время овладеть Львовом.

Наш полк простоял в резерве всего одну неделю, а затем направлен на позицию левее Брод.

Однако мне предстояло сначала закончить работу по составлению регистрационных карточек на убитых под Бродами, зарегистрировать подобранное оружие, отсортировать негодное для отправки в армейские мастерские, годное же оружие сдать в обоз 2-го разряда.

Но не успел я переночевать и одной ночи после выступления полка на позицию, как получил распоряжение срочно прибыть в деревню Маркополь в штаб полка.

Пока Маркополь не был еще полностью освобожден от частей и штабов Финляндской дивизии, наш полк расположился в километре от Маркополя бивуаком около небольшого крестьянского хутора. Солдаты раскинули палатки в лесочке. Офицеры расположились вблизи хат.

В одной хате, владелицей которой была восьмидесятилетняя старуха, находилась еще молодая женщина, муж ко-

торой служил в австрийской армии офицером. Эта хата превратилась в своего рода клуб, ибо в ней беспрерывно находились офицеры полка, не потому, что была в этом какая-нибудь необходимость, а потому, что в этой хате помещалась интересная молодая женщина.

Двадцать офицеров полка, оставшиеся в полку после Бродского боя, наперерыв ухаживали за этой дамой.

Савицкий распорядился перенести его походную кровать из раскинутой было для него офицерской палатки в дом. Но его приготовления пропали зря: на протяжении всей ночи до самого выступления полка на позицию хата была наполнена офицерами, не дававшими возможности Савицкому остаться одному.

С большим неудовольствием на следующий день Савицкий говорил о том, как подлый народ в полку помешал ему выспаться.

Радцевич отдал распоряжение мне немедленно отправиться в 1-й батальон и произвести очистку окопов и позиции от трупов.

Захватив с собой нескольких санитаров, приказав остальным ожидать моих распоряжений в Маркополе, я направился к бывшим позициям Финляндцев.

То, что я видел под Бродами, бледнело перед тем, что я встретил тут. Окопы австрийцев были сильно укреплены и мало доступны. Расстилавшееся впереди окопов километра на полтора чистое поле было усеяно русскими трупами. В самих же окопах не осталось ни одного свободного места, на котором не лежали бы убитые австрийские солдаты или офицеры. Трупы лежали во всевозможных позах, причем за четыре дня, прошедшие с момента боя, трупы начали разлагаться. Пройти по окопам стоило большого труда.

В течение трех дней моя команда провела огромную работу, зарывая трупы и составляя на них списки по тем ме-

дальонам, которые имелись на груди у каждого австрийского солдата и офицера. Очисткой окопов от трупов дело еще не кончилось. Каждый день со всех участков позиции полка шли требования об уборке трупов в маленьких перелесках, в хлебных посевах. Сильный трупный запах обнаруживал их.

Списки зарытых австрийцев достигли полуторы тысячи.

В ближайшие дни намечено наступление на Звыженские позиции. В полк снова прибыло большое пополнение. По сведениям, идущим из канцелярии полка, в наших полковых списках уже зарегистрировано 16 000 солдат, причем налицо находится не более 1 500, остальные за два года войны выбыли из жизни.

Если в других полках дело обстоит так же, то какое же количество истреблено на фронте людей?!

Накануне предполагавшегося наступления на Звыжен австрийцы в обеденный час открыли сильнейший артиллерийский огонь по Маркополю. Начавшая было играть в офицерском собрании музыка быстро смылась, смылись и обедающие в сильные убежища вроде лисьей норы, устроенной перед помещением, занимаемым командиром полка. Снаряды рвались большими пачками над всей деревней.

Мы с Остроуховым остановились около моей хаты, при которой, к сожалению, не было никакой землянки, в раздумьи, куда бы укрыться. Чем дальше, тем обстрел все более и более усиливался. Оставаться в закрытом помещении становилось опасным. Снаряды рвались поблизости от штаба полка и от нашей хаты. Отдельные шрапнели рвались непосредственно над хатой. Решили пойти в поле.

Стоя за хатой, мы минут пятнадцать выжидали и обдумывали, в каком направлении можно пойти, чтобы выйти из-под ожесточенного обстрела. Снаряды рвались кругом, и выхода как будто не было. Один из очередных снарядов разорвался непосредственно над хатой и зажег ее. Волей-неволей

приходилось покидать укрывшую нас стену, чтобы не сгореть. Бегом спустились к речке. Вдогонку рвались снаряды.

Жители побросали свои хаты и с плачем и криком бежали в поле. Останавливаясь на несколько минут около встречавшихся на пути укрытий, переводили дыхание и бежали дальше.

Вправо от нас, рассыпавшись на мелкие партии, бежали офицеры штаба, среди которых особенно выделялась фигура священника, бежавшего с развевающимися волосами и подобранными полами рясы.

И смешно и скверно.

Австрийцы, точно увидев бегство жителей и офицеров из деревни, перенесли огонь на поле. Стало безопаснее вернуться назад в Маркополь, чем бежать дальше, но возвращаться было страшно.

За какие-нибудь полчаса я вместе с Остроуховым очутился вне обстрела в следующей деревне, названия которой не помню.

Часа через два, после серьезной передышки, закусив у одной из крестьянок, мы вернулись с Остроуховым обратно. В Маркополе за это время выгорела треть домов.

На следующий день началось наступление на Звыжен. Наша артиллерия должна была развить ураганный огонь по австрийским окопам и при этом не просто артиллерийскими снарядами, а химическими. Я вместе с Остроуховым отправился в расположенную в полукилометре от деревни батарею, которая к моменту нашего прихода уже начала стрельбу. Батарея стреляла не торопясь, причем первые два снаряда из каждого орудия были простые, а третий химический. В ответ скоро началась австрийская стрельба. Я с Остроуховым забрался в блиндаж командира. Большая очередь из двенадцати снарядов разорвалась, не долетев до батареи шагов сто, следующая очередь разорвалась, пролетев батарею примерно на таком же расстоянии.

— Попали в вилку,—сказал командир батареи.

Следующая очередь снарядов разорвалась непосредственно на батарее. Из шести пушек две повреждены.

— Огонь!—командует командир батареи.

Артиллеристы снова начинают стрельбу беглым огнем.

— Перейти исключительно на химические! — командует опять командир батареи.

Стреляют химическими снарядами.

В блиндаже командира телефонный звонок:

— Говорят с позиции, из Звыжена. Просят прекратить стрельбу химическими снарядами, ветер относит газ в сторону наших окопов.

Еще несколько очередей тяжелых снарядов со стороны австрийцев по батарее—и на батарее действующими остаются только два орудия.

— На передки!—командует командир.

Спешно подводят стоявших неподалеку в укрытии лошадей, берут орудия на передки и галопом отъезжают на новые позиции примерно в полукилометре от этой. Батарея действует теперь только двумя пушками.

Вернулись в Маркополь. Около штаба встретил идущего прихрамывая, всего в поту Хохлова.

— Контузили меня,— говорит он, обращаясь к нам.

— Где, господин полковник?

— В голову и в ногу,—не разобрав вопроса, отвечает Хохлов.

Командир полка отдал ему распоряжение отправиться на участок Звыжен и в качестве старшего штабного офицера руководить наступлением. Хохлов, не дойдя до позиции, оказался контуженным.

Я заболел. Поместился в перевязочном отряде у Блюма. В Хокулеовском лесу спокойно. Отряд надежно укрыт и пули и снаряды не долетают. Пролежал больше недели.

По настоянию Блюма командир разрешил мне отправиться в трехнедельный отпуск. Еду на родину.

ГЛАВА IV

НА ЗИМНИХ ПОЗИЦИЯХ

Сентябрь 1916 года

Пока я был в отпуску, полк перебросили еще левее Звыжен километров на десять. Теперь позиция полка проходит по опушке Хокулеовского леса, упираясь правым флангом в селение Манаюв. Штаб полка помещается в деревне Лапушаны. Под штаб занят дом священника и находящаяся рядом с ним школа. Полковые команды, в том числе и моя, разместились по крестьянским хатам.

Осень. Всюду грязь. Лапушаны представляют непролазную трясину.

Бывшее на месте теперешних Хокулеовских позиций селение Хокулеовцы снесено наголо и материал, оставшийся от разрушенных хат, использован на землянки. В каждой землянке устроены небольшие окошки. Стекло добыто в деревне Хокулеовое и в соседних, тыловых селениях: вынуты стекла из икон, которых уйма в каждой крестьянской хате.

— Святые подождут,—шутили солдаты,—поживут без стекол до окончания войны, а пока пусть нам послужат.

— Святые тоже на оборону работать стали,— шутили другие.

Примеру 2-го батальона последовали и другие. В радиусе десяти километров от позиции нет ни одной хаты, иконы которой сохранились бы за стеклами.

За дни резерва солдат пропустили через баню, а обмундирование через вошебойки, устройством которых занимается полицейская команда под руководством санитаров доктора Блюма. Для моей команды отведено помещение при штабе полка, а лично для меня выделена комнатка в барском доме.

С утра до вечера ко мне, как к только что прибывшему из отпуска, заходят офицеры, сохранившиеся от перенесенных за летний период боев, с расспросами о настроении в тылу. Чаще всего бывает Земляницкий. Это один из старых ветеранов полка, другие сослуживцы успели уже растеряться. Одни перебиты, другие устроились где-либо в тылу.

В связи с большими потерями кадровых офицеров, по приказу верховного главнокомандующего, застрявших в тыловых запасных частях офицеров направляют на фронт, а на их место командируются наиболее уставшие и наиболее заслуженные офицеры фронта.

— Жизнь в тылу становится чрезвычайно дорога,—говорю я приходящим ко мне офицерам.—Десяток яиц в деревне стоит семьдесят копеек, белой муки нет, масла тоже, сахар добывается с трудом. Поговаривают, что в городе скоро перейдут на отпуск хлеба по карточкам. В городе Козельске, где мне пришлось часто бывать, магазины пусты, товаров нет. В поездах встречается множество спекулянтов, разъезжающих из города в город, в одном месте подешевле купить, в другом дороже продать. Население устало от войны, ждет с нетерпением мира. Большие надежды возлагают на Думу, которая должна вскоре собраться. Ругают правительство, говорят, что дело не обходится без измены. Особенно достается Штюрмеру. Много разговоров о Распутине, что он назначает министров по своему усмотрению. Государь находится под влиянием императрицы, а последняя в свою очередь—под влиянием Распутина. В вагонах можно слышать разговоры, что где-то за кулисами подготовляется заключение сепаратного мира.

— Что же, и хорошо было бы,—говорили Земляницкий, Боров и другие.—В тылу скверно, но и у нас не легче. Солдат начинают кормить чорт знает чем. Вместо крупы, вермишели и тому подобных продуктов, сейчас в изобилии снабжают чечевицей. Солдат в каком виде ее съест, в том же виде и выпустит. Было несколько случаев в четвертом батальоне, когда солдаты выливали привезенные им обеды на землю, отказываясь от чечевицы. С мясом тоже неладно. Присылаемая солонина часто с душком. Солдаты больше сидят на хлебе и чае плюс картошка, за которой они лазают в деревенские огороды. С фуражем скверно. Лошади еле волочат ноги. Правда, мы сейчас не можем жаловаться на отсутствие снарядов, но зато в области обмундирования дело дрянь. Те сапоги, которые теперь посылаются солдатам, носятся неделю, а потом вдребезги рассыпаются. Вместо суконных гимнастерок—ватные телогрейки. Шинели сплошь из малюскина. А посмотрите, что осталось от офицерского состава. Прапорщиков гонят пачками, и так же пачками они возвращаются обратно раненными, контуженными, больными. Мало того, что они совершенно не обучены, но и абсолютно не развиты. Унтер-офицеры, прошедшие учебную команду или получившие это звание за отличия на фронте, в пять раз стоят выше этих прапорщиков. Пора кончать.

По окончании резерва полк должен занять позицию впереди Манаювского леса.

Ноябрь

В двенадцать часов дня 20 ноября над Манаювскими позициями, на стыке нашего полка с девятым, австрийцы открыли сильнейший артиллерийский огонь. Через десять минут связь с 3-м батальоном, занимавшим этот участок, была порвана. Попытка штаба полка восстановить связь увенчалась успехом до окончания обстрела.

Обстрел продолжался не более часа и когда кончился, то

из батальона поступило неожиданное срочное донесение, гласившее:

В двенадцать часов пятнадцать минут 20 ноября австрийцы открыли ураганный огонь по левому флангу третьего батальона против участка 12 й роты. Огонь был столь силен, что люди, занимавшие передовую линию окопов, были вынуждены укрыться в землянки. Под прикрытием своего огня австрийцы произвели атаку на участок 12-й роты, прорвали позицию прошли в тыл роты, захватили временно командовавшего ротой прапорщика Новоселова, трех телефонистов и два взвода солдат, которых увели с собой. Благодаря пересеченной местности своевременной поддержки соседними ротами не было оказано ввиду быстроты, с какой была произведена атака. Кроме пленных, австрийцы унесли два пулемета.

Смятению временно командовавшего полком Хохлова не было предела. Он в течение суток не решался сообщить о случившемся в штаб дивизии. Однако скрыть происшедшее невозможно, и Хохлов принужден в мягких тонах донести штабу дивизии о произведенной на наши окопы атаке австрийцев и о том, что, «несмотря на упорное сопротивление», 3-й батальон понес потери пленными в таком-то количестве.

В дивизии назначили специальную комиссию для расследования этого случая.

Ввиду отъезда Ущиповского в отпуск мне приходится временно исполнять обязанности начальника саперной команды, и я принужден был направиться на разрушенный участок—восстановить проволочные заграждения.

Подавая мне ужин, Ларкин, переминаясь с ноги на ногу, заговорил со мной:

— Хорошо, Дмитрий Прокофьевич, что Федор Лукьянович в плен попал.

— Чего же хорошего?

— Да как же не хорошо: сиди здесь, мерзни, а в плену, сколько бы война ни продолжалась, наверное живым останется.

— Как сказать, голубчик.

— Что ни говорите, ваше благородие,—перешел Ларкин

на официальный тон,—а пленным хорошо живется. Взять хотя бы австрийцев, которые в наших деревнях размещены Балуются себе с нашими бабами.

— Так и ты может быть в плен хочешь?

— Не отказался бы,—чистосердечно произнес Ларкин.— Давеча ко мне заходили двое земляков, в околодок шли, говорили, что в роте жалуются, что не всю в плен взяли.

— Чего же жаловаться? Сейчас зима наступает, на фронте тихо. До весны-то, я думаю, спокойно можно сидеть.

— Да как же спокойно... Ведь каждый день к нашему фельдфебелю Харину сведения присылают из рот об убитых. Нет ни одной ночи, чтобы в роте одного-двух человек не убили. Шестнадцать рот—шестнадцать человек. Это в день, а сколько до весны-то перебьют! Солдаты жалуются, ваше благородие, что кормить стали плохо. Уж больно эта чечевица опостылела.

— А не все ли равно, Ларкин, с чечевицей сидеть в окопах или с рисом?

— Ну, не все равно, если умирать, все-таки сытым приятнее.

— А я думаю, один чорт.

— А скоро война кончится?—неожиданно спросил Ларкин.

— Трудно сказать.

— В деревне плохо стало. Баба пишет, что не сможет и половины земли засеять. Лошадь кормить нечем, а тут еще заставляют натурой мясо сдавать. У нас в деревне по пять пудов со двора обложили. А где его взять? Своего нет, — значит покупай. Солдаты в газетах читали, что американский президент мир предлагает.

— Американский-то президент предлагает, да вот немцы не соглашаются.

— Чего им, св..... надо, да и нашим тоже. Зачем нам эта самая Галиция нужна, своих земель, что ли, мало?

— Ты что это, Ларкин, сам надумал или слышал где-нибудь?

— В команде у нас разговаривают. Только я вам по секрету говорю. Ежели узнают, что я вам рассказал, ругаться будут.

— Чего же ругаться, я смогу сам с ними поговорить.

— Вам-то, ваше благородие, неудобно, все-таки, как никак, вы офицер.

— Числюсь только.

— Ну, положим, не только числитесь, а и жалование получаете.

Декабрь

Саперную команду сдал вернувшемуся Ущиповскому. Хохлов распорядился возложить на меня обязанность начальника полицейской команды.

Полк должен отойти на семь дней в резерв в Олеюво. Хохлов приказал мне лично отправиться туда и принять от штаба 9-го полка штабные помещения, в которых должен расположиться Хохлов со своим штабом.

Поехал.

Дом штаба знаком уже по предыдущим здесь стоянкам. Явился к командиру полка Самфарову. Самфаров, как бывший офицер 11-го полка, встретил меня необычайно любезно. Предложил разделить с ним ужин. Я поблагодарил, обещая притти к назначенному часу.

Объехав вместе с комендантом полка селение, разбил его на батальонные участки, разметил помещения для команд и для штабных офицеров. К восьми часам вернулся к Самфарову.

Самфаров сидел не один.

Ведя непринужденный разговор, рядом с ним сидел молодой вольноопределяющийся. Познакомились.

— Поручик Оленин,—сказал я.

— Анна Николаевна,—ответил вольноопределяющийся.

— Анна Николаевна столь любезна, что разделяет со мной мою скудную трапезу и скучные часы пребывания в резерве. Для нас, боевых русских офицеров,—галантно наклонился к Анне Николаевне Самфаров, — чрезвычайно тягостны дни, какие приходится проводить вне боя. Та неделя, которую я провел в резерве, была бы очень для меня тосклива, если бы не ваше милое общество.

Анна Николаевна мило улыбалась, показывая ямочки на щеках, щебетала:

— Конечно, вам здесь скучно, Николай Иванович. Я очень благодарна вам за ваше милое общество.

— Искусством занимаетесь, поручик?—обратился ко мне Самфаров.

— Какое имеете в виду, господин полковник?

— Вокальное, хореографическое.

Я недоумевающе посмотрел на полковника.

— Искусство вообще я люблю, господин полковник, но вам вероятно небезызвестно, что за два года пребывания на фронте кроме как в боевых делах, в постоянных наступлениях и отступлениях, кроме вечной заботы о солдатах, ни о чем другом не приходилось и думать. Я отучился даже вспоминать о подобных вещах. Когда побываешь в отпуску, стараешься использовать короткий срок для посещения театра.

— Вы напрасно не бываете в нашем полку. Анна Николаевна может засвидетельствовать, что в Олеюве мы ни одного дня не пропустили, чтобы не поставить спектакля или не организовать музыкально-вокального вечера.

— Вы прямо-таки кудесник, Николай Иванович, — прощебетала Анна Николаевна.—Как это у вас все быстро получается! Чудесный вы организатор! Вы знаете, — обратилась она ко мне,—полк только что прибыл в резерв, а на другой день уже был спектакль для всего полка. Приспособили большую конюшню под зрительный зал и сцену. Музыканты и артисты нашлись в самом полку.

Николай Иванович весь сиял. Его сплошная лысина блестела, точно масляный блин.

— Анна Николаевна замечательная актриса,—снова обратился ко мне Самфаров,—у нее такой чудесный голос, она так великолепно им владеет.

— Что вы, Николай Иванович,—скромно опустив глазки, произнесла Анна Николаевна.

— Нет, нет, вы не скромничайте, Анна Николаевна, ваше место, как только окончится война, на большой сцене.

— Я знаю господина полковника очень давно,— обратился я в свою очередь к Анне Николаевне.—Я имел счастье служить с ним в одном полку перед войной, и весь полк восхищался господином полковником за его артистические таланты и уменье дать солдатам полка разумное развлечение. В тульском народном доме не проходило ни одной недели, чтобы под руководством Николая Ивановича не был поставлен спектакль.

От моих похвал Николай Иванович расцвел еще больше.

Вошел конюх Самфарова с докладом, что лошадь готова ехать на позицию.

— Грустно покидать вас, Анна Николаевна, но я надеюсь, что вы заглянете к нам в Гнидавские выселки.

— Если позволите, то я и сейчас с удовольствием проехала бы с вами, Николай Иванович.

— Чудесно, чудесно, очаровательно!—потирал от удовольствия руки Николай Иванович и несколько раз приложился к ручке Анны Николаевны.

Оставшийся со мной начальник полицейской команды 12-го полка, прапорщик Чистяков, рассказал, что Анна Николаевна—доброволица 12-го полка, пробыла около месяца в полку и неотступно находится при штабе.

— Не люблю я баб на позиции. Их дело с горшками воевать. А тут от них только совращение одно.

Я вспомнил, что у нас в полку тоже имеется две доброволицы, одна в 3-м батальоне, Маруся Туз,—последнее не фа-

милия, а прозвище, данное солдатами за ее чрезвычайно округленные формы,— а другая Ольга Ивановна — в 1-м батальоне.

Маруся Туз откуда-то из-под Киева и, если верить «Солдатскому Вестнику», чуть ли не из публичного дома. Живет при роте, старается нести исправно службу, но этому мешают ее физиологические особенности. Хотя и в солдатском одеянии, но женщина... Вместо того чтобы с людьми своего взвода итти на разведку или на работу или в полевой караул, ей приходится чаще всего направляться в землянки офицеров, которые приглашают ее затем, чтобы позубоскалить, а злые языки говорят, что еще кое за чем...

Эта Маруся Туз месяц тому назад выбыла из полка будто бы по беременности.

Ольга Ивановна—другой тип.

Гимназисткой была влюблена в какого-то прапорщика, своего жениха, который был убит в первые месяцы войны. Тогда она надела солдатское платье и отправилась на фронт «мстить» немцам. Исправно ходит в караул, в разведки, имеет уже георгиевскую медаль, и солдаты про нее ничего дурного не говорят. Находится в полку по сие время.

ГЛАВА V

ГРОЗНЫЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Пребывание в резерве хорошо тем, что дает возможность очистить себя от грязи и пожить в человеческих условиях. Солдаты приводят себя в человеческий вид, стригут волосы, бреются, надевают чистое белье, чинят обмундирование, поправляют амуницию и т. д.

Питание за время пребывания в резерве более регулярно, пища получается в горячем виде, на позицию же подается в остывшем.

Офицеры все дни резерва проводят в кутежах, игре в карты. Снаряжают своих денщиков далеко в тыл за самогонкой,—а то скупают в аптеках тройной одеколон, который сходит за водку.

Читать почти нечего. Газеты приходят старые, и то в большинстве это—«Московские Ведомости». За последнее время московские газеты, как, например, «Раннее Утро», «Русское Слово», стали приходить с большими перебоями.

На этот раз пьянства было меньше, но за картами люди просиживали с утра до утра. Некоторый диссонанс внес Боров, откуда-то достававший целые пачки газет с речами думских ораторов. Кроме газет Боров достал запрещенные к опубликованию речи Милюкова, Пуришкевича и других думцев. В этих речах правительство обвинялось в подлости, бездействии, тайных сношениях с немцами, правительственной чехарде и т. п.

Речи Милюкова и других читались по секрету.

Присутствовавший при чтении Земляницкий апатично говорил:

— Чорта ли им там ни говорить! Послать эту самую Думу сюда под Манаюв, глядишь, совсем бы другое запели. А в общем, плохо, братцы, войну надо кончать.

— Как это кончать? Отдать Польшу, захваченную немцами?

— А на кой чорт нам нужна Польша?—продолжал Земляницкий.—Что мы от этих «панов» получим? Сволочь они, больше ничего. Взять хотя бы нашего Мухарского, чистейший поляк, а кто считает его порядочным человеком? Подлиза!

— Ну, батенька,— возражали ему,— нельзя же по Мухарскому судить обо всем польском народе.

— А ну вас к чорту! Давайте лучше в железку продолжим.

И Земляницкий тянулся за картами.

Перед окончанием резерва в Лапушаны прибыло новое пополнение для полка, состоящее в большинстве из украинцев. В первый же день прибытия с ними произошли недоразумения. Еще с разбивки по ротам для вновь прибывших был приготовлен обед отдельно, из получавшей уже права гражданства чечевицы.

Выстроились перед походной кухней с котелками за получением пищи. Повар стал разливать. Первые получившие пищу солдаты, отойдя в сторонку, попробовали похлебку и демонстративно начали бросать котелки на землю.

— Эту бурду у нас свиньи есть не будут!—закричало несколько человек.

— Что такое, чем плоха?—спрашивают другие.

Один из солдат, свыше двухметрового роста детина, поднял свой котелок и начал медленно сливать из него чече-

вицу, которая была, как и при всех предыдущих варках, неразваренной.

— Это не крупа, а дробь!—громко кричал один из них.— Австрийцы на позиции пулями кормят, а здесь дробью начиняют! Не будем есть!

— Долой!—закричали другие.

Поднялся невообразимый шум, гам. Несколько солдат набросились на кашевара. Стащили его с кухни, другие, подпирая плечами, опрокинули котел, и все содержимое кухни вылилось на землю.

К месту происшествия немедленно прибыл Хохлов в сопровождении попа и адъютанта.

Собрав всех вновь прибывших, он произнес резкую речь о воинской дисциплине, о том, что на фронте всякое действие, несоответственное со званием солдата, повлечет за собой отдачу виновных под полевой суд. Понуро и молчаливо слушали солдаты. Вслед за Хохловым священник, призвав божье благословение на головы вновь прибывших, начал разъяснять волю и милосердие божье, ведущее к победе русское воинство и государство российское.

В заключение мне было приказано немедленно разбить солдат поротно и предупредить ротных командиров об установлении за ними наблюдения.

Вернувшись к себе в комнату, где сидела группа офицеров, я рассказал о происшедшем.

— Это не первый случай,—сказал Боров.—Солдаты категорически отказываются есть чечевицу. Но дело, надо думать, не только в чечевице, а в том, что пора кончать.

Те запрещенные речи, которые показывал Боров офицерам, распространяются среди солдат.

Появилось сообщение об убийстве Распутина. Офицеры говорят, что это злой гений царской семьи и что с его убийством дело пойдет лучше. Все беды и напасти, постигавшие

до сих пор нашу армию, и все затруднения в тылу сваливались на голову Распутина. Солдаты отнеслись к убийству совершенно равнодушно. Я попросил Ларкина специально послушать разговоры на эту тему в команде и в ротах. Но ему так ничего и не удалось услышать.

— Но все же как к нему относятся?—настойчиво спрашивал я Ларкина.

— Да как относятся, говорят, что способный был мужик до баб, а царица, вестимо, тоже баба, чай и ей надо, муж-то на фронте находится. Ведь и наши бабы в деревне смотри, как балуются с австрийцами. Окончится война, так сколько маленьких немцев и австрияков в деревне появится... у них в свою очередь—русских. В будущем авось и воевать не придется.

— У тебя тоже австриец в хозяйстве?

— Ну, нет!—энергично протянул Ларкин. — Если баба возьмет австрийца, так я ее, стерву, укокошу.

— А почем ты знать будешь?

— Как же не знать! Сейчас же земляки напишут. Дмитрий Прокофьевич, солдаты все справляются, когда же стариков увольнять будут? У нас в команде сорокапятилетних много. Полк сам не может, а приказа такого нет. Чего же их тут держать? — продолжал Ларкин.— По закону можно до сорока трех лет призывать, а людей призывают чорт знает каких, стариков совсем. Шестнадцати лет берут, сорока пяти лет берут, что же, скоро баб, что ли, брать станут?

— Ты же сам недавно говорил, что много убивают, надо же кем-нибудь замещать.

— Так-то оно так, да только вы посмотрите, сколько лоботрясов разных в тылу околачивается, все на «оборону» работают, на тульских-то заводах все наши богатеи устроились. У кого сотня лишняя найдется, тот на «оборону» работает, а у кого нет, того сразу на фронт.

— Винтовки тоже надо делать.

— Так вот и посылай тех, кому больше сорока лет.

— Чего ты-то волнуешься, ведь тебе еще сорока нет?

— Я о себе не беспокоюсь, я при вас, а ежели при вас, значит целым буду. А посмотрите в нашей команде—Стишков, Валенкин, Гремячкин, у них у всех по два сына на фронте и сами тут, а дома, говорят, старуха с малыми детьми с голоду помирает.

— Ничего не могу поделать.

— Мы это, ваше, благородие, знаем. Может слухи у вас какие имеются на этот счет?

— Нет, Ларкин, пока ничего не слышно.

В полку установлена свирепая цензура. Я не получаю ни одного письма, которое не было бы перлюстрировано. То же и с письмами солдат. Они, прежде чем попасть на почту, передаются полковому цензору, прапорщику Завертяеву. Так как сам Завертяев прочесть несколько сот писем, отправляемых ежедневно из полка, не в состоянии, то ему дан целый штат писарей. С наиболее характерных писем снимаются копии и отмечаются фамилия посылающих, а также и адреса. Эти сведения передаются от Завертяева в цензуру, находящуюся при полевой почтовой конторе корпуса.

Завертяев показывал несколько сводок. В письмах из полка солдаты жалуются на скверную пищу, тяготы окопной жизни, плохое обмундирование, на отсутствие возможности поехать в отпуск. Большинство писем монотонно, однообразно, начинаются миллионами поклонов всем родственникам, от мала до велика, и обыкновенно оканчиваются просьбой о посылках, и в некоторых письмах высказываются желания получить небольшое ранение или попасть в плен. Есть и такие, в которых сообщается об односельчанах, товарищах по полку, которым «пофартило», т. е. удалось получить легкое ранение или перебежать в плен, или же произвести удачное саморанение. Но каждое письмо проникнуто

одной мыслью, одним желанием: скорее выбраться на родину.

В письмах с тыла от жен, матерей или близких родственников звучит безумная тоска, беспокойство об отсутствующем. Пишут о разных хозяйственных и семейных делах, о том, что нехватает хлеба, что не удастся полностью обработать землю, жалуются на сильную дороговизну и т. д. В заключение следует приглашение как можно скорей прибыть домой или последовать примеру соседей, которым удалось отделаться от службы путем дачи взятки тому или иному лицу. Григорий Давыдов, пишут в одном письме, приехал с фронта раненный в ладонь, пролечился два месяца, а потом сходил на завод, дал мастеру сто рублей — и теперь работает на заводе. Или Дежин лечился в лазарете, получил такую болезнь, с которой на фронт не посылают... И тут же следовал совет последовать их примеру.

ГЛАВА VI

РЕВОЛЮЦИЯ

Март 1917 года

Утром 27 февраля, простившись с родителями, отправился на станцию Епифань, чтобы ехать из отпуска на фронт. От Епифани до Тулы ехал с товаро-пассажирским поездом, в вагоне четвертого класса.

Разговор в вагонах—вокруг хозяйственных недостатков и о затянувшейся войне.

В Туле пересадка. Пошел к коменданту станции получать разрешенную визу для проезда в пассажирском поезде; они ходят с большим сокращением, по случаю продолжающейся «товарной» недели.

Комендант станции, капитан Черторийский, сообщил, что транзитных поездов до Киева нет и не будет еще недели две.

— Могу вам устроить,—говорил он,—проезд до Курска в минералводском поезде. В Курске сделаете пересадку и снова зайдете к коменданту.

Получив нужную на моем документе отметку, пошел в кассу станции покупать билет.

В шесть часов вечера подошел поезд.

Вошел в вагон второго класса. Толкнулся в одно купэ—занято, другое—тоже занято, наконец, в третьем оказалось одно свободное место. Внес свой чемоданчик, уложил его на верхнюю полку, сел на диван и начал осматривать при-

сутствующих. Пассажиров трое. Один из них — пожилой чиновник в форме министерства внутренних дел, другой — лет тридцати пяти, полный упитанный мужчина, штатский, немного подвыпивший. Третий пассажир — девушка лет двадцати трех, изящно одетая, кокетливо оживленная. Мой приход прервал беседу. Несколько минут молчания, которое однако скоро было прервано штатским. Грузно повернувшись в мою сторону, он спросил:

— Что, прапорщик, из отпуска?

Я молча кивнул головой.

Штатский неожиданно ударил меня ладонью по коленке и весело произнес:

— Люблю военных, особенно офицеров. Пьете?

— Бывает, но сейчас не хочется.

— Напрасно, у меня коньяк чудесный.

— Благодарю вас, нет желания.

Мой собеседник нагнулся и из стоявшей под вагонным столиком корзинки достал бутылку депрессского финьшампань.

— Выпьем с вами, Зинаида Рафаиловна,— обратился он к находящейся в купэ девушке.— Бросьте вы о революции думать. Знаете, поручик,— обратился он ко мне,— Зинаида Рафаиловна едет из Питера и вот уже целые сутки такие страхи нам рассказывает, что без коньяка никак не обойдешься.

— Не страхи, Виталий Осипович,— задорно тряхнула девушка кудряшками,—а сущую правду. Вы знаете, поручик,— быстро повернулась она ко мне,— этот поезд вчера уходил из Питера без звонков, при полной темноте на вокзале. Никто не знал, пойдет поезд или нет. Я в Питере села в этот вагон почти одна и только лишь в Москве эта компания подсела.

— Что же там случилось?—заинтересовался я.

— Несколько дней в Питере были большие хвосты у всех продуктовых лавок. Хлеба совсем не было. Люди простаива-

ли с утра до поздней ночи за получением хотя бы полуфунта. В очередях происходили большие скандалы. Били стекла магазинов. Вмешалась полиция, разгоняли очереди чуть ли не с пулеметами. А вчера днем сама слышала, ей-богу, сама,—повернула она голову к двум пассажирам и перекрестилась,—как стреляли в целом ряде мест. Я с Мойки еле доехала до вокзала. Боялась, что попаду под обстрел. Электричество погасло, газ—тоже. На улицах солдаты, городовые, казаки. У вокзала патрули, никого не пропускают. Мне пришлось состроить глазки драгунскому ротмистру, чтобы на перрон пройти. Какой-то железнодорожный служащий указал, как добраться до поезда. А в поезде, представьте, почти ни души. Перед отходом поезда слышалась пушечная стрельба.

— По вас наверно стреляли,—расхохотался штатский.

— Да ну вас! Кому это надо по нас стрелять? Мы сами подстрелим, если захотим,—кокетливо играя глазками, возразила Зинаида Рафаиловна. — Все рабочие забастовали, гвардейский полк, говорят, перешел на их сторону.

— Почему же здесь до сих пор ничего не известно?

— Газет вчера не было,—торжествующе развела руками Зинаида Рафаиловна.

— Теперь, положим, часто газеты не выходят,—буркнул чиновник.—Избаловали больно народ. Стали им платить больше раз в пять, чем в мирное время получали, вот и зазнались.

— Не говорите, что избаловали,—в Питере хлеба нет, ни к чему не приступишься. Куда ни взглянешь: солдаты, солдаты и солдаты...

— А солдаты чего ни сожрут,—смеясь подтянул ей Виталий Осипович.

— Господа,—вполголоса, таинственно заговорила девушка,—я вас уверяю совершенно серьезно, что в Питере самая настоящая революция, и, говорят, царя свергнут.

— Ну, голубушка, вы такие страхи да еще к ночи рас-

сказываете, что не заснешь. Лишнего хватили, вот и кажется вам бог знает что.

— И вовсе не лишнее! И если хотите, еще могу выпить. Налейте!—капризно топнула она ножкой, обращаясь к Виталию Осиповичу.

Тот услужливо налил ей полстакана. Девушка залпом осушила коньяк, вытерал изящным кружевным платочком губки и, повернувшись ко мне, снова затараторила:

— Я не знаю, может быть и врали, но все, что я сама видела, дает мне основание думать, что слышанное не вранье. Говорят, Думу царь распустил, а Родзянко не захотел распускать. Штюрмеру не доверяют. Солдаты на их стороне. И пошло...

— Действительно стрельба была?—спросил я.

— Честное слово, ей-богу! — и она опять перекрестилась.— Своими ушами, собственными ушами слышала пулеметную стрельбу, а когда села в поезд, пушки стреляли,— горячилась девушка.

— Поручик, выпьем!—еще раз обратился ко мне штатский.—А то спать будете плохо.

— Сон-то у меня, положим, хороший, но раз так уговариваете, давайте выпью,—соблазнился я.

Выпил несколько глотков обжигающей жидкости. Стало клонить ко сну.

— Извиняюсь, что не могу поддерживать столь интересную беседу, очень устал, хочется спать.

С этими словами забрался на верхнюю полку, но заснуть сразу не смог.

Наконец-то революция! С ней конец войне! Конец нашим мытарствам! А может это скверно? Враг на подступах к России. В армии и так со снабжением скверно, а революция внесет еще большие перебои.

Курск. Поезд на Киев пойдет лишь в двенадцать.

Никаких признаков событий в Петрограде.

«Наврала девушка»,—думал я, смотря на спокойно работающих железнодорожников.

Хотя и «товарная неделя», т. е. все поезда под товарными перевозками, хотя разрешения на проезд в пассажирских вагонах выдаются только через военное начальство, тем не менее поезд на Киев забит до отказа.

Киев. На вокзале среди железнодорожников заметно оживление, подъем, порывистость в движениях, действиях и разговорах. В комнате дежурного по станции случайно подслушал разговор, что в Питере революция почти восторжествовала.

От Киева к фронту народа едет немного. В моем купэ несколько штабных офицеров, знакомые между собой, разговаривают о перспективах весенней боевой работы.

— У нас в штабе,— говорил один из них,—производится интенсивная разработка плана генерального наступления, чтобы с весны одновременно с союзниками ударить по немцам на всех фронтах.

— Солдаты, — говорил другой,—будут вполне подготовлены к этому времени. Выступят на позицию новые корпуса. Немцы истощены, а армии союзников и их боевые запасы растут с каждым днем. Вступление Америки в войну обеспечивает нам полную победу. Еще несколько месяцев—и победный мир.

В Казатине офицеры сошли с поезда. В купэ я остался один.

На каждой большой станции я выходил из вагона в надежде услышать от железнодорожников о последних новостях из Петрограда.

На станции Жмеринка услышал разговор машиниста нашего паровоза о новой кондукторской бригаде.

— Значит крышка? — спрашивал машинист.

— Крышка,—ответил старший по бригаде.

— Что же говорят они?

— Скрывают.

— Чего же скрывать, когда не сегодня—завтра все будет известно?

— Чорт их знает, почему. Может быть, думают задушить.

— Не удастся! — энергично тряхнув головой, вымолвил машинист.

После третьего звонка почти на ходу поезда в наш вагон вскочил молодой прапорщик в форме железнодорожных войск.

— Ух! Еле поспел! Еще полминуты—и жди следующего дня!—тяжело дыша, заговорил прапорщик, войдя в мое купэ.—Ну и дела, ну и времена! Вы слышали? Знаете о революции?

— Мельком слышал. В Питере забастовки.

— Какое там забастовки! Революция, самая настоящая доподлинная революция! Ах, как прекрасно!

Я выжидающе посмотрел на прапорщика.

— Мой отец заведует телеграфом в Жмеринке. Через него идут все депеши. Я читал каждую телеграмму и из-за этого чуть не опоздал на поезд.

— Что же сообщают?

— Погодите, дайте отдышаться. Сейчас все расскажу по порядку.

Прапорщик поставил на полку свои вещи, устроился поудобнее на диване и, улыбаясь радостной улыбкой, заговорил:

— Царь приказал распустить Думу. Правительство Штюрмера подготовило сепаратный мир. Дума об этом прослышала. Родзянко собрал лидеров партий, которые решили Думу не распускать, продолжать вести заседания. Вы понимаете? Дума решила не подчиняться царскому указу!

— Выбрали специальный Комитет под председательством Родзянко. Комитет предложил царю назначить новое

правительство. Тот не согласен. В Питере забастовки. Войска переходят на сторону рабочих. Дума рекомендует его брата Михаила Александровича. Избрано Временное революционное правительство. Рабочие Питера организовали Совет рабочих депутатов. К рабочим присоединились солдаты. Даже гвардия перешла на сторону Думы. Родзянко с Милюковым поехали в ставку к царю требовать отречения. Сейчас только была депеша ко всем главнокомандующим фронтов, что Николай второй отрекся за себя и за сына в пользу брата Михаила. В Питере войска присягают Временному правительству.

Тарнополь. На станции спокойно. Никаких признаков революции нет. На вокзале встретил повозку обоза 2-го разряда нашего полка. Ездовой с охотой согласился довезти.

По дороге он рассказывал, что полк уже дней десять как отошел в резерв, а его позицию под Манаювом и Хокулиовцем заняла финляндская дивизия.

— Говорят, месяца два в резерве простоим, — говорил Селин.—Идут усиленные занятия. Готовятся с началом весны к большому наступлению. Что в Туле нового, ваше благородие? Насчет мира что слышно?

— Насчет мира ничего не слышал, а вот насчет революции слух идет.

— Революции?—быстро повернулся ко мне Селин.

— Да, революции. Иль боишься?

— Никак нет, ваше благородие. Ведь немцы не заберут нас в свои руки.

— Конечно, нет. Раз революция, то у власти будут новые люди,—более умные, энергичные, способные отстаивать свободную Россию.

— Значит скоро и землю от помещиков получить можно будет?—задумчиво, думая о другом, произнес Селин.

— Раз революция, то ясно, что народ землю получит.

— За землю-то мы постоим: по совести говоря,—повер-

нулся ко мне Селин,—воевать нам не из-за чего. Зачем нам земля Галицкая? Там свои люди живут. А вот землю у помещиков забрать, надел увеличить,—это другое дело. У нас в Калужской губернии мужики почти совсем без земли. В нашей семье четыре брата, да отец старик еще жив,—и на пять человек всего полторы десятины.

— Чем же живете?

— Каменщики мы. Как наступит весна, так один брат остается в деревне пахать, а остальные трое—на сторону по деревням кирпичные избы класть. Все лето и работаешь с зари до зари, а потом целую зиму спину не разогнешь. А заработаешь то что... на рыло не больше как рублей по семьдесят, по восемьдесят. Да это еще крепиться надо. Не выпивать. А если грех попутает, выпьешь, так домой в тех же портках, в которых вышел, вернешься.

— Помещиков много у вас в Калужской губернии?

— А где их мало? У нас, мужиков, земля—глина настоящая. На ней ни черта не растет, а у помещиков лучший чернозем. Правда ли, что революция?—недоверчиво посмотрел на меня Селин.

— Правда, Селин. Я слышал это в дороге. Скоро всем солдатам будет известно. А если неправда, так надо сделать правдой!

— Справедливо изволите говорить, ваше благородие!

Я вошел в благоразумно приготовленное Ларкиным помещение. Вымывшись с дороги, начал разбирать свой чемодан. Вскоре зашел Воропаев. Канцелярия полка на время пребывания полка в глубоком резерве переселилась в Омшанец.

— Привез что-нибудь?—обратился ко мне Павел.

— Многое кое-что, только не того, чего ты спрашиваешь.

— Что же ты? Так выпить хотелось!

— Остепенись, Павел, пьяницей сделаешься.

— Да уж лучше пьяницей, чем на фронте торчать!

— В окопах тебя никто не заставляет сидеть, сидишь ты в канцелярии, и пить основания нет.

— Давно это ты нравоучения читать начал? Надел погоны... кичишься.

— Да разве я кичусь?—удивился я.—Я говорю, что пьешь ты много.

— Много пьешь?! Уж не ты ли подносишь?

Видя ворчливое настроение Воропаева, я попробовал его успокоить привезенной новостью о революции.

Однако на Павла мои сообщения подействовали слабо.

— Если бы ты мир привез, я рад бы был. А то революция! Эка важность, если нас попрежнему здесь держать будут! Мир нужен. Осточертела война!—истерично прокричал Воропаев.

— Какой ты чудак,—успокаивал я Павла,—раз революция, то и мир скоро. Посиди здесь. Я на минутку схожу к командиру с рапортом.

Оставив Воропаева пить чай, я оделся, прицепил револьвер и направился к штабу.

В одной из больших комнат штаба уже собралась группа офицеров, прибывших за получением жалованья. Среди офицеров я увидел Земляницкого, Борова, Остроухова и несколько других знакомых товарищей.

— А, Оленин! Вернулся... Что хорошего?

— Много. Такие, господа, интересные новости!

— Что такое, говори, говори! — обступили меня.

Молокоедов прикрыл свою шкатулку с деньгами и в свою очередь вытянул голову в мою сторону.

— Революция, господа!

— Что? Что? Как ты сказал?

— Революция, господа!

— Какая, где?

— Самая настоящая, красная.

— С зелеными ушами,—вставил Земляницкий.

— И уши красные и руки длинные!

— Довольно шутить!—крикнул Боров.—Говори толком, что знаешь.

— Свергнуты министры. Государственная Дума взяла власть в свои руки. Созданы Советы рабочих депутатов. Войска на стороне Думы. Слышно, что Николай отрекся...

— Чего вы здесь болтаете, прапорщик! — раздался за моей спиной резкий голос.

Я оглянулся. Позади стоял полковник Хохлов.

— Рассказываю новости, господин полковник, могу повторить: образовано Временное правительство, свергли власть старых министров, царю предложили отречься от престола...

— Вы что, прапорщик, сумасшедший или пьяны?—резко закричал Хохлов.

— Ничего подобного. Передаю верные слухи.

— Если, прапорщик...

— Поручик, господин полковник.

— Если, поручик, вы будете распространять такие вещи, то я немедленно отправлю вас на гауптвахту!

— Ваше дело, господин полковник.

Молодые офицеры, затаив дыхание, слушали мои пререкания с Хохловым.

— Я думаю, господин полковник,—обратился я к Хохлову,—что вам все это уже известно. В Петрограде произошла революция, и о ней на фронте не могут не знать.

— Когда фронт будет знать, вас не касается. А сейчас я вам воспрещаю, прапорщик...

— Поручик, господин полковник.

— ...воспрещаю распространять подобные нелепости!

— Истинные факты, господин полковник.

— Петр Маркович,— обратился Хохлов к Молокоедову,— я вас прошу перейти для раздачи жалованья в мой кабинет, а вам, господа офицеры,—обратился он к присутствующим,— стыдно слушать всякие нелепости от солдатского прапорщика.

Я упрямился:

— Господа офицеры слушают рассказ офицера о том, что последний слышал в тылу, и господа офицеры должны знать, что там делается.

— Кончится тем, что я отдам распоряжение, чтобы вас посадили на гауптвахту!

Хохлов резко повернулся и быстро вышел из комнаты.

— Ты где остановился?—спросил меня Боров.

— Рядом с Блюмом.

— Я к тебе зайду.

Земляницкий:

— Я тоже.

Получив от Молокоедова жалованье, я направился к Блюму.

— Новости большие, Владимир Иванович,—начал я прямо с порога.—Революция!

Блюм недоверчиво посмотрел на меня.

— Хохлов так сейчас разозлился, что грозил на гауптвахту отправить. Все время называл «прапорщиком», а под конец даже «солдатским прапорщиком» назвал, у него внутренности перевернулись от слова «революция».

— А у вас откуда такие сведения?

— Я ехал в поезде, который последним отошел из Петрограда. Пассажиры рассказывали. Затем слышал разговоры железнодорожников в Киеве, Жмеринке. Я думаю, что в штабе полка уже известно, только молчат.

Рассказал Блюму все слышанное в пути.

— Не во-время,—задумчиво проговорил Блюм.—Только было силы накопили. Америка в войну вступила, еще несколько месяцев — и немцам крышка. А ведь революция несет за собой развал фронта.

— Почему развал фронта?—возразил я.—Солдаты с большой охотой будут драться в чаянии получить землю от помещиков.

— Дадут ли землю-то мужику?

— Революция! Нельзя не дать!

— Вы говорите, что Родзянко с Милюковым предложили другую кандидатуру в цари — Михаила Александровича. А раз будет царь, то насчет земли вопрос сложный.

— Поживем — увидим.

Поговорив около часа с Блюмом, я пошел к себе, где застал пришедших Борова и Земляницкого.

— Расскажи, хлопче, подробнее, что ты знаешь. Этот сукин бис Хохлов помешал давеча.

Я повторил уже рассказанное Блюму.

— Ох, хорошо, друже, что революция! Только как фронт к этому отнесется?

— Фронт это — мы!

— Ну, не совсем «мы». Между солдатами запасных полков и солдатами фронта большой антагонизм. Фронтовые солдаты не любят тыловиков. Если там совершается революция, а фронту ничего не пообещают, то это может вызвать плохие последствия. Во всяком случае нам надо быть начеку. Безусловно будут попытки со стороны кадровых офицеров настроить солдат против революции. Подождем до завтра. Какие будут сведения. А потом обдумаем, что надо делать.

На следующий день с раннего утра всему полку стало известно о происшедшей революции.

Через шоссе, по обе стороны которого расположено село Омшанец, протянулись красные плакаты с надписями:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНАЯ РОССИЯ!

В ротах ликование. Офицеры несколько испуганы, не зная, как себя держать с солдатами. Чувствуется напряженность.

ГЛАВА VII

БРАТАНИЕ.

После манифеста об отречении Николая, поступил второй манифест об отречении Михаила до созыва учредительного собрания. В предписании штаба армии предлагалось объявить манифесты по ротам и командам.

Во всех ротах и командах митинги. Офицеры разъясняют содержание манифестов, говоря, что образование Временного правительства является актом, направленным на мобилизацию всех живых сил страны для успешного завершения войны, т. е. победного конца.

Манифест Михаила Александровича несколько туманен.

Блюм говорит, что здесь скрытый смысл: мол, ежели Учредительное собрание выберет Михаила Александровича царем, то он примет императорский престол без возражений. А до этой поры он не хочет возиться с «грязным делом».

Так или иначе, царя нет.

Получены первые газеты.

Зачитываемся речами Милюкова, Керенского.

Интересует фигура Родзянко, этого маститого председателя Государственной думы, безусловно монархиста, который с непокрытой головой приветствует восставшие полки, приходящие к Таврическому дворцу.

Кадровые офицеры иронизируют над речами Милюкова,

Керенского. Особенно отличается Хохлов, который презрительно подчеркивает каждую революционную фразу.

Вчера сидел с Блюмом за чтением свежих газет, причем Блюм обратил мое внимание, что хотя и революция, хотя и свергли царя, образовали революционное правительство, но в этом революционном правительстве нет ни одного социалиста. Все это показывает,— говорил Блюм,— что произошла буржуазная революция и у власти поставлены представители капитала.

— Керенский — социалист, — возразил я Блюму.

— По-моему он был народником, — ответил Блюм, — разве теперь стал социалистом-революционером. Львов, председатель министров — крупный буржуа, Гучков, назначенный военным министром, определенный монархист, лидер союза октябристов. Милюков — кадет. Терещенко — крупный сахарный фабрикант и т. д. Лишь Керенский — адвокат и бывший народник. Я думаю, — говорил Блюм, — что это только начало. Революция безусловно расширится.

Я смотрел на Блюма непонимающими глазами, так как в политических вопросах и в партиях смыслил мало.

— Весь вопрос,— продолжал Блюм,— сейчас в армии. Если офицерство действующей армии поддержит новое правительство, то возможно, что война будет продолжаться с немцами именно до победного конца. Но, судя по настроению кадровых офицеров, они склонны потребовать обязательно монархии. Старым офицерам невыгодно не иметь верховного вождя армии, а верховным вождем армии всегда является император.

Из штаба сообщили, что Радцевич-Плотницкий приглашает офицеров на прощальный ужин. Пошел и я. Собрались почти все офицеры полка, находившиеся в Омшанце. Вместо традиционного офицерского приличествующего в таких торжественных случаях первого тоста за императора на сей раз Хохлов, открывая ужин, поднял бокал за доблестную русскую армию. Затем кадровые офицеры выступали с то-

стами за Радцевича-Плотницкого, перечисляя его таланты и заслуги по работе в 11-ом полку. Ни звука за все время ужина о происшедших событиях. А ужин затянулся до четырех часов утра. Много вина. Несколько раз при магнии снимали участников ужина. Под конец качали Радцевича-Плотницкого. Желали ему дослужиться до командующего фронтом. Почти на рассвете разошлись по своим хатам.

Ранним утром Радцевич уехал. В тот же день, шестого марта, прибыл новый командир полка, генерал Протазанов. Уже пожилой, лет за пятьдесят, с георгиевским крестом, полученным им еще в Русско-японскую войну. С ровными движениями, спокойным голосом, он производил благоприятное впечатление. В первый же день приезда пригласил к себе офицеров, чтобы познакомиться. Каждого офицера расспрашивал об образовании, о времени прибытия на фронт, имеющихся заслугах и наградах и заканчивал беседу словами: будем работать вместе на благо родины и доблести русской армии.

На другой день Протазанов приказал собрать весь полк, к которому обратился с приветственными словами. Полк для встречи командира был построен в Ветерлецком лесу, километрах в четырех от Омшанца. Весь полк настороженно следил за каждым движением и словами командира. Его вступительное слово сразу приковало внимание.

— Товарищи! — начал он.

Это слово впервые было произнесено в полку за все двухсотлетнее его существование.

— Товарищи! — повторил Протазанов.—Волею высшего начальства я назначен командовать доблестным 11-м полком. У вас до сих пор были прекрасные командиры, которые вели вас к победе. Со своей стороны я приложу все усилия, чтобы славный 11-й полк и впредь был таким же геройским. Моя задача облегчается тем, что мы сейчас вступили в новую эпоху жизни нашей великой матушки России. Русский народ, как могучий богатырь, поднялся и стряхнул со своих плеч

многовековое иго русского царизма, свергнул деспотическую монархию, на смену которой пришла свободная демократия. Отныне наша матушка святая Русь стала свободной страной. Чтобы эту свободу закрепить, надо покончить с исконным врагом — немцами. От своей армии русский народ требует доведения войны до победного конца. Мы должны разбить немцев. Призываю вас, товарищи солдаты и офицеры, к дружной боевой работе на славу полка, для счастья свободной России. Ура!

— Ура! — закричали роты. — Качать товарища командира!

И близ стоящие солдаты, подхватив Протазанова на руки, начали подбрасывать его вверх.

Пропустив мимо себя роты церемониальным маршем, Протазанов отдал распоряжение выдать в этот день солдатам удвоенные порции и не производить занятий. Они и так несколько дней уже не велись.

На следующий день Протазанов пошел осматривать помещения рот и команд. Он заходил в каждую хату. Осматривал и обмундирование, пробовал пищу, расспрашивал солдат о их нуждах. При подходе к построенной для осмотра той или иной роте он называл солдат «товарищи».

С легкой руки Протазанова офицеры тоже стали обращаться не «здравствуйте, братцы», а «здравствуйте, товарищи».

Через несколько дней поступил приказ о введении льгот для солдат, в частности офицеры обязывались говорить солдатам «вы», а солдат получил право титуловать офицера не «ваше благородие» или «высокоблагородие», а «господин поручик», «господин капитан», «господин генерал» и т. д. Солдатам предоставлялись гражданские права, одинаковые со всем населением страны. Например, раньше солдатам запрещалось ехать в вагоне первого и второго класса, а также бывать в залах 1-го и 2-го классов на вокзале. Теперь солдаты одинаково со всеми гражданами могли посещать теат-

ры, собрания, участвовать в союзах, быть членами партий. Офицеры военного времени отнеслись к этому приказу, как к должному. Зато с ненавистью встречен этот приказ кадровыми офицерами.

— Развал дисциплины! Подрыв авторитета офицеров! Разложение армии! Разве русский Михрютка будет понимать какие-либо распоряжения, если к нему будешь обращаться на «вы»? Чтобы в вагоне второго или первого класса вместе с офицером ехал солдат, и может быть из одной и той же роты! Как я могу сидеть в театре рядом со своим денщиком?

О. Николай, полковой священник, недоволен реформами.

— Нельзя допускать, — говорит он, — обращение офицеров к солдатам на «вы». Офицер является солдатам отцом. Как родитель говорит своим детям «ты», так и офицер не должен говорить солдату «вы». Так поведено веками, — говорил поп. — Плохо, когда освященные веками традиции рушатся.

Хохлов и Савицкий в ярости, что приказ разрешает производство в офицеры евреев.

— Мы не допустим их в свою среду! — вопил Хохлов.

— Я первый плюну в морду такому офицеру! — вторил Савицкий.

— Позвольте, — возмущались мы. — Вы же руку подаете врачам евреям? Чем они лучше евреев-офицеров?

В тот же день по вопросу о текущем моменте в хате Ущиповского собралось человек двадцать прапорщиков и поручиков. Открыл собрание Ущиповский заявлением о расслоении среди офицеров, в связи с приказом о даровании гражданских прав солдатам.

— Нам надо сейчас, — говорил Ущиповский, — больше, чем когда-либо, иметь полное единение с солдатами, чтобы стойко держать фронт. Я согласен с Калиновским, чтобы собрать на сегодня молодых офицеров для обсуждения текущего момента, для выработки своей тактики.

После Ущиповского взял слово Калиновский:

— Революция только что началась, — заговорил он, — есть все основания предполагать, что революция будет углубляться. Мы на фронте не знаем, что творится в тылу. Сведения, которые пропускает ставка верховного главнокомандующего, неудовлетворительны, газеты, получаемые на фронте, — исключительно буржуазные.

— А вам что же надо еще — социалистическую революцию? — закричал с места Петров.

— Да, надо социалистическую, — спокойно ответил Калиновский. — На армию сейчас смотрит вся страна. Противник постарается использовать революционное движение в нашей стране для своих целей. Эксцессы в армии недопустимы. Со стороны злейшего врага революции, приверженцев монархии, возможны всякие провокационные действия. Все это накладывает большие обязательства на нас, молодых офицеров, на нас, которые надели офицерский мундир по необходимости.

— Сейчас, больше чем когда-либо, молодое офицерство должно сплотиться с солдатами, должно иметь с ними общий язык, разъяснять действительный смысл происшедших событий, не допускать провокационных действий со стороны кадрового офицерства, блюсти армию в полном порядке. Мы знаем, как резко отрицательно относится кадровое офицерство к предоставлению солдатам гражданских прав. Хохлов, Нехлюдов и др. говорили, что не могут служить в армии, если права гражданства будут за солдатами сохранены. Савицкий демонстративно подчеркивал: «Пусть меня разжалуют в солдаты, если я позволю себе обратиться к солдату на «вы».

— Нам надо усилить бдительность. Постараться быть вместе с солдатами и в ближайший день устроить общее собрание офицеров с участием кадровых, на котором изложить нашу платформу и предложить им или к ней присоединиться, или убираться из полка.

— Кроме того, я думаю, что в настоящий момент абсолютно необходимо избрать специальный комитет из солдат и офицеров, которому можно дать название совета офицерских и солдатских представителей.

За Калиновским выступил Боров.

— Що бачил Калиновский, то видно, — начал он, по обыкновению, на украинском языке и затем, перейдя на русский, уже серьезным тоном продолжал: — Кадровые офицеры це такие уж гадюки, которым кроме батюшки царя ничего и не надо.

— А чины, а жалованье? — зашумели присутствующие.

— Так они чинов и жалованья и ждут от царя. Смотреть надо в оба. Но не следует сразу проявлять по отношению к ним резкость. Надо попробовать их убедить поддержать Временное правительство. Я за общее собрание всех офицеров, на котором необходимо поставить все эти вопросы ребром. А затем если не удастся договориться, то можно поставить вопрос о их изоляции. Насчет комитета я согласен.

Выступил и я. Высказал мнение, что предложение Калиновского надо принять и созыв общего собрания не откладывать, а теперь же уполномочить из нашего состава Калиновского и Борова отправиться к командиру Протазанову за разрешением образовать комитет.

Проговорил часов до двенадцати ночи.

Протазанов дал согласие и просил нас поставить в повестку дня вопрос об отношении офицеров к гражданским правам солдат. О мнении офицеров его запрашивал штаб дивизии.

— Кто будет председательствовать на собрании офицеров? — спросили мы Протазанова.

— Старший из офицеров штаба. Так как Хохлов вызван в дивизию, значит, будет председательствовать Савицкий.

На собрание собралось человек пятьдесят. Савицкий, не привыкший к руководству собраниями, вел себя нервно,

прерывал ораторов, бросал циничные реплики и, видимо, не придавал никакого серьезного значения собранию.

По вопросу об отношении офицерства к происшедшей революции выступил Калиновский.

— Я думаю, — начал он, — что выскажу точку зрения большинства здесь присутствующих, а именно, что офицеры должны полностью и безоговорочно поддержать Временное правительство. Это первое. Второе, целиком одобрить распоряжение о даровании гражданских прав солдатам. Третье, создать совет офицерских и солдатских представителей для разрешения как бытовых, так и политических вопросов в жизни полка.

— Это что же, я должен солдат на «вы» называть, или может быть своему денщику обед из офицерского собрания носить? — возмутился Савицкий.

— Не утрируйте, господин полковник, — бросил ему Калиновский.

— Я должен сделать внеочередное заявление, — сказал Савицкий. — Мы поддерживать Временное правительство не можем, как и оно не может поддерживать офицеров и гарантировать спокойствие и неприкосновенность их семьям. Я сегодня получил из Тулы письмо. Безусые гимназистишки, студентишки и другая сволочь ходят по офицерским квартирам и производят обыск. У меня забрали коллекцию оружия. У полковника Нехлюдова даже грозили арестовать жену, которая не хотела отдавать оружия, а вы говорите о «поддержке». Нам надо предъявить категорические требования Временному правительству, чтобы нам гарантировали неприкосновенность наших семей, а для того, чтобы это было выполнено, нам надо послать своего представителя в Тулу, который бы наблюдал и защищал интересы наших семей, не допуская по отношению к ним никаких актов, подобных тем, о каких мне сообщают. Нам нужно также от полка послать своего представителя в Петроград, который защищал бы интересы офицерства. И вот, когда мы увидим,

что правительство справляется с защитой интересов офицерства, тогда мы может говорить о том, чтобы беспрекословно подчиняться и проводить все его распоряжения.

Поднялся большой шум.

Подполковник Нехлюдов, старик лет шестидесяти, брызжа слюной, визгливым голосом начал кричать, что он тоже получил из Тулы письмо, в котором пишут, что совершенно нет никакой уверенности в безопасности семьи, что на дню по пять раз приходят спрашивать, нет ли оружия, а тут всякие глупости преподносят вроде того, что солдатам надо говорить «вы».

Выступил Боров:

— В нашем полку сейчас до пятидесяти человек офицеров, из этого числа не более шести человек приходится на Тулу. Нам нехватит офицеров в полку для того, чтобы в каждый город послать своих представителей. Послать представителя в Петроград — тоже нелепо. На фронте пятьсот полков, и если каждый пошлет своего представителя, это будет пятьсот человек. Мы знаем, что в Петрограде образован Совет рабочих и солдатских депутатов, причем среди депутатов имеются и офицеры. Этот совет и будет защищать интересы военнослужащих и в тылу и на фронте. Не поддержать и не выполнять беспрекословно и полностью распоряжения Временного правительства мы не можем. Это — то правительство, которое выведет страну из тупика и которое доведет войну до победного конца. Это не правительство Штюрмеров и Распутиных.

Затем Боров, приняв более примирительный тон, обратился в сторону кадровых офицеров:

— Братья, старые кадровые офицеры, зачем нам иметь рознь между собой? Все мы служим одному делу, делу войны с немцами, делу обеспечения победы для новой свободной России. Бросьте деление на прапорщиков и не прапорщиков, на окончивших военное училище и на произведенных из унтер-офицеров. Мы должны слиться с солдата-

ми и сообща делать общее дело. Мы просим вас, кадровые офицеры, принять нас в свою семью и сообща вести дальнейшую работу.

Последняя часть речи Борова меня возмутила. Я выступил с резким заявлением.

— Призыв Борова к кадровым офицерам, — несколько волнуясь начал я, — был произведен лично от его имени. Никто не уполномочивал его так говорить. Совершенно дикими кажутся просьбы и мольбы Борова от имени пятидесяти некадровых офицеров к имеющимся здесь пятишести кадровым о приеме нас в их семью. Я думаю, что более верно отражу точку зрения большинства, если скажу, что сейчас кадровые офицеры должны просить нас принять их в нашу семью, а никак не мы их.

— Дерзость! Безобразие! — закричал Савицкий — Неуважение к нашим чинам! Я отказываюсь дальше председательствовать! — и он выскочил из-за стола.

Петров, Боров и несколько других бросились к Савицкому, уговаривая вести собрание.

— Зачем вы его уговариваете! — крикнул я вместе с Калиновским. — Пусть себе идет, а вместе с ним могут отправляться и другие. Для того, чтобы сидеть во время боев за пять верст от окопов, найдутся люди. Не они солдат в бой ведут.

— Ты не имеешь права так говорить, — подступили ко мне Ущиповский и Петров. — Вчера еще говорили о соблюдении максимальной дисциплины, а сегодня ты же ее нарушаешь.

— Я тут непричем. Это все Боров напутал. Зачем ему нужно было с такими мольбами выступать? Эка важность, пять кадровых офицеров.

Савицкий вернулся к столу.

В эту минуту в офицерское собрание вошло несколько солдат. Один из них протиснулся к столу председателя и, обращаясь в сторону офицеров, сказал:

— Господа офицеры, мы пришли сюда по выбору наших рот, чтобы узнать, о чем вы здесь разговариваете, чтобы потом рассказать солдатам.

Лица кадровых офицеров выражали растерянность.

— Кто их сюда пустил? — закричал Савицкий.

— А почему же и не пустить? — закричали другие.

— Я закрываю собрание!

Калиновский подошел к Савицкому:

— Николай Федорович, не делайте этого. В присутствии солдат скандалы устраивать не следует. Мы должны сказать, о чем мы здесь толкуем, и разрешить им присутствовать. Подумайте, какие могут быть последствия, если солдаты перестанут доверять офицерам.

Савицкий остыл. Сел на свое председательское место и сказал, обращаясь к солдатам:

— Мы здесь собрались по распоряжению командира полка, чтобы обсудить некоторые свои вопросы. Если они вас интересуют, то я могу их вам передать.

— Очень интересуют, господин полковник, — настойчиво произнес солдат.

Савицкий растерянно посмотрел по сторонам, не зная, что собственно он должен сообщить солдатам.

— Разрешите мне, господин полковник, я объясню, — попросил Калиновский.

— Пожалуйста, прапорщик, — понуро согласился Савицкий.

— Мы здесь собрались, товарищи солдаты, затем, чтобы сказать, что мы целиком и полностью поддерживаем Временное правительство и обязуемся выполнять все его требования и распоряжения. Потом мы полагаем организовать совет офицерских и солдатских представителей, которые должны находиться при штабе полка. Наконец, мы высказываем пожелание, чтобы между солдатами и офицерами было возможно более единения.

Солдаты внимательно выслушали Калиновского, и один из них попросил слова.

— Господа офицеры,— начал он,— я так думаю, что теперь прошли те времена, когда царь Николашка (Савицкого передернуло от этих слов) гнал нас на убой, как серую скотинку. Николашке дали по шапке и его министрам, и еще многие получат, если к солдатам будет старое отношение. Новое правительство знает нужды солдат, потому уравняло нас в гражданских правах. За это мы обязуемся блюсти дисциплину не хуже чем до сих пор. Революционная дисциплина у нас будет во какая!— энергично помахал он кулаком.— Крепче некуда. Мы считаем, что немца мы побьем и теперь воевать будем лучше, чем раньше. Теперь мы знаем, за что воюем, чего не знали раньше. У нас будет свободная Россия, у нас будет земля, которой до сих пор владели помещики. Для наших детей будут школы, не будет полиции, которая издевалась над нами и над рабочими. Никакой контр-революции мы не допустим. Винтовку мы держим крепко, как против неприятеля внешнего, так и против врага внутреннего. А за то, что вы хотите выбрать совет солдатских и офицерских представителей, мы вам скажем солдатское спасибо.

Молодые офицеры дружно зааплодировали выступившему солдату.

Что оставалось делать Савицкому?

— Братцы,— начал он,— товарищи, вы все знаете меня, Савицкого. Разве я когда-нибудь был плохим офицером, разве я не заботился о вас, как и все другие кадровые офицеры, разве я не болел вашими нуждами? Мы с радостью приветствуем приказ о предоставлении гражданских прав солдатам. Мы сами решили образовать совет солдатских и офицерских представителей, чтобы офицеры и солдаты совместно осуществляли общее дело. Если кто-нибудь среди нас позволит себе плохо обращаться с солдатами, тот будет с корнем вырываться из наших рядов,— с пафосом закончил

Савицкий.— Я предлагаю, господа, принять те предложения, какие внес прапорщик Калиновский, и доложить командиру полка на утверждение.

Ну и Савицкий! Ну и прохвост же!

Весь полк ходит в красных бантах. Но самый большой и самый красный на груди у Савицкого. Посещая роты своего батальона, он собирает вокруг себя солдат, шутит, рассказывает анекдоты, называет каждого на «вы», говорит «товарищ» и т. д. Один Хохлов попрежнему ходит озлобленный. К общему удовольствию всего полка он получает назначение в другую дивизию.

Назначена присяга Временному правительству.

Весь полк созван для принятия присяги в Ветерлецкий лес. Я во главе своей команды по сбору оружия и похоронной построился на левом фланге. Каждая рота и команда имела красный флаг с надписью: «Да здравствует свободная Россия!» У всех солдат в петлицах красные ленточки. Настроение повышенное. Кругом шутки, смех, говор.

В девять утра полковой священник на устроенном по середине выстроенного полка аналое разложил евангелие, крест, отслужил молебен и готовился уже читать присланный текст присяги.

По статуту положено, что во время присяги перед проходящими для целования креста и евангелия должно быть склонено полковое знамя. При поднесении знамени к аналою раздалась команда:

— Смирно! По-о-д знамя! С-л-у-ш-а-й! На караул!

Полк исполнил команду, а оркестр заиграл марсельезу.

Новая команда:

— К но-ге!

Вдруг из рядов рот раздались крики:

— Долой вензель Николая со знамени!

— Долой! Долой!—подхватил весь полк.

Крики неслись настойчивые и упорные. Командир приказал закрыть вензель красным платком. Наступило успокоение, и священник приготовился к чтению присяги.

Однако успокоение было недолгим. Вновь раздались крики:

— Убрать знамя совсем! Не надо нам его, под ним грязные дела совершались в 1905 году!

— Долой! Долой! Долой! — неслось со всех сторон.

Командир полка вызвал к себе офицеров и предложил им разъяснить в ротах значение знамени, как полковой эмблемы, и убедить, что требование солдат убрать знамя является необоснованным. Офицеры стали разъяснять в своих ротах, что факт присутствия знамени ничем не хуже факта присутствия полкового священника при присяге, что знамя олицетворяет собой боевые традиции полка и принимать присягу не под знаменем—неудобно. Однако разъяснение не подействовало, солдаты продолжали стоять на своем. Разъяснение тянулось более часа. Несмотря на морозный день и на то, что приходилось стоять на снегу, несмотря на пронизывающий холод, солдаты не соглашались приступить к присяге, пока не уберут знамени.

Протазанов распорядился заменить знамя красным флагом.

Когда полковой знаменоносец выносил знамя из круга, солдаты сопровождали этот вынос шиканьем, свистом и улюлюканьем.

— Одну грязь выбросили, надо приниматься за другую!—раздались отдельные выкрики.

Поп начал читать текст присяги, но как только он дошел до слов: «государство российское», поднялся ужасающий шум. Раздались крики:

— Долой попа! Арестовать его!

Чтение приостановили. Вызвали делегатов из каждой роты, чтобы узнать, в чем дело. Солдаты заявили, что сло-

ва: «государство российское» они понимают как присягу «государю российскому». Пришлось снова объяснять значение этого слова делегатам, которые в свою очередь шли передать объяснение в роты.

Эта процедура протянулась еще дольше, чем объяснение значения знамени. Холод давал себя чувствовать, и очевидно не без его влияния крики протеста стихали. Послышались отдельные выкрики:

— Чорт с ними! В конце концов все от нас зависит!

Вечером того же дня ко мне явилось несколько солдат из третьего батальона с приглашением притти на собрание представителей рот и команд.

Оказывается, каждая рота в отсутствие офицеров имела свое собственное собрание и выделила своего представителя в будущий полковой совет солдатских и офицерских представителей.

Пошел.

Народу человек пятьдесят.

— Расскажите нам, что офицеры замышляют,—был мне задан вопрос.

— Почему вы ко мне с подобными вопросами обращаетесь, а не к кому-либо другому? Я ведь тоже как будто офицер,—указал я на свои погоны.

— Мы вас знаем. Вы были долго среди нас. И с ними мало якшаетесь. Правда ли, что кадровые офицеры не хотят свободы?

— Неверно, товарищи. Были отдельные недовольные, но это везде бывает. А во всей массе офицеры безусловно за свободу.

— А почему до сих пор комитета не создают?.

— Комитет будет создан, и если задерживается его создание, то лишь потому, что новый командир знакомился с полком, а потом была присяга.

— Долгое ли дело комитет собрать?

— Думаю, что на этих днях он будет собран.

— Мы вас просим заявить на офицерском собрании или командиру, что мы никаких контр-революционных действий не допустим. Солдатский глаз зорок, и мы видим, что вокруг нас творится. Разговоры, что мы дисциплину не будем блюсти, мы тоже слышали. Но это неверно. Мы теперь будем работать на совесть, раз теперь не будет ни грубости, ни мордобития. Мы хотим поставить требование, и наши ребята связались уже с делегатами других полков, чтобы начальником дивизии нам назначили другого. Пусть назначают Музеуса.

Вечером Ларкин рассказал, что во всех командах и ротах идут тайные собрания, намечаются списки офицеров, которых можно выбрать в полковой комитет. Из кадровых офицеров никого не включают, им не верят. Думают, что в комитете будут работать хорошо Ущиповский, Калиновский и я.

— Война скоро окончится?—неожиданно спросил Ларкин.

— Когда немцев побьем.

— Не побьем мы их, Дмитрий Прокофьевич. Австрийцев туда-сюда, еще может быть побьем, а немца—не побьем. Кому охота теперь умирать, когда свободу получили и землю возьмем у помещиков? Да пошлите вы меня теперь в роту, я там дня одного не пробуду—сбегу.

— Ты только свое мнение говоришь, или другие тоже так рассуждают?

— Другие так не говорят, но я думаю, что про себя каждый так же думает. Слава тебе, господи, дождались светлых дней, а тут тебя под расстрел поведут! Надо мириться.

— Да ведь без союзников мы не сможем закончить войну.

— А на кой чорт нам эти союзники? Пусть они себе дерутся с немцами, а нам хватит!

---

15 марта в полк приехал генерал Яковлев, командир корпуса. Война тянется около трех лет, я вижу командира корпуса первый раз.

Офицеры рассказывают, что Яковлев страстный любитель музыки и всю войну с утра до ночи сидел у себя в штабе, играя на скрипке.

Кажется, доигрался. Носятся слухи, что на его место назначают генерала Огородникова.

В этот же день состоялось общее собрание, на котором был избран совет, пять солдат и пять офицеров. Офицеры: Мухарский, Ущиповский, Боров, Калиновский и я. От солдат 2-й роты Васютин, энергичный унтер-офицер, бывший раньше слесарем на одном из тульских заводов. Харин, старший моей команды по сбору оружия. Васильев из 3-ей роты, пресимпатичный парень, рязанский крестьянин. Игнатов от 14-й роты, бывший приказчик, весельчак, с признаками галантерейности. И от 6-й роты—Смирнов, бывший учитель.

Первое заседания комитета было посвящено вопросу, чем наш полк должен отметить революцию.

По предложению Смирнова решили учредить в одном из университетов стипендию имени 11-го полка. Деньги отчислить от прибылей полковой лавочки, хозяйственных сумм полка (а их у нас до ста тысяч рублей) и кроме того пустить подписной лист среди офицеров и солдат для сбора пожертвований.

Апрель

В ближайшие дни наш полк должен сменить финляндцев, и штаб из Олеюва перейдет в Лапушаны.

Из Тарнополя идут слухи, что там в первые дни революции убит начальник гарнизона, растерзано несколько комендантских адъютантов. Сильно досталось некоторым командирам специальных частей за их жестокое обращение с солдатами.

Начальник Финляндской дивизии, генерал Сельвачев, подобно нашему Протазанову, обхаживает полки, выступает с речами на тему о революции. И здоровается с ними за руку.

Такое поведение генерала вызывает со стороны солдат восторженное отношение к своему командиру, и финляндцы при встрече с нашими особенно подчеркивают положительные качества своего начальника дивизии. Наши солдаты в свою очередь наматывают себе на ус и еще энергичнее начинают требовать замены начальника дивизии генерала Шольпа—Музеусом.

Смена высшего и старшего состава идет по всему фронту. В составе 14-й дивизии снят ряд командиров полка по требованию солдат. В эту дивизию на должность командира полка выдвинут Савицкий, который в связи с этим ходит фертом.

Быть командиром полка—мечта всей жизни Савицкого.

Однако полковой комитет категорически воспротивился его назначению.

Бедный Савицкий!

Хохлов, командированный три недели тому назад на должность командира 16-го полка, неожиданно снова появился у нас.

Формальной причиной для отвода Хохлова было его резко отрицательное отношение к полковому комитету, а также обращение к своему денщику попрежнему на «ты».

Прибыл Музеус. Еще более поседевший, сутулый, с толстой палкой-тростью. Обходя полки дивизии, в своем обращении к солдатам он называл их попрежнему «братцы», «орлы», «псковцы» и т. п. Требовал сохранения дисциплины, выполнения распоряжений, обещая со своей стороны делать все возможное, чтобы жизненные условия солдат не ухудшались.

Солдаты хорошо настроены к Музеусу и верят ему. Особенно ценят в нем то, что он не принимает к слепому испол-

нению распоряжения высшего начальства. Музеус всегда взвешивал полученные распоряжения, анализировал их и если сомневался в их целесообразности—вносил предложение о пересмотре распоряжения или о присылке дополнительных сил, с помощью которых можно было наверняка разрешить операцию успешно.

Казалось бы факт смены высшего начальства должен был отрицательно повлиять на дисциплинированность наших частей. Однако этого нет, солдаты независимо от приказов подтянулись сами собой, понимая всем своим нутром важность происходящих событий. Больше порядка в районе расположения полка, больше чистоты в хатах, землянках, кухнях, чем до революции. Нет бывшего до того времени ворчания по адресу чечевицы. Даже кашевары подтянулись. Один из кашеваров 2-го батальона изобрел рецепт приготовления чечевицы. Он добавлял в котел с чечевицей шестьсот грамм очищенной соды, получалась великолепная разваристая каша. За этим кашеваром потянулись другие, и за последнее время чечевица вошла даже в фавор.

Наши квартирьеры и представители рот уже отправились в Лапушаны и Хокулеовский лес принять помещения и землянки от 13-го финляндского полка.

Протазанов на одном из общих обедов с офицерами заявил, что дня через три мы оставим Олеюв и перейдем в Лапушаны. Из 13-го финляндского полка к нему обратился прапорщик Крыленко за разрешением сделать доклад об общему собранию солдат и офицеров полка по текущему моменту.

— Этот прапорщик, кажется, социал-демократ,—говорил Протазанов,—и генерал Сельвачев о нем отзывается весьма одобрительно.

Этот разговор происходил за два дня до праздника пасхи.

На другой день, накануне пасхи, ординарцы полка сообщили, что в шесть часов вечера роты должны прибыть к штабу на митинг. Протазанов, присутствовавший при

подходе рот сам распоряжался расстановкой людей как можно скученней, чтобы оратора можно было хорошо слышать всем прибывшим на митинг.

В сопровождении прапорщика Миленина из здания штаба полка вышел подпрыгивающей походкой, маленького роста, с проседью, в кожаной тужурке, с погонами прапорщика незнакомый нам человек, взял под козырек и быстрым прыжком вскочил на стол.

В глаза бросилась маленькая фигура этого человека, забрызганный грязью кожаный пиджак, грязные стоптанные сапоги и нервное подергивание рукой стэка. Прежде чем начать говорить прапорщик снял с головы фуражку и погладил левой рукой растрепанные на затылке волосы. С первых же слов своей речи Крыленко приковал к себе всеобщее внимание. Он говорил о том, что мы присутствуем при событиях всемирно-исторической важности. Революция всколыхнула миллионы людей в тылу и на фронте. К революции приковано внимание всего мира. От хода этой революции зависят судьбы и жизнь многих миллионов. Мы на фронте, перед нами находится враг, нами резко осязаемый. Мы слышим выстрелы, несущие за собой смерть. Это враг явный, и этому врагу мы противопоставляем наши винтовки и пушки. Этот враг открытый, честный, который прямо говорит и делает то, что необходимо в его интересах. И его действиям мы противопоставим свои действия. Но у революции не один только этот враг. Есть другой враг—не окопавшийся в глубоких окопах, не защитивший себя проволочными заграждениями, более опасный благодаря своей скрытости. Этот второй враг — враг руской революции, сторонник монархии, сторонник реставрации старого режима. Он находится всюду. Он сейчас не выступает открыто, он сейчас придавлен грандиозностью совершившейся революции, он потихоньку собирает свои силы, скрыто мобилизует своих приверженцев с тем, чтобы всадить нож в спину революции, как только к этому представится слу-

чай. Как распознать этого второго врага? Если первому врагу мы открыто противопоставим свое вооружение, технику, силу свою, энергию, храбрость, мужество, то второму врагу нам нужно противопоставить прежде всего нашу стойкость, нашу выдержку, монолитность, стремление до конца защищать завоевания революции. В стране этого второго врага бывшие полицейские, помещики, дворяне, чиновники, попы, капиталисты и другие элементы, которые сейчас оделись в шкуру ягненка, прикидываются кроткими овцами, надевают на свою грудь красные банты и произносят подчас почти революционные речи. Этот второй враг не только в тылу, а и на фронте. Он среди офицеров, вышедших из аристократических кругов, среди генералов, которых теперь хотя и чистят, но еще далеко не очистили.

Надежды контр-революции перенесены в данный момент на армию, забитую, униженную палочной дисциплиной. Враги ищут послушных старому режиму, которые могли бы слепо пойти на выполнение их дьявольских планов. Но мы должны быть одинаково стойкими в отношении обоих врагов, и против тех,—жест в сторону фронта,—которые открыто стреляют в нас, и против тех, которые шпионят, которые разлагают, которые провоцируют, которые рисуют в самых отрицательных чертах революционные события, происходящие в стране.

Речь Крыленко продолжалась два часа.

Он кончил возгласом:

— Да здравствует русская революция! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует грядущая мировая революция!

Окончив речь, Крыленко спрыгнул со стола и вытер грязным платком вспотевший лоб. К нему подошел Протазанов. Крепко пожал руку, притянул к себе и расцеловал. После этого Протазанов в свою очередь забрался на стол и произнес краткую речь.

———

Вечером в мою хату зашли два члена полкового комитета, Васильев и Анисимов.

— Дмитрий Прокофьевич,—заговорил Васильев,—нам надо доклад Крыленко обсудить в комитете.

— Что же, давайте обсудим, а что именно?

— О внутреннем враге. Хоть командир и сказал в своем выступлении, что наше дело бороться с внешним врагом, но мы на это дело иначе смотрим. Мы понимаем, что внутренний враг—наиболее опасная вещь. Ведь противник что.. Сегодня мы в него стреляем, завтра он в нас. Допустим, мир скоро.

— Не понимаю, товарищ Васильев, откуда у вас взялось представление, что у нас с австрийцами скоро мир будет?

— Нельзя, Дмитрий Прокофьевич, не быть миру, потому как теперь мы более сознательные, ясно понимаем, что австриец-мужик, что русский-мужик, все одно. И нет нам никакого резона друг с другом воевать. Австриец уйдет к себе на родину и будет жить, как доселе жил, а мы, уходя на родину, жить так, как раньше, не можем. Нам надо новые порядки заводить и урядников и земских и становых выкуривать. Революция им, небось, не очень по душе пришлась. А мы свою линию твердо гнуть должны и внутреннего врага сломить.

— Ну, это в тылу,—говорю я.

— А здесь-то, вы думаете, их нет?—продолжал Васильев.— Многие ли из офицеров на нашей стороне? Раз, два, да и обчелся. А кто они в прежнем? Ведь эго бывшие земские начальники, те же пристава, становые—вот кто. Нужно в оба смотреть за офицерами.

— Тогда, товарищ Васильев, этот вопрос надо обсудить не в полковом комитете, а отдельно, не вмешивая сюда офицеров.

— Ну, что же, давайте обсудим отдельно. Как это сделать?

— А вот как: на этих днях полк уходит на позицию.

Полковой комитет будет оставлен при штабе полка, и мы тогда на свободе сможем по этому вопросу потолковать.

— Хорошо, согласны.

Васильев и Анисимов было ушли, но через минуту вернулись:

— Слышали еще новость, Дмитрий Прокофьевич?

— Какую?

— Только сейчас телефонограмма передавалась, что послезавтра собирается собрание офицеров и представителей от рот при штабе дивизии. Туда приезжают члены Государственной думы для разъяснения текущего момента.

— Кто именно, вы не знаете?

— Нет, об этом ничего не сказано. Вы пойдете?

— К сожалению, не могу, я должен завтра поехать в обоз к Максимову, чтобы условиться о получении ряда вещей для моей команды, а послушать хотелось бы.

— Я вам тогда расскажу, что они будут говорить.

Приехал в обоз к Максимову. После делового разговора Максимов пригласил обедать. За обедом было много народа — пасха.

К концу обеда приехал командир нестроевой роты Мокеев в сопровождении своего шурина, солдата Рожного, который до призыва в армию имел в Туле крупную торговлю.

— Говорят, вчера какой-то социал-демократ большую речь держал на митинге, — обратился ко мне Рожнов.

Я передал вкратце содержание речи Крыленко.

— Ну, это социал-демократические утопии. Жизни они не знают. Напрасно хвастунишку Керенского в правительство пустили.

— Чем хвастунишка? — возмутился я. — Он социал-революционер.

— Хвастунишка он, а не социал-революционер. Болтает чорт его знает что, ни к селу ни к городу. Истеричные бабенки бегают за ним с букетами, и он возомнил себя чуть

ли не спасителем отечества. Настоящая партия, которая может вести дело,—это конституционно-демократическая.

— Конституционно-демократическая?—переспросил я.— Это что — кадеты?

— Да, кадеты. Скоро в Петрограде открывается кадетский съезд, и от решений этого съезда будет зависеть дальнейшее направление политики. Они установят такой же порядок и образ правления, какой существует, например, во Франции. Теперь еще новые появились,— обратился Рожнов к соседу,—большевики действовать начинают.

— Что за большевики?—спросил тот.

— Социал-демократы большевики. Ведь социал-демократы делятся на два лагеря, на меньшевиков и большевиков.

— Что же, большевики это—те, которые большинство имеют?

— Нет, это те, которые больше требований предъявляют. Так вот они и требуют введения восьмичасового рабочего дня, немедленное социалистическое правительство и т. д. Их газета—«Социал-демократ», так чего только в ней не пишут. Уже кричат: «Долой Временное правительство».

— Я не читал этой газеты. Она на фронт не пропускается.

— Из всех социал-демократов только Плеханов на правильной линии стоит,— продолжал Рожнов.— Он говорит, что все партии должны объединиться, пока происходит война. Надо добить немцев в полном единении с союзниками, а потом, покончив с войной, можно переходить к осуществлению внутренних реформ.

— «Сначала успокоение — потом реформы», так, кажется, Столыпин в 1906 году говорил,—шутливо заметил я.

— Конечно, сначала кончить войну, а потом делать революцию,— солидно произнес Рожнов.

— Грешный я человек, слаб насчет всевозможных партий. А надо познакомиться.

Я лично смутно представляю себе разницу между социал-революционерами и социал-демократами. Одно мне ясно: что социал-революционеры за то, чтобы земля была немедленно от помещиков взята и передана крестьянам, а социал-демократы за то, чтобы установить восьмичасовой рабочий день.

Но вот, что такое большевики, надо будет познакомиться подробнее.

Огромна тяга солдат к чтению. Литературы на фронте никакой нет. Из газет получается главным образом «Армейский Вестник», официальный орган прежде штаба армии, а теперь армейского комитета. Изредка доходит «Русское Слово» и «Киевская Мысль». Очень редко, отдельными экземплярами газета «Вперед».

Полковой комитет нарядил специального человека в Москву для покупки литературы и программ различных партий. Целый ряд газет, как например «Социал-демократ», о которой говорил Рожнов, в полк совсем не попадают.

Все же, видно, фронт остается фронтом, и распускаться здесь не позволяют.

Когда я возвратился от Максимова, Ларкин сообщил мне, что уже несколько раз заходили Васильев и Анисимов справляться о моем приезде. Разговор идет—следует ли итти в окопы.

— Вот тебе на! Если мы не пойдем, так кто же пойдет? Значит наш полк будет лодырничать, а финляндцы сидеть?

— Другие полки не идут, т. поручик,—перешел Ларкин на официальный тон.

— Какие другие?

— 611-й полк не идет.

— Откуда ты знаешь, что он не идет? Ведь до этого полка верст шестнадцать.

— Солдаты знают, у них связь установлена.

— Расскажи поподробнее, что ты знаешь.

— Я ничего не знаю, ваше благородие.

— Во-первых, я не благородие, а во-вторых, что ты за идиотский тон принимаешь?

— Простите, господин поручик.

— Опять поручик...

— Дмитрий Прокофьевич. Наши ребята послали по соседним полкам своих представителей узнавать, как там делается. Пришли и говорят: 611-й полк отказался третьего дня на позиции итти. Заявили, что с этим командиром они не пойдут.

— Может быть, командир у них сволочь...

— Если бы не был сволочь, то пошли бы... Что там было, Дмитрий Прокофьевич! Два батальона, которым нужно было итти на позицию, построились в полном снаряжении. Поп отслужил молебен, а потом солдаты вдруг открыли стрельбу. Стреляли вверх—острастки ради. Некоторые целились прямо в офицеров. Полковой комитет этого полка смещен. Офицеров из комитета по шапке.

— Значит и меня скоро по шапке погонят?

— Ну, что вы! Вас никто за офицера не считает.

Минут через двадцать после подачи Ларкиным чая зашли Васильев и Анисимов.

— Мы вас ждали весь вечер, уж три раза приходили,— обратился ко мне Васильев, протягивая руку.— Видите ли, Дмитрий Прокофьевич, настроение становится тревожным.

— В каком смысле?

— Боюсь, как бы завтра у нас эксцессов не было: итти на позицию солдатам не хочется. Нам надо заблаговременно обсудить, как реагировать на действия солдат, ежели они откажутся итти.

— Бросьте, тов. Васильев, чего заранее морочить голову и себе и другим над тем, чего может быть и не будет. Откажутся выступить на позицию, тогда поговорим. Если бы вопрос шел о наступлении, ну, тогда было бы понятно, что предварительно обсудить следует, насколько серьезно

операция подготовлена. А сейчас дело простое: сменить финляндцев на знакомой уже нам позиции. Лучше расскажите, что было на митинге с членами Государственной думы.

— Особого ничего. Собрали человек тысячу солдат, массу офицеров. Командовал митингом командир Финляндской дивизии генерал Сельвачев. Вы его видели когда-нибурь?

— Нет, не видел.

— Чудной такой, череп у него словно сахарная голова — высокая, узкая. Вышел он на возвышение и сказал, что прибыли господа члены Государственной думы, которые хотят разъяснить текущий момент. Скомандовал «смирно», потом «вольно». Рядом с ним стал член Государственной думы, князь Шаховской, а другой Макагон... Говорил насчет необходимости защищать свободную Россию, что немец делает попытки использовать нашу революцию в своих интересах и разбить нашу армию с тем, чтобы снова поставить у нас царя. Рассказывал, что, когда у нас произошла революция и немцы об этом узнали, повели газовую атаку и пало несколько тысяч наших солдат.

Потом выступил Крыленко. Его солдаты слушали, как своего. Он хлестко отделал и Шаховского и Макагона.

Он говорил, что Дума состоит сплошь из помещиков и капиталистов, что не она революцию делала, а рабочие. Словом, так их сконфузил, что солдаты хохот подняли. Крыленко поставил вопрос о жалованьи, сколько они получают? Ответа не было слышно.

В штабных канцеляриях поговаривают о том, что союзники нажимают на Временное правительство, чтобы оно отдало приказ о переходе в общее наступление по всему фронту. Это вопрос серьезный. С какой стати нам вести наступление? Нам дай бог удержать то, что мы захватили полтора месяца назад. А чтобы немцы и австрийцы в свою

очередь не провоцировали своих солдат на выступление, нам надо установить тесные сношения с немецкими и австрийскими солдатами, стараясь разъяснить этим солдатам цели нашей революции. Это будет понятно нашему противнику, вернее его рядовой массе, и рядовая масса не пойдет в наступление.

— Немцы не такие дураки, — сказал Боров, обращаясь к Калиновскому. — Если мы будем сидеть не сходя с места, то они тоже, думаешь, будут сидеть? Я стою за то, чтобы вести наступательную оборону.

— Ты можешь быть сторонником чего угодно, но солдат наступать не станет, — возразил Калиновский.

— А я тебе говорю, что станет! — вскипел Боров.

— Нет, не станет. Солдат теперь спит и видит, как бы поскорее поехать домой землю делить.

---

12 апреля полк в полном спокойствии выступил из Олеюва на позицию. Протазанов уехал в отпуск, оставив временно командовать полком Соболева.

По словам Блюма, это — маневр. Он хочет поставить солдат перед фактом командования Соболевым. Соболев изменился до неузнаваемости. У него появилась некоторая ровность в голосе, солидная медлительность в движениях, внимательность к солдатам и младшим офицерам.

15 апреля неожиданно прочел в приказе по полку, что я назначаюсь младшим офицером в 10-ю роту и свою команду должен сдать поручику Кочаковскому.

Кочаковский — кадровый офицер, проторчавший всю войну в Туле в запасном батальоне, откуда был выслан на фронт лишь после революции, так как окопавшихся в тылу теперь гонят на фронт.

Соболев очевидно решил порадеть своему товарищу по полку и устроил его на мое место в команду по сбору оружия и похоронную.

10-я рота встретила меня хорошо, солдаты приветствовали мое появление, ибо, будучи ранее в этом же батальоне, знали меня в бытность мою солдатом. Правда, таких старых солдат осталось немного.

Капитан Соколов, командир роты, встретил меня с видимым дружелюбием:

— Вы возьмете под свое наблюдение работы по укреплению проволочных заграждений перед окопами, на участке всей роты, а в случае каких-либо действий вы будете руководить третьим и четвертым взводами. Обедать приходите ко мне. Пусть ваш денщик приносит обед ко мне.

Идет усиленная подготовка к наступлению. Все солдатские комитеты, начиная от полкового и кончая фронтовым, высказывают опасение, что общее наступление может не удаться. Передают, что вопрос о наступлении будет поставлен на съезде Совета солдатских депутатов в Петрограде в конце мая. Но упорно говорят, что военное командование готовится, чтобы наступление начать до съезда.

На позиции акклиматизировался быстро. Встаю почти с рассветом, делаю обход окопов, проверяю сторожевые караулы, дежурных пулеметчиков, задерживаюсь иногда около солдатских землянок.

На фронте тишина. Стрельбы ни с нашей стороны, ни со стороны австрийцев почти нет. Лишь ночью изредка перестреливаются острастки ради выставляемые на ночь передовые цепи караулов.

По вечерам у себя в землянке беседую с прапорщиком Зубаревым. Ему кажется, что в связи с революцией крупных боев, какие были раньше, больше не будет, и он жалеет, что ему вряд ли удастся отличиться на фронте и получить георгиевский крест.

Вчера 25 апреля ко мне в землянку неожиданно зашло несколько солдат 11-ой и 12-ой роты:

— Расскажите нам, правда ли, скоро наступление будет?

— Мы думаем, что наступать нам не следует. С какой стати теперь вести наступление? Мы и без того находимся на австрийской земле.

— Но не забывайте, что у нас есть обязательства перед союзниками.

— А за каким чортом нам союзники? — горячо возразил Никаноров. — Пусть они там у себя на западном фронте дерутся.

— Если мы изменим союзникам, то союзники могут открыть против нас новый фронт. Японцы могут выступить на Дальнем Востоке, англичане и французы могут послать свои войска в Архангельск и Одессу и, кроме австро-немецкого фронта, мы получим дополнительно ряд новых фронтов. Я так думаю, — продолжал я, — что еще несколько усилий, — сломим немца, а там и всеобщий мир.

— Мы думаем все-таки начать братание с австрийцами.

— Как братание?

— Очень просто. Помните, в прошлом году на пасхе, под Сапановым, мы вместе с австрийцами сходились между окопами.

— Так вот и теперь будем сходиться и беседовать. Чего нам друг в друга стрелять? Ведь как нашего брата мобилизуют и гонят на войну, так и австрийцев и немцев. Если мы не захотим наступать, так этого может не захотеть и австриец.

— Не знаю, что вам посоветовать, товарищи. Я думаю, что лучше всего этот вопрос предварительно обсудить в полковом комитете.

— Нет уж, товарищ Оленин, мы думаем сами по себе, без комитета начать брататься. А вас просим об этом пока никому не говорить.

Я дал слово, что никому не сообщу о нашем разговоре.

На следующий день после обеда из окопов 12-ой роты вышло на бруствер три солдата, один из которых держал надетый на штык винтовки белый флаг. Со стороны авст-

рийских окопов на протяжении нескольких минут не было никакого ответа. Отсутствие стрельбы ободрило других солдат, сидевших в окопах, и через мгновение весь бруствер заполнился людьми 12-ой роты. Люди были без винтовок, за исключением солдата, который на свою винтовку нацепил белый флаг.

Вскоре со стороны австрийских окопов последовало ответное действие, и в свою очередь на бруствер вышло несколько человек тоже с белым флагом. Во главе австрийцев был молодой офицер, который по-русски крикнул в сторону 12-й роты, что он предлагает выйти на середину поля между окопами трем представителям русской стороны. От 12-й роты отделилось три солдата, первоначально вышедших на бруствер. Со стороны австрийцев им навстречу в свою очередь направилось три австрийца. Делегаты с той и другой стороны сошлись по середине поля. Мы увидели, как австрицы пожимали руки русским солдатам, о чем-то беседовали, оживленно жестикулируя, и затем наши делегаты пошли вместе с австрийцами в их окопы.

Минут через десять они в сопровождении густой толпы австрийцев направились в сторону наших окопов и, не доходя шагов пятидесяти, уселись на лужайку, приглашая присоединиться к ним солдат, остававшихся в окопах.

Это зрелище наблюдали солдаты всего полка. Через какие-нибудь полчаса весь 3-й батальон был впереди окопов, причем со стороны австрийцев народу было значительно меньше. Видимо часть австрийских солдат осталась в своих окопах с оружием, будучи настороже.

Капитан Соколов, наблюдавший около меня эту своеобразную картину, отдал распоряжение, чтобы офицеры и подпрапорщики к братающимся не присоединялись. По телефону Соколов сообщил в штаб полка, что солдаты 3-го батальона по инициативе 12-й роты братаются с австрийцами, и просил указания. В штабе полка, видимо, растерялись и никакого распоряжения не дали, предписав лишь наблю-

дать за происходящим братанием и о его результатах вечером донести в штаб.

Часа три продолжалась беседа русских с австрийцами. Разошлись лишь тогда, когда ротные кухни привезли к окопам обеды.

Вечером я пошел в 12-ю роту узнать о результатах этого братания. Моросанов, командующий ротой, рассказал, что австрийцы угощали наших солдат ромом и спиртом, меняли у наших солдат свои перочинные ножи, бритвы и другие предметы на хлеб и сало. Беседа относительно революции и наступления не имела места, ибо люди плохо понимали друг друга.

— А ведь интересная история, — говорил Моросанов. — Если так весь фронт начнет брататься, то пожалуй с наступлением ни черта не выйдет; раз солдаты сговорятся между собой не стрелять друг в друга и не итти в наступление, то офицеры тут мало что смогут сделать.

— Откуда появилась эта идея брататься? — спросил я.

— Из большевистских газет.

В роте получена телефонограмма из штаба полка, сообщающая, что 28 апреля при штабе дивизии состоится собрание офицерских депутатов по одному от полка для выбора представителя от дивизии на устраиваемый при ставке верховного главнокомандующего в Могилеве съезд офицеров георгиевских кавалеров.

— Ведь вы георгиевский кавалер? — спросил меня Соколов. — Вас не послать ли?

— Я — солдатский георгиевский кавалер, господин капитан, а в ставке организуется очевидно союз кавалеров офицерского георгиевского креста.

— Ладно, пошлем Кочаковского, он георгиевский кавалер еще по Русско-японской войне.

На этом согласились.

Спустя несколько часов новая телефонограмма, что при штабе дивизии состоится совещание о выборе депутатов, командируемых в Тулу для связи с нашими запасными полками.

Соколов вызвал меня опять:

— Кого послать? Поезжайте вы, давайте вас выдвинем. Там очевидно придется на митингах речи держать.

— Да ведь я не оратор.

— Ну, батенька, я помню, как вы на офицерском собрании Савицкого чистили.

— Одно дело Савицкого обругать и другое дело выступать на митингах, где несколько тысяч человек присутствует.

Поехал я. Кроме меня были кандидатуры Шурыгина, выдвинутого мною, Борова, выдвинутого от 16-й роты, Калиновского от 14-й роты, остальные все роты высказались за меня.

В штабе дивизии в одной из комнат, прилегающих к оперативной части штаба, назначено собрание полковых делегатов. Выборы должны производиться одновременно и в союз георгиевских кавалеров при ставке и для командирования в Тулу.

Генерал Музеус произнес несколько слов о важности выборов.

— Союз офицеров георгиевских кавалеров, — говорил Музеус, — будет тем союзом, на который все русское офицерство сможет опереться в дни тяжких испытаний, ниспосланных на нашу родину.

О командировке в Тулу Музеус сказал:

— Тыл стал забывать фронт. В тылу больше митингуют, чем думают о положении в армии. За последнее время совершенно прекратилась посылка пополнений в войска. Действующая армия предоставлена сама себе, ряды ее тают.

Надо сказать солдатам запасных полков и их офицерам, что так продолжаться не может. Должно наступить полное единение между действующей армией и войсками, находящимися в тылу. Желаю вам, господа, выполнить ваш священный долг.

Пополнений нет. Полк редеет с каждым днем.

Начали увольняться достигшие сорокатрехлетнего возраста. Значителен процент самовольно отлучающихся. За эти полтора месяца из полка выбыло не менее тысячи человек, взамен которых не прибыло ни одного.

29 апреля новая телефонограмма из штаба полка, гласящая о том, что в Петрограде созывается Всероссийский съезд крестьянских депутатов и что от каждой дивизии действующей армии должно быть командировано по одному депутату от солдат-крестьян.

Для выбора депутата от дивизии предписывается командировать от каждой роты и команды представителя на общее дивизионное собрание.

Соколов вызвал меня к себе в землянку, ознакомил с содержанием телефонограммы и предложил обойти взводы, опросить, кого они желают послать своим представителем на дивизионное собрание.

— Можете опросить через фельдфебеля.

Через час фельдфебель вернулся с докладом, что солдаты единодушно просили командировать на дивизионное собрание — меня.

Я удивился.

— Они говорят, — докладывал Покалюк, — что поручик Оленин знает крестьянский вопрос, сам из крестьян, и что лучше его депутата не найти.

Я не успокоился заявлением фельдфебеля и сам отправился во вторую линию окопов к первому и второму взводам.

— Почему вы меня избираете? Надо выбрать солдата крестьянина.

— Некого, господин поручик, мы думали. Решили, что лучше вас ничто наши интересы не защитит. Поезжайте вы.

Часам к одиннадцати около штадива собралось около полутораста солдат. Из всех собравшихся в офицерских погонах был один я. Переживал ощущение страшной неловкости, так как солдаты смотрят подозрительно, не зная, что я являюсь представителем роты.

Долго мялись, не зная, как приступить к выборам. Шофер штаба дивизии Игнатов, молодой кудрявый парень в кожаном костюме, в залихватски надетой фуражке, взял на себя инициативу.

— Товарищи, — начал он, энергично жестикулируя руками, — нам надо избрать на Всероссийский крестьянский съезд своего представителя солдата-крестьянина, который мог бы на этом съезде отстаивать интересы крестьян, оторванных от мирной жизни своим пребыванием на фронте. Нам надо избрать такого, которого мы знаем, как истинного защитника интересов крестьян, который не предаст нас буржуям. Я предлагаю избрать президиум собрания, который наметит дальнейший порядок, — закончил Игнатов.

— Избрать его председателем! — закричали депутаты.

— Я предлагаю президиум, а не одного председателя. Можно по одному от полка. Пусть каждый полк выделит.

Так как ротные представители каждого из полков держались кучно, то выборы в президиум больших трудностей не составляли. От 11-го полка в президиум выбрали меня. Когда я появился за столом, притащенным откуда-то из канцелярии штаба дивизии, то слышал позади возгласы:

— А поручик зачем сюда попал? Кто его выбрал?

— Это от 11-го полка, они его знают, — примирительно отвечали другие.

— Какой же он крестьянин теперь? Чего их сюда вмешивать? — ворчали другие.

— Ладно, помалкивай, знаем, какой он крестьянин.

Сидя на табуретке за столом президиума, я усиленно напрягал свою мысль, что бы такое сказать собравшимся делегатам, чтобы вызвать с их стороны к себе больше доверия, стараясь вспомнить те отрывочные сведения, какими я располагал по аграрному вопросу. Но, увы! Ничего путного в голову не приходило.

— Прошу ораторов записываться! — прокричал Игнатов.

Молчание.

Никому первому говорить не хочется. Набравшись храбрости, я попросил слова.

— Слово предоставляется поручику Оленину! — громко сказал Игнатов.

Делегаты насторожились.

— Товарищи, — начал я. — Нам действительно надо избрать такого делегата, который смог бы отстаивать интересы крестьян. Происшедшая революция выдвинула в порядок дня осуществление заветной мечты крестьянина: получить землю и волю. Освобождение крестьян в 1861 году не дало крестьянам того, чего они ожидали. Крестьянин получил худшую землю, а лучшие оставили за собой помещики. В целом ряде мест крестьянину курицу выпустить некуда. Надо, чтобы крестьянский Всероссийский съезд обсудил вопрос об отобрании помещичьей земли и о равномерном ее распределении среди крестьян.

Войдя в пафос, я даже начал импровизировать, почему необходимо, не ожидая окончания войны, объявить землю общенародным достоянием, отобрать немедленно от помещиков и передать до возвращения солдат с фронта в ведение земельных комитетов, избираемых на местах при каждой волости.

В самый разгар моей речи к нашему собранию подошла группа штабных офицеров во главе с начальником дивизии Музеусом.

Игнатов прервал меня и скомандовал:

— Смирно!

Солдаты, рассевшиеся на траве, вскочили для отдания чести.

Музеус поздоровался. Велел продолжать вести собрание, а сам присел около стола. Присутствие Музеуса меня смутило. Я потерял нить начатой речи, но затем взял себя в руки, выправился и продолжал говорить дальше, причем как раз в этот момент коснулся образования крупных помещичьих землевладений в период царствования Екатерины.

Когда я кончил, со лба градом катился пот. Но наградой мне были дружные аплодисменты солдат, отчего я почувствовал большое удовлетворение.

Выступило еще несколько солдат, соглашавшихся со мной.

— Правильно, — говорили они, — что землю надо немедленно отобрать от помещиков, с разделкой повременить, чтобы не было никаких осложнений.

Проговорили часов до двух дня.

По окончании прений одним из солдат было внесено предложение, прежде чем выбрать депутата, составить наказ от дивизии.

Избрали комиссию по составлению наказа. В состав комиссии вошел Игнатов и я и по одному представителю от каждого из полков и артиллерийских частей.

Следующее собрание назначено на другой день в девять утра.

Сначала были заслушаны предложения солдат, что надо внести в наказ. Скупы на предложения были солдаты, но зато они все дружно высказывались за то, чтобы немедленно взять землю у помещиков. В конце концов, весь наказ пришлось составлять лично мне уже без комиссии, а на комиссии лишь доложить на следующее утро перед общим собранием.

На другой день в девять часов утра читали наказ. Громом аплодисментов утверждался каждый прочитанный пункт:

— Правильно! Верно! Вот это так и надо! Хорошо!

После чтения один из солдат внес предложение дополнить наказ пунктом, чтобы, кроме отобрания земель от помещиков, отобрать и заводы от капиталистов и дома от домовладельцев.

— Съезд крестьянский, — попробовал возразить Игнатов, — вряд ли эти вопросы станет обсуждать.

— Должен обсуждать! — упорно настаивал на своем внесший предложение солдат. — Какой же этот иначе будет Всероссийский съезд, если не затронет других сторон нового строя?

Решили дополнить наказ.

Приступили к процедуре голосования.

— Предлагаю избрать простым голосованием, — предлагали одни.

— Нет, простым нельзя, — кричали другие. — Надо тайным.

Согласились на последнее.

Заготовили кусочки бумаги, вырванные из блокнотов, роздали солдатам, на которых они должны были написать фамилию желательного кандидата, причем написанные записки должны были опускаться в принесенный откуда-то ящик; присматривать приставили специально двоих солдат.

— Давайте, сперва обсудим кандидатов!

— Называйте фамилии!

— Оленин! — закричали представители 11-го полка.

— Игнатов! — кричали в противовес штабные.

— Морозов! — кричали артиллеристы и т. д.

Кандидатов набралось двенадцать человек.

Игнатов зачитал записанные им фамилии кандидатов, подлежащих баллотировке, и еще раз спросил у собрания:

— Может быть полезно обсудить кандидатов, прежде чем за них голосовать?

— Ничего, мы теперь сами разберемся! — получил он в ответ.

Из урны вывалили на стол груду записок, которые президиум начал подсчитывать.

— Раз, два, три... десять... пятнадцать... тридцать... сорок пять... семьдесят... девяносто пять... сто двенадцать... сто тридцать четыре.

Пустых было одиннадцать записок.

— Сто тридцать четыре голоса за Оленина! — провозгласил Игнатов.

Солдаты снова вытянулись перед урной. Каждый подходил, крепко держа зажатую в кулаке записку, скрывая ее от других, осторожно вкладывал в ящик.

Открыли урну, считают. За Игнатова девять голосов, остальные записки пустые.

Голосуют Морозова. Тот получил три голоса.

— Довольно тянуть волынку, — закричали солдаты. — Ясно, что Оленин выбран. Ведь кто писал за одного, ясно, за другого писать не станет.

Игнатов проголосовал, стоит ли продолжать голосование. Единогласно приняли постановление закрыть баллотировку.

— Итак, выбран почти единогласно Оленин,— резюмировал Игнатов.

— Качать его! — закричали с разных сторон, и мое бедное тело несколько раз взлетало на воздух.

— Товарищи, пощадите, вы мне все кости переломаете! — взмолился я.

Не чувствуя под собою ног, дошел я до своей 10-й роты. Солдаты устроили мне бурную овацию, узнав, что я избран депутатом на крестьянский съезд.

— Смотрите, товарищ Оленин, не отрывайтесь от нас.

ГЛАВА VIII
ВСЕРОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ СЪЕЗД

Май, Петроград

Сидя в вагоне поезда, везущего меня в Тулу, я обдумывал, как должен буду себя вести, как представитель солдат, на Всероссийском крестьянском съезде.

Надо организовать в единую группу всех представителей крестьян 11-й армии, чтобы от 11-й армии было объединенное выступление по вопросам о земле и о войне.

Съезд объявлен был официально на пятое мая, но надо думать, что делегаты с фронта запоздают... Очень хочется повидаться с родными, в особенности же повидать жену и захватить ее с собой в Петроград.

При посадке в Курске столкнулся с прапорщиком Трехсвятским, едущим из Тулы на фронт. Уже стоя на подножке вагона, я спросил Трехсвятского, что делается в Туле.

— И хорошо и плохо, — ответил Трехсвятский. — Хорошо, что идет чистка запасных полков. Плохо, что совершенно пала там дисциплина. Никаких занятий, ежедневное митингование, нежелание отправляться на фронт, прикрытое шкурными соображениями: мол, если нас отправят на фронт, то кто здесь будет завоевания революции защищать?

Третий звонок, гудок паровоза. Торопясь я пожал руку Трехсвятскому и вошел в вагон.

Большинство пассажиров из Крыма.

Купэ все заняты. Пришлось устроиться в коридоре.

В коридор вошла девушка лет двадцати, двадцати двух,

в изящном лиловом платье, тоненькая, с карими глазами, немного вздернутым носиком. Осмотрелась по сторонам коридора. Нервно подернула плечиками, остановив свой взор на моей фигуре. Сделала несколько движений по коридору и громко позвала проводника.

Я заметил маленькую ножку, одетую в лаковую туфельку, и тонкий шелковый чулок. Внимательно посмотрел на ее стройную фигурку и поймал себя на грешной мысли, что девушка хороша.

Девушка прошла несколько раз по коридорчику, причем при приближении в мою сторону пытливо всматривалась в меня, стараясь осмотреть с ног до головы.

Я делал вид, что не замечаю взглядов девушки, задумчиво куря папиросу.

— Вы не знаете, — обратилась она ко мне, — скоро Тула будет?

— От Курска до Тулы около трехсот километров, — ответил я. — Этот поезд скорый. Делает в час в среднем километров сорок. Следовательно часов через семь-восемь будет в Туле. А вы разве в Тулу?

— Нет, я еду из Симферополя. Имела глупость еще на пасху поехать в гости к тетке. Туда ехала — мучилась, а сейчас еще больше.

— Какое же мученье? — удивился я. — Вы едете во втором классе, в купэ.

—В купэ, — передразнила она меня. — Если в этом купэ одни только лоботрясы сидят, малое удовольствие с ними ехать.

— Если вам не нравятся спутники, можете в купэ спать, а остальное время проводить в коридоре. Здесь меньше лоботрясов.

— Вы правы, — здесь только один! — и она расхохоталась.

Я укоризненно посмотрел на нее, не зная, обидеться мне или нет.

— Я очень просил бы вас не причислять меня к лику лоботрясов. Я еду с фронта, на котором, да будет вам известно, нахожусь почти три года. Для меня целое событие, когда удается на непродолжительный срок выбраться в тыл.

— Вы с фронта, правда, а не так, как мои там,— она показала на купэ,— из Крыма?

— Честное слово, с фронта. Если не верите, могу даже вам георгиевский крест показать.— И из бокового кармана я достал свой георгиевский солдатский крест и приколол булавкой к груди.

— Ах, какой вы интересный! Зачем вы такой нехороший бант сделали? Дайте, я вам поправлю. И потом, что это за булавка у вас такая? Это не булавка, а целая булавища. Подождите, я сейчас вам устрою.

Она отцепила у себя маленькую булавку, взяла в руки мой георгиевский крест, поправила бантик и с милым кокетством избалованной девочки приколола мне на гимнастерку.

— Мне очень интересно, что наконец-то я встретила настоящего офицера, боевого и прямо с фронта. А почему у вас такой крест странный? Я не видала таких. Как будто бы георгиевский крестик — беленький.

— Это у меня солдатский.

— Странно, у офицера и солдатский крест.

— Чего же странного? Я был солдатом, получил крест, а потом, за отсутствием других орденов, которыми можно было бы награждать солдат, меня произвели в офицеры.

— А вы совсем не похожи на солдата.

— Ну, еще бы, слава тебе господи, почти два года, как я в офицерских чинах пребываю.

— В отпуск едете? К жене?

— Не в отпуск и не к жене. Еду в Питер

— В Петроград,— капризно протянула девушка.— Говорят, чудесный город, как бы мне хотелось там побывать,

а тут изволь ехать в противную Самару. Вы себе представить не можете, что за гнусный город эта Самара.

— Нет, не знаю, — сочувственно ответил я.

— Гнусь, гнусь и гнусь! Только и есть хорошего, что Волга. А кроме Волги — купцы, прапорщики, Струковский сад, Николаевская улица и пыль, пыль, пыль...

— А что вы там делаете?

— Баклуши бью. Маменька мне женихов ищет, а я не хочу замуж выходить. Сама себе жениха найду.

— Теперь время революционное, — пошутил я, — и маменькам пора жениховье дело бросить.

— А какая у меня маменька! От такой тещи-то не поздоровится будущему муженьку!.

— Почему вы своих спутников по купэ лоботрясами назвали?

— Ну, как же, молодые, здоровые — и все время в тылу околачиваются, а главное — они даже не офицеры, а как их там называют... в союзе работают...

— Земгусары.

— Вот, вот, земгусары, и со шпорами. Героями себя воображают. А если бы вы посмотрели на них! Жуть одна! И вы представляете себе, что я от Симферополя эту муку терплю, вот уже сутки! — и девушка нахмурила тоненькие бровки.

— А ведь в Туле и я выхожу.

— Вы, может быть, вперед в Самару заедете, а потом в Питер?

— К сожалению, не могу, тороплюсь.

— Зачем же вам в Туле выходить, раз поезд идет до самого Питера?

— Родных хочу повидать.

— Родных... знаю я этих родных! — погрозила она мне.

В этой болтовне доехали до Тулы. Я помог спутнице выбраться из вагона с ее многочисленными картонками.

Решил остановиться у своего брата Василия Никаноры-ча, слесаря в трамвайном парке.

Дом, в котором живет брат,—общежитие рабочих трамвайного парка. Большой, шестиэтажный, с квартирами в одну, максимум две комнаты. Лифта нет. Поднялся на пятый этаж по узкой крутой лестнице. Брата дома не было, встретила его жена, Елена. Она очень обрадовалась моему приезду. Немедленно стала готовить чай и закуску. Предложила мне почистить себя с дороги и помыться. Я рассказал о цели своего приезда в Питер и что придется пробыть не меньше месяца.

— Я бы хотел найти себе комнату.

— А зачем тебе комната, живи у нас, — сказала Елена.

— Нельзя, голубушка, жена вероятно приедет.

— А ты уж жениться успел?

— Успел, Елена.

— Ну, тогда вот Вася придет, он скажет, где тут поблизости можно найти. А обедать милости прошу у нас.

— Очень благодарен. Если не будут кормить на съезде, то попрошу вас взять меня в нахлебники

Пришел Василий. Разговор пошел о Петрограде.

— Сейчас хорошо, Дмитрий, рабочим — лафа. Не то, что раньше было. Одно плохо: хлеба нигде без карточек не достанешь, да и по карточкам не всегда дают.

— Однако я видел в магазинах не только хлеб, но и пирожные и другие кондитерские изделия.

— Пирожное со щами есть не будешь. Его покупает буржуазная публика, а вот черного хлеба мало. Тебе придется прописаться и взять на себя карточку, иначе намучаешься.

— А зачем мне карточка? Я вероятно в столовой буду обедать.

— Зачем тебе в столовой обедать, обедай у нас, только карточку возьми, Елена будет на тебя хлеб брать.

— А настроение в городе какое?

— Да что настроение. Как революция произошла, так сначала все хорошо было. Потом финтить начали во Временном правительстве. Ты наверное читал, знаешь, что Милюков послал союзникам, что, мол, война до победного конца. Я так понимаю, что нам надо правительство свое, социалистическое, а министров-капиталистов долой.

— Ты мне вот что скажи, Василий: как у вас смотрят, какую нам республику надо иметь, и республику ли?

— Конечно, республику, и такую, при которой рабочим было бы хорошо, чтобы контроль над капиталистами.

— А я думаю, что нам хорошо бы установить такую республику, как, например, во Франции и Америке.

— Нет, нам надо другую республику — рабочую.

Я постарался перевести разговор на другую тему, так как чувствовал, что не могу спорить с Василием.

После обеда пошли искать квартиру. Во всем районе Васильевского острова, начиная 20-й линией, кончая 1-й, свободной комнаты не нашлось. Возвращаясь обратно, Василий предложил мне пройти к взморью. На 22-й линии, в одном из больших домов на подъезде было наклеено объявление о сдаче комнаты.

Зашли.

Владелица квартиры, пожилая женщина, сказала, что сдается комната с мебелью, плата — пятьдесят рублей. Называя цифру, она смотрела на Василия Никанорыча, вид которого, очевидно, не внушал ей доверия.

— Я согласен, — заявил я. — Сколько вам задатку?

— За полмесяца вперед.

— Получите! — и я вручил ей двадцатипятирублевую кредитку.

На другой день я пошел на Всероссийский крестьянский съезд. Съезд помещался в Народном доме на Кронверкском проспекте.

Занимаются в помещении оперного театра, способного вместить до пяти тысяч человек. Фойе театра занято киосками в которых продаются революционные книги и брошюры. Почти над каждым киоском висят надписи, какая партия обслуживает посредством этого киоска своих членов. Тут же объявление о приеме в партии. Бросились в глаза киоски с вывесками: «Партия народной свободы» (конституционно-демократическая, т. е. кадетов) без лозунга, партия народных социалистов, с лозунгом: «Все для народа и все через народ», партия социал-революционеров, с лозунгом: «В борьбе обретешь ты право свое», партия социал-демократов, с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Я вступал в разговоры с людьми, обслуживающими киоски. Они спрашивали:

— Какой партии?

И, услышав, что беспартийный, предлагали немедленно записаться в члены их организации.

— Подожду, — смеялся я. — Дайте осмотреться.

— Лучше нашей партии нет, — говорил каждый из них.

В конце концов такие приглашения стали надоедать, точно находишься на каком-то базаре, где стараются всучить ненужные тебе вещи.

Разыскал регистрационное бюро, во главе которого оказалась длинная белобрысая девица лет тридцати пяти, с длинным носом, вспухшими веками и изумительно тощей фигурой.

Она посмотрела мой мандат, проверила в своих списках, полагается ли быть депутату от 3-й дивизии, и, найдя, что такому депутату быть положено и что это место еще никем не занято, написала мне сразу две карточки. Одну красную, гласящую, что я являюсь депутатом крестьянского Всероссийского съезда с правом решающего голоса, и другую зеленую, на право получения обедов и ужинов в столовой Народного дома.

От этой девицы я узнал, что делегатам можно получить и квартиру в общежитии.

Занятия съезда идут с десяти до двух часов дня, после этого перерыв на обед, затем опять с пяти и до восьми вечера.

Регламент и порядок съезда напечатан на отдельных листовках. В повестке дня — вопрос о войне, земле и выборы исполнительного комитета. К этому порядку дня добавлен еще вопрос о международном и внутреннем положении.

Этот доклад уже был сделан, и по нему шли прения.

Делегатов съехалось свыше тысячи. Кроме того масса гостей и лиц с совещательными голосами. Оперный зал заполнен сверху донизу. На сцене президиум, позади которого — почетные гости. Партер для делегатов съезда с решающими голосами, а ярусы и ложи для интересующихся.

Председатель съезда с.-р. Авксентьев. Среди членов президиума бабушка русской революции Брешко-Брешковская, новый министр земледелия, социал-революционер Чернов, и видные члены партии эсеров: Бунаков, Чайковский и др.

Состав делегатов очень пестрый: человек двести солдат, пятнадцать-двадцать офицеров от прапорщиков до поручиков включительно. Многие делегаты в деревенских свитках, с намасленными волосами, точь-в-точь такие, как виденные мною в мирное время волостные старшины в нашем Елифанском уезде. Выделяются несколько сектантов. Один из них в длинной посконной рубахе, без штанов, с длинной гривой волос, босой. Про него рассказывают, что круглый год и зиму и лето он ходит в одном и том же костюме и что уже несколько десятков лет не надевает никакой обуви.

По партийному составу на съезде социал-революционеров почти пятьсот пятьдесят человек, народных социалистов около ста, беспартийных около пятидесяти.

В первое посещение мне пришлось быть свидетелем не-

большого скандала, разыгравшегося между президиумом и партером.

Один из делегатов съезда, выйдя на трибуну для внеочередного заявления, обвинил президиум в нелойяльном отношении к съезду и в превышении власти, ибо без доклада съезду и одобрения последнего председатель Авксентьев отправил от имени съезда приветствие съезду кадетской партии.

— Кадеты — это крупная буржуазия, — говорил стоявший на трибуне оратор. — Их интересы чужды интересам крестьян. Посылать капиталистам и помещикам приветствие — вещь совершенно недопустимая и характеризует политическую физиономию руководителей этого съезда.

В заключение оратор предлагал выразить недоверие президиуму.

С ответной речью выступил Авксентьев. Среднего роста, несколько плотный, с вьющимися волосами, умеющий владеть собой, с прекрасными ораторскими приемами, горделиво покачиваясь, он бросал такие слова съезду:

— Удивляюсь, что отдельные делегаты выходят и выражают недоверие президиуму, который организовал созыв этого съезда. Недоверие тем самым людям, которые десятки лет вели борьбу за землю и волю, тем самым людям, которые многие годы сидели в тюрьмах и в ссылках. Если бы не эти люди,—Авксентьев делает величавый жест в сторону президиума,—то не было бы революции, не было бы настоящего съезда. Президиум прекрасно отдает себе отчет в том, что он делает. Президиум не может не приветствовать съезда кадетской партии, ибо эта партия есть партия народной свободы. Это не есть партия помещиков, не партия капиталистов, это—партия, которая наравне с нами стремилась к свержению царизма.

Голос Авксентьева повышается:

— И если говорить начистоту, то не столько свергли ца-

ризм присутствующие здесь делегаты, сколько те, которых от имени президиума я сегодня приветствовал.

— Свинство! Подлость! — раздались отдельные крики.

— Я вижу, что на наш съезд проникли чуждые крестьянству элементы, — продолжал Авксентьев, — но им не удастся сорвать ни работы съезда, ни тех решений, которые съезд примет под руководством настоящего президиума. Я предлагаю перейти к очередным делам, оставив без внимания сделанное перед этим внеочередное заявление.

На задних скамьях поднялся шум.

— Прихвостни кадетов! — раздались отдельные реплеки.

Авксентьев, вернувшись с трибуны к председательскому месту, презрительно смотрел на кричавших.

— Я голосую, кто за переход к очередным делам, прошу поднять руки.

Поднялся лес рук.

— Кто против?

Меньшинство.

— Переходим к следующим делам. Слово имеет для доклада о продовольственном положении страны министр продовольствия Пешехонов.

Большинство находившихся в зале зааплодировали.

На трибуне показался Пешехонов, среднего роста, худощавый, невзрачный человек, который начал читать речь по написанной шпаргалке.

Я прошел в кулуары, т. е. в фойе, где бродило несколько делегатов, обсуждавших происшедший инцидент.

— Конечно, Авксентьев не имел никакого права выступать у кадетов от имени съезда. Он должен был хотя бы ради приличия получить разрешение съезда, — говорили одни.

— Авксентьев и другие кичатся своим революционным прошлым, — говорили другие. — Подумаешь, важность какая, многие из нас в тюрьмах сидели.

— Что вы, господа, — говорили третьи, — мы не можем действовать изолированно от партии народной свободы. Все же эта партия имеет колоссальнейшие заслуги. Может быть Авксентьев и не соблюл формальности, но разве это так существенно?

— Прихвостни они! — слышались кое-какие возгласы.— Надо переизбрать президиум.

— Здесь не без провокации большевиков,—раздавались другие возгласы.—Люди, подобные Авксентьеву, достойны всяческого уважения. Нечего ставить вопрос перед всем съездом, коли президиум у нас авторитетный.

На следующий день я пришел на заседание с раннего утра. В кулуарах раздавали письмо главы большевистской партии Ленина, обращенное к делегатам крестьянского съезда. Около людей, раздававших это письмо, толпились кучки народа. Каждый старался поскорее добраться до раздающего, чтобы удовлетворить нетерпеливое любопытство.

— Ишь ты,—говорил один из делегатов в золотом пенсне,—на какой бумаге написано, и чуть ли не золотыми буквами. У нас еле-еле газетной бумаги хватает, а тут, посмотрите, чуть ли не на слоновой. Что значит—денежки имеются от немецкого генерального штаба.

Я в свою очередь протиснулся, чтобы получить письмо, так волновавшее всех депутатов съезда. Письмо, действительно, написано на прекрасной бумаге. В этом письме Ленин сообщает, что он по своему нездоровью не может лично выступить на Всероссийском крестьянском съезде и в силу этого вынужден обратиться с письмом.

Вот что писал Ленин:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ДЕЛЕГАТАМ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Товарищи крестьянские депутаты!

Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), к которому я имею честь принадлежать,

хотел дать мне полномочие представлять нашу партию на Крестьянском с'езде. Не имея возможности до сих пор, по болезни, выполнить это поручение, я позволю себе обратиться к вам с настоящим открытым письмом, чтобы приветствовать всероссийское об'единение крестьянства и указать вкратце на глубокие разногласия, которые разделяют нашу партию, «социалистов-революционеров» и «социал-демократов меньшевиков».

Эти глубокие разногласия касаются трех самых важных вопросов: о земле, о войне и об устройстве государства.

Вся земля должна принадлежать народу. Все помещичьи земли должны без выкупа отойти к крестьянам. Это ясно. Спор идет о том, следует ли крестьянам на местах немедленно брать свою землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания, или не следует.

Наша партия думает, что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, делая это как можно организованнее, никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия, чтобы производство хлеба и мяса увеличилось, ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно. Учредительное собрание установит окончательное распоряжение землей, а предварительное распоряжение ею теперь, тотчас для весеннего сева, все равно невозможно иначе как местными учреждениями, ибо наше Временное правительство, правительство помещиков и капиталистов, оттягивает созыв Учредительного собрания и до сих пор не назначило даже срока его созыва.

Предварительно распорядиться землей могут только местные учреждения. Засев полей необходим. Большинство крестьян на местах вполне сумеют организованно распорядиться землей, запахать и засеять всю землю. Это необходимо, чтобы улучшить питание солдат на фронте. Поэтому ждать Учредительное собрание недопустимо. Права Учредительного собрания окончательно установить всенародную собственность на землю и условия распоряжения ею мы нисколько не отрицаем. Но предварительно, теперь же, этой весной распорядиться землей должны сами крестьяне на местах. Солдаты с фронта могут и должны послать делегатов в деревни.

Далее. Чтобы вся земля досталась трудящимся, для этого необходим тесный союз рабочих с беднейшим крестьянством (полупролетариями). Без такого союза нельзя победить капиталистов. А если не победить их, то никакой переход земли в руки народа не избавит от народной нищеты. Землю есть нельзя, а без денег, без капитала достать орудия, скот, семена неоткуда. Не капиталистам должны доверять крестьяне и не богатым мужикам (это—также капиталисты), а только городским рабочим. Только в союзе с ними добьются беднейшие

шие крестьяне, чтобы и земля, и железные дороги, и банки, и фабрики перешли в собственность всех трудящихся, без этого одним переходом земли к народу нельзя устранить нужды и нищеты.

Рабочие в некоторых местностях России уже переходят к установлению рабочего надзора (контроля) за фабриками. Такой надзор рабочих выгоден крестьянам, он дает увеличение производства и удешевление продуктов. Крестьяне должны всеми силами поддерживать такой почин рабочих и не верить клеветам капиталистов против рабочих.

Второй вопрос—о войне.

Война эта—захватная. Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих захватных целей, из-за увеличения своих прибылей. Трудящемуся народу эта война ни в каком случае ничего, кроме гибели, ужаса, опустошения, одичания, не несет и принести не может. Поэтому наша партия, партия сознательных рабочих, партия беднейших крестьян, решительно и безусловно осуждает эту войну, отказывается оправдывать капиталистов одной страны перед капиталистами другой страны, отказывается поддерживать капиталистов какой бы то ни было страны, добивается скорейшего окончания войны посредством рабочей революции во всех странах.

В нашем теперешнем новом Временном правительстве десять министров принадлежат к партиям помещиков и капиталистов, а шесть—к партии «народников» (социалистов-революционеров) и «меньшевиков» социал-демократов. По нашему убеждению народники и меньшевики делают глубокую и роковую ошибку, входя в правительство капиталистов и соглашаясь вообще поддерживать его. Такие люди, как Церетели и Чернов, надеются побудить капиталистов скорее и честнее кончить эту захватную войну. Но эти вожди партии народников и меньшевиков ошибаются: на деле они помогают капиталистам готовить наступление русских войск против Германии, то есть затягивать войну, увеличивать неслыханные тяжелые жертвы, принесенные русским народом войне.

Мы убеждены, что капиталисты всех стран обманывают народ, обещая скорый и справедливый мир, а на деле затягивая захватную войну. Капиталисты русские, имевшие в своих руках старое правительство и имеющие попрежнему в своих руках новое Временное правительство, не захотели даже опубликовать тех тайных грабительских договоров, которые бывший царь Николай Романов заключил с капиталистами Англии, Франции и других стран с целью отвоевать у турок Константинополь, отнять у австрийцев Галицию, у турок Армению и так далее. Временное правительство подтвердило и подтверждает эти договоры.

Наша партия считает, что это—такие же преступные, грабительские договоры, как и договоры разбойников—немецких капиталистов и их разбойничьего императора Вильгельма с их союзниками.

Кровь рабочих и крестьян не должна литься из-за достижения таких грабительских целей капиталистов.

Надо скорее кончить эту преступную войну, и не сепаратным (отдельным) миром с Германией, а всеобщим миром, и не миром капиталистов, а миром трудящихся масс против капиталистов Путь к этому один: переход всей государственной власти целиком в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и в России и в других странах. Только такие Советы в состоянии на деле помешать обману народов капиталистами, помешать затягиванию войны со стороны капиталистов.

И здесь я подошел к третьему и последнему из намеченных мною вопросов: к вопросу об устройстве государства.

Россия должна быть демократической республикой. С этим согласно даже большинство помещиков и капиталистов, которые всегда стояли за монархию, но убедились теперь в том, что народ в России ни за что не допустит восстановления монархии. Капиталисты направили теперь все усилия на то, чтобы республика в России как можно больше походила на монархию (примеры тому бывали во многих странах неоднократно). Для этого капиталисты хотят сохранения чиновничества, стоящего над народом, полиции и постоянной армии, отделенной от народа и находящейся под командой невыборных генералов и офицеров. А генералы и офицеры, если они не выборные, почти всегда будут из помещиков и капиталистов. Это известно даже из опыта всех республик на свете.

Наша партия, партия сознательных рабочих и беднейших крестьян, добивается поэтому иного рода демократической республики. Мы хотим такой республики, чтобы издевающейся над народом полиции в ней не было; чтобы чиновники были все, снизу доверху, только выборные и сменяемые в любое время по требованию народа, чтобы жалование их было не выше платы хорошему рабочему; чтобы в армии все начальство было такое же выборное и чтобы постоянная армия, отделенная от народа, отданная под команду чуждым народу классам, была заменена всеобщим вооружением народа, всенародной милицией.

Мы хотим такой республики, чтобы вся власть в государстве, снизу доверху, принадлежала всецело и исключительно Советам рабочих, солдатских, крестьянских и проч. депутатов.

Рабочие и крестьяне—большинство населения. Власть и управление должно быть у их Советов, а не у чиновников.

Вот наши взгляды, товарищи крестьянские депутаты. Мы твердо убеждены в том, что опыт скоро покажет самым широким массам народа ошибочность политики народников и меньшевиков. Опыт скоро покажет массе, что спасти Россию, которая, как и Германия, как и другие страны, находится на краю гибели, спасти измученные войной народы нельзя путем соглашательства с капиталистами. Спасти все народы может только переход всей государственной власти прямо в руки большинства населения.

4 мая 1917 года

В. Ленин

Письмо вызвало много толков среди делегатов.

— Как же так,—говорили одни,—что земля должна без выкупа отойти к крестьянам? Это невозможно. Ведь большинство земель помещиков заложены в банк. Если взять землю без выкупа, то произойдет финансовый крах.

— Какой там к чорту крах!—говорили другие.—Мужик ждет более столетия, чтобы забрать то, что ему принадлежит исторически. На то и революция, чтобы земля была отобрана от помещиков. Куда же вы денете лозунг «земля и воля», основателем которого были и Чернышевский и Лавров? Конечно, Ленин прав. Землю нужно немедленно забрать, не ждать Учредительного собрания. Учредительное собрание должно окончательно ликвидировать собственность на землю, как пишет Ленин в своем письме. Это совершенно правильно.

— Насчет войны Ленин загнул слишком,— слышалось в другой группе.— Легко сказать, что нам война не нужна. Ленин не понимает, что данная война имеет освободительный характер. Надо в конце концов освободиться от влияния тевтонов на славянские народности. Без Дарданелл развитие экономики России не может иметь места. Надо лишить турок права владеть проливом. Милюков прав.

— Свергать капиталистов необходимо,— слышалось в другом месте.

— Это у нас-то, ха, ха, ха, при нашей серости, дикости,

некультурности—и без капиталистов! Ясное дело, что тут не без связи с нашим противником. Власть Советам. Это значит—нам всем власть отдать. Что же, так мы все и будем управлять? Вряд ли это возможно. Все равно придется избрать специальный орган для управления.

— А Ленин прогрессирует. Раньше говорил, что отрезки надо отобрать от помещиков, а теперь уже насчет всей земли.

— Политиканствует, политиканствует...

Прошел по киоскам, надеясь найти киоск большевиков, чтобы проверить, нет ли и там записи делегатов в их партию. Киоск есть, но записи в партию нет. Запись производится только в районных комитетах.

Идут прения по продовольственному вопросу. Делегаты осуждают политику старого правительства о натуральном обложении сельского населения. Много говорится о спекуляции с хлебом, железнодорожном транспорте. Указывают, что основная угроза не в хлебном кризисе, а в том, что железные дороги не могут доставлять хлеб в отдельные районы и в такие центры, как Петроград.

— На транспорте вакханалия,—говорили некоторые делегаты. В то время как для погрузки нет вагонов, для такой мерзости, как вода «кувака», составляются целые поезда. А кому эта самая «кувака» нужна и какая разница между «кувакой» и простой невокой водой?

— Разница есть,—иронизировали другие.—Разница есть: невская вода берется просто из водопровода, а «кувака» сначала разливается по бутылкам, закупоривается, затем перевозится за тысячи верст.

— Гнуснейшая пропаганда!— кричали в других местах.

— Конечно, гнуснейшая!

20 мая съезд имеет торжественный вид. Авксентьев объявил, что на съезд прибыл министр бельгийского правительства Вандервельде.

Все в напряженном ожидании.

На сцене появился буржуазного вида человек, с самоуверенной походкой, движениями, осанистой фигурой. Стал около трибуны и прежде чем сказать слово вытянул вперед обе руки.

Из горизонтального положения руки перешли в вертикальное.

Вандервельде говорил на французском языке. 99% съезда этого языка не понимали, но внимательно следили за жестами и позой Вандервельде.

Речь была произнесена с большим пафосом, с самоуверенностью человека, который изрекает абсолютные истины, доселе никому из присутствующих не известные. Переводчик перевел речь следующим образом:

— Товарищи, товарищ Вандервельде приветствует русских рабочих и крестьян, уничтоживших царизм. Русский царизм являлся мировым жандармом, который подавлял развитие социалистического движения во всем мире. Теперь этот жандарм уничтожен, и все народы мира могут развивать свою революционную деятельность внутри своих стран, не боясь, что придет мировой жандарм—русский царь.

— Товарищ Вандервельде говорит, что русская революция—самая великая из всех бывших доселе в мире. Она велика как по своему масштабу, так и потому, что она произведена искусной рукой и без жертв, без пролития крови, как это имело место при революциях в других странах.

— Товарищ Вандервельде указывает, что иностранные социалисты с восторгом следят за развитием русской революции, но что иностранные социалисты, иностранные рабочие и крестьяне ждут, что русские революционеры в момент тяжелых мировых потрясений, связанных с мировой войной, солидарны со своими товарищами по мировому движению. Русские солдаты и крестьяне ни на минуту не должны забывать, что сильный враг революции стоит на границе нашей страны. Бельгия раздавлена тевтонами, великий и слав-

ный бельгийский народ, представителем коего является Вандервельде, не имеет крова, жилищ, не имеет территории, ибо немцы разрушили эту страну, ранее столь прекрасную и цветущую. В интересах всего мира необходимо разбить немцев. Вернуть свободу бельгийскому народу, дать последнему возможность культурного развития. Вандервельде выражает полную уверенность, что нынешний крестьянский съезд даст директиву своим сынам, находящимся в армии, вести войну в полном единении с союзниками до победного конца и тем самым обеспечить и процветание русской революции и свободу других народов, в том числе и бельгийского, представителем которого является т. Вандервельде.

Депутаты съезда зааплодировали.

Авксентьев заверил от имени съезда, что русский народ, победно совершивший революцию, приложит все усилия, чтобы рука об руку в единении с союзниками покончить с тем внешним врагом, который угрожает свободе народов и так бесчеловечно грубо вопреки всем интернациональным правилам вторгся и разорил маленькую Бельгию.

Вслед за Авксентьевым выступил один из делегатов съезда, невзрачного вида, в очках, в оборванном пиджаке, коротких брюках, не то Стентауз, не то Остентауз, который в течение предоставленных ему регламентом десяти минут успел сказать:

— Русская демократия сделает все возможное, чтобы обеспечить завоевания революции, но русский народ удивлен, как это выступивший здесь министр Бельгии, социалист, имеющий большой вес в своей стране, до сих пор терпит монарха, короля Альберта. Конституционный строй Бельгии вызывает и удивление и возмущение в сердцах русских революционеров. Войну до победного конца надо вести,—продолжал оратор,—не столько с тем врагом, который по нас стреляет из своих окопов, из пушек, пулеметов, выпускает газ, сбрасывает бомбы, сколько со своим внутренним врагом. Нам было бы приятно,—закончил оратор,—если бы министр

Вандервельде с этой трибуны сказал: «Товарищи, вы свергли Николая Кровавого, мы свергли Альберта Бельгийского».

Выступил еще один делегат, обрушившийся на предшествующего, обвиняя его в провокации и демагогии.

— Мы должны,—сказал этот оратор,—признать, что вместе с нами одинаково болеют за судьбы русской революции и наши иностранные товарищи-социалисты, из них первым является выступавший здесь Вандервельде. Альберт это—не Николай II. Альберт это—демократический государь. Его любит вся страна. Он искренно ненавидит немцев.

— Причем король, когда вопрос идет о революции? — раздались отдельные реплики с мест.

— А вот причем,—повысил голос оратор.—В минуту опасности и наши социалисты сплотились вокруг трона. Я помню, как в 1914 году во время объявления войны русские социалисты, русские студенты пошли с иконами, с национальными флагами к Зимнему дворцу. При появлении монарха они стали на колени, приветствуя его как верховного вождя своей армии.

— Долой! Долой!—закричали в зале.

Поднялся невообразимый шум. Авксентьев энергично звонил колокольчиком, пытаясь успокоить разбушевавшийся зал.

— Долой! Долой!

— Объявляю перерыв!—прокричал Авксентьев.

Делегаты хлынули в кулуары.

— Какое однако нахальство!—слышались отдельные разговоры.—То приветствуют кадетов, то хвалят короля Альберта, то учат, что европейские цари не то, что русские!

— Ну, какая все-таки наглость и некультурность!—говорили другие.—Иностранного гостя, известного социалиста—и вдруг ругать с трибуны!.

— Ни черта не разберу! Одно ясно, что и Авксентьев и Вандервельде одинаковые сволочи!

Написал десяток объявлений, приглашающих делегатов 11-ой армии собраться после обеда в комнате рядом со столовой Народного дома для объединенного выступления от имени армии. Эти объявления расклеил в фойэ, в столовой, на лестнице Народного дома и в других местах.

На следующий день в час, на который я назначил собрание делегатов 11-ой армии, я не успел попасть. Меня задержали представители армейских частей, которые прибыли в Петроград за приобретением литературы и в первую очередь разыскали меня, чтобы узнать, как идут занятия съезда и что я предполагаю на этом съезде предпринять. Засидевшись с солдатскими представителями, я опоздал минут на сорок на назначенное мною совещание солдат 11-ой армии.

Когда я приехал в Народный дом, то к моему удивлению застал в назначенной мною комнате уже происходящее заседание, причем председательствовал на этом заседании фельдфебель, казак Никитенко, объявивший, как я выяснил, что именно он и расклеивал объявления о созыве делегатов. Еще до моего прихода он успел изложить целесообразность объединения солдат 11-й армии как для выступления при обсуждении земельного вопроса, так и для единства действий при выборах в будущий центральный комитет крестьянского съезда. Протискавшись к столу, возмущенно спросил я у Никитенко:

— Какое вы имеете право открывать собрание до прихода инициатора созыва?

— То есть как «инициатора»?—переспросил он меня.

— Так инициатора, я вывешивал объявления, я ставил вопрос об организации солдат крестьян. Меня случайно задержали солдаты из дивизии. Вместо того чтобы подождать меня здесь, вы начали заседание.

— Вы слышите? — разведя руками, обратился Никитенко к присутствующим.—Поручик хочет присвоить себе инициативу этого созыва, когда каждому известно, что сделал это я.

— Как вам не стыдно!—возмущенно крикнул я.

— Вот он, офицерский душок-то, сказывается!—сыронизировал Никитенко.

Вижу по физиономиям солдат, что они настроены не в мою пользу.

— Позвольте, товарищи, восстановить истину. Сейчас можно принести все те объявления, которые были мною развешены, и установить, чьей рукой они написаны.

— Я думаю,—выступил Никитенко,—что нам нет никакого смысла тратить на это время. Факт остается фактом. Собрание созвал я, я его открыл. Если вы имеете какие-нибудь конкретные предложения, прошу вносить, мы их обсудим.

— У меня есть одно предложение: признать Никитенко прохвостом и авантюристом!

— Вы меня оскорбляете, я не какой-нибудь беспартийный офицер, а член партии социалистов-революционеров.

— Ах, эсерь,— сделал я ударение на мягком знаке.— Прошу информировать меня, что здесь принято.

— Принято очень немного. Мы создали комиссию, которая должна разработать на основе наказов, имеющихся у всех делегатов, тезисы выступления представителя 11-ой армии при обсуждении аграрного вопроса.

Возмущенный наглым поведением Никитенко, я плюнул и ушел.

Однако мое выступление и выраженное возмущение по адресу Никитенко не прошли бесследно. Вскоре меня в фойе нашло несколько солдат делегатов 11-ой армии, у которых появилось сомнение; они спросили меня, что я имею предложить съезду.

Я им сказал:

— Объединить выступление делегатов, выделить одного докладчика, проинструктировать этого докладчика и дальше держать линию на включение в состав будущего централь-

ного крестьянского совета своего представителя. А кто этот Никитенко?—спросил я.

— Да мы сами не знаем. Пришли, а он сидит за столом и говорит, что он собрал.

— Ну и прохвост же!

В промежутке между занятиями съезда я часто задумывался над вопросом просвещения солдат действующей армии. Летература на фронт доходит очень нерегулярно, зависит от целого ряда случайностей, между тем, казалось бы, само военное министерство заинтересовано в том, чтобы солдаты получали правильную ориентировку и вместо отрывочных слухов пользовались бы правильной информацией.

Каждый корпус, находящийся на фронте, имеет свою коммуникационную линию, опирающуюся на железную дорогу. Можно на линии этой железной дороги создать в непосредственной близости от действующих частей специальный вагон-библиотеку с одним-двумя сотрудниками, которые будут информировать представителей корпусных и дивизионных комитетов по вопросу о текущем моменте и снабжать дивизионные и полковые комитеты нужной литературой. Это будет передовой передвижной культурно-просветительный пункт. Кроме того может быть армейский узловой пункт, руководящий работой корпусных. При штабе фронта—центр библиотечных пунктов, с достаточным запасом литературы, газет, журналов и кадра работников по культурно-просветительной деятельности, имеющих непосредственную связь с центром. Центр же должен быть в Петрограде, при военном министерстве.

Под влиянием этих мыслей я написал проект положения о культурно-просветительной работе на фронте, которое передал в военное министерство как бы от частного лица, что давало мне право обратиться не по команде.

Несколько дней спустя зашел в организуемый при военном министерстве культурно-просветительный отдел справиться об участи моей докладной записки. Мне сообщили,

что мой доклад признан ценным, но так как он требует денежных средств, то составляется докладная записка в совет министров о кредитах.

Вот что значит новая власть! Молодой армейский поручик, бывший солдат, а еще ранее мужик, выдвигает проект, и он сразу, благодаря его целесообразности, вносится на рассмотрение совета министров!

Занятый вопросами организации культурно-просветительной работы, я позабыл об инциденте с Никитенко. Но не забыли меня солдаты.

Как-то в фойе, во время перерыва, меня окружило несколько солдат с просьбой зайти на предстоящее заседание всей группы делегатов от 11-ой армии.

— А что такое будет?—спросил я.

— Будет обсуждаться, кто должен выступить от имени делегатов 11-ой армии по аграрному вопросу.

Пошел.

Никитенко, на этот раз значительно менее развязный, чем раньше, предложил избрать меня заместителем председателя армейской группы, на что я ответил категорическим отказом.

— Нам нужно составить наказ,—говорил Никитенко,—причем из всех наказов самый лучший—это от 3-й дивизии.

Ага, этот наказ ведь я составлял!

Я крепился, но в конце концов не выдержал и предложил свои услуги—составить сводку всех наказов. Дня три просидел я дома, готовя наказ для нашего оратора. Подготовив материал, собрал армейскую часть делегатов—и мое творение было одобрено на все сто процентов.

— Кто будет выступать?

— Оленин! Оленин!—закричали солдаты.

На съезде по аграрному вопросу выступило несколько докладчиков: Очаковский, Пешехонов, Вихляев, Быховский и министр-социалист Чернов. Чернов, уже седеющий человек, несмотря на серьезность темы, внес в доклад ряд коми-

ческих моментов. Каждую минуту он острил, что вызывало смех и аплодисменты.

Он говорил о программе партии эсеров, о социализации земли, о необходимости этой реформы после того, как будет созвано Учредительное собрание. Говорил, что он теперь же хотел бы передать землю помещиков в распоряжение земельных комитетов, но что это не удается, ибо остальные члены совета министров против этого возражают.

— Вообще по аграрному вопросу, — говорил Чернов, — наблюдается саботаж, но мы надеемся, что этот саботаж нами будет ликвидирован.

В общем речь его не внесла сколь-либо серьезной определенности. По докладу записалось много ораторов, так что прения по аграрному вопросу должны были занять не менее десяти дней.

26 мая в утреннем заседании наступила моя очередь. Справившись о времени своего выступления, я прибыл заблаговременно и, вместо того чтобы занять свое обычное место в шестом ряду партера, на этот раз прямо вошел на трибуну, где заседал президиум.

Жду, что при открытии заседания Авксентьев скажет: слово предоставляется Оленину. Однако пришлось услышать другое. Авксентьев сказал:

— Лидер партии социал-демократов большевиков, т. Ленин, просит предоставить ему слово вне очереди, ибо он настолько занят, что сможет выступить только сегодня.

— Просим! Просим!—зашумел зал.

На трибуну быстрыми шажками, торопливо вошел Ленин. Небольшого роста, коренастый, с лысой головой, высоким лбом, блестящими глазами.

Зал разразился громом аплодисментов.

Стоя позади президиума, я пробовал подсчитывать число присутствующих. В зале не было ни одного свободного места. Весь партер, проходы, ложи и все шесть ярусов заполнены народом.

Очевидно о выступлении Ленина было известно раньше. Ленин выждал окончания аплодисментов.

Совершенно простым, доступным простому крестьянину языком, несколько картавя, Ленин начал свою речь. Он говорил, что он предлагает проект резолюции по аграрному вопросу от имени социал-демократической фракции съезда, указывая, что проект этой резолюции заранее напечатан и уже роздан делегатам.

— Я не могу,—говорил он, —в кратком докладе развить все основные положения. Основные мотивы моей речи заключаются в том, что земля должна быть немедленно изъята от помещиков и передана без всякого выкупа крестьянам. Вообще собственность на землю должна быть уничтожена. Съезд должен категорически отвергнуть предложение крупной и мелкой буржуазии о том, что должно быть заключено «соглашение» с помещиками.

Ленин говорил немного более часа. Весь зал слушал его с настороженным вниманием. Я же не столько вслушивался в речь Ленина, сколько смотрел на него, стараясь проверить правильность утверждений и слухов, ходивших в армии и здесь, что Ленин является агентом германского генерального штаба.

Не похоже.

Простота речи, убедительность, с какой он говорил о необходимости ликвидации помещичьих землевладений,— все это выдавало в нем настоящего революционера, друга народа и никак не политикана и тем более шпиона немецких властей.

Речь Ленина была покрыта бурными аплодисментами большинства зала.

Следующим оратором выступил эсер, кажется, Вебер, который пытался в своей речи разбить положения, выдвинутые Лениным. Вебер говорил, что он должен констатировать большой прогресс в умах большевиков, в том числе и Ленина.

— Было время, — сказал Вебер, — Ленин рекомендовал изъять у помещиков лишь отрезки, остальное же должно было остаться в руках государства. Теперь же Ленин рекомендует взять от помещиков всю землю и притом немедленно.

Долго и туманно говорил Вебер, стараясь разбить положения Ленина, но весь зал слушал его равнодушно.

По окончании речи Вебера Авксентьев предоставил слово представителю 11-й армии Оленину.

Подошел к кафедре. Осмотрелся, увидев направленные в мою сторону тысячи глаз, почувствовал такую робость, что даже колени задрожали. Выступать перед такой огромной аудиторией, с таким обилием умных и больших людей, старых революционеров, имевших за спиной каторгу, ссылку и тюрьмы, мне, бедному армейскому поручику, стало страшно. Легче итти в штыковую атаку на фронте, чем говорить по аграрному вопросу на этом съезде. Ко всему этому прибавилось ощущение неловкости от направленных в мою сторону лорнетов дам, сидящих в ложах.

«Какого чорта баб-то сюда напустили», — мелькнуло в моей голове.

Однако, надо было говорить.

— Товарищи,—начал я, — солдаты-крестьяне одиннадцатой армии уполномочили меня заявить...

— Громче, громче, не слышно! — раздалось со всех сторон.

— Солдаты-крестьяне уполномочили меня... — резким фальцетом прокричал я.

— Не слышно!

— Солдаты-крестьяне... — уже начал басить я, — а в общем я прочту наказ.

И я по наказу прочел мою речь на первом Всероссийском крестьянском съезде.

Рядом, справа, за большим столом сидит целая дюжина стенографисток. Когда я начал читать наказ, то заметил, что

стенографистки не записывают. Но как только окончилось мое чтение, одна из них протянула руку, чтобы забрать у меня читанный мною документ.

Во время чтения наказа я успокоился, пришел в себя и решил кое-что добавить от собственного разума. И уже громким голосом, слышным всей аудитории, сказал:

— Мы, солдаты-крестьяне, крестьяне-военные, требуем немедленно объявить землю общенародным достоянием. Немедленно изъять ее из владения помещиков и передать в ведение местных земельных комитетов. Только это мероприятие, произведенное немедленно, может успокоить настроение солдат, сидящих с винтовками в руках в далеких окопах.

Взрыв аплодисментов.

Аплодисменты еще более повысили мое настроение, и я хотел говорить еще, но Авксентьев зазвонил в колокольчик и, обращаясь в мою сторону, произнес:

— Ваше время истекло, товарищ.

— Я повторяю еще раз, — воскликнул я, — земля должна быть немедленно объявлена общенародным достоянием.

Еще раз слышу аплодисменты.

Сразу вышел в фойе, куда немедленно выбежали делегаты 11-й армии.

— Молодец, хорошо, здорово сказал! Посмотри, что сейчас делается в зале заседания.

Взглянул в зал.

Ряд армейских делегатов другий армий в партере выкинули несколько знамен с надписанными на них требованиями — объявления земли общенародным достоянием. Шум стоял невообразимый. Одни аплодировали, другие шикали, свистели, топали ногами. Кавардак был такой, что председательский колокольчик долго не мог успокоить эту разбушевавшуюся стихию.

Наконец, Авксентьев овладел собранием.

—Мы считаем, — заявил Авксентьев, — что здесь допу-

щен демагогический лозунг. Объявить землю народным достоянием может только Учредительное собрание. Выставлять такие требования, а тем более выбрасывать знамена с подобными лозунгами — вещь недопустимая. Президиум вынужден будет сложить с себя полномочия, если сейчас же из партера не будут убраны знамена.

— Пусть складывает! — послышались со всех сторон голоса. — Какой же это съезд, который не может потребовать объявления земли всенародным достоянием? Долой президиум!

Авксентьев, бледный, непрерывно звонил в колокольчик, призывая съезд к порядку. Президиум решил объявить перерыв, призывая делегатов спокойно обдумать неосмысленные требования.

— Долой! Долой! — кричал зал.

Перерыв.

В фойе меня окружило несколько кряжистых мужиков.

— Как же вы можете провозглашать лозунг объявления земли общенародным достоянием? — настойчиво пристают они ко мне. — Ведь вот вы офицер, кажется, человек с понятием, а идете на поводу у низменных инстинктов. Надо, чтобы все-таки был порядок. Вот будет Учредительное собрание, оно рассудит, скажет, как, на каких условиях взять землю у помещиков, как уравнять землевладения.

— Словом, вы предлагаете: барин приедет, барин рассудит, — рассмеялся я. — Нет, господа, этот номер не пройдет. Землю надобно немедленно отдать мужику.

Почувствовав, благодаря пережитому напряжению, озноб во всем теле, решил поехать домой. Подойдя к трамвайной остановке, я от упадка сил не мог стоять, всего лихорадило. Подозвал извозчика, дал адрес на Васильевский остров.

Жена при виде меня испуганно вскрикнула:

— Что с тобой?

— Болит голова, нездоровится.

Она приложила руку ко лбу:

— У тебя сильный жар.

Она сбегала к квартирной хозяйке, взяла термометр, сунула мне подмышку и через десять минут констатировала:

— Температура сорок и две десятых.

Я заболел ангиной. Две недели пролежал я, съезд окончился уже без меня.

Денег осталось мало. Приглашать частного врача было не на что. Люся сбегала на съезд, сказала о моей болезни секретарю съезда Брусиловскому, получила от него записку к ближайшему врачу, который вскоре прибыл, осмотрел, прописал полный покой и различные лекарства.

Хозяйка говорит, что в Петрограде сильно свирепствует ангина.

Выздоровев, пошел в крестьянский совет. Съезд окончился, выбран ЦК Крестьянского съезда. В составе последнего образована специальная солдатская секция. Председатель Оцуп, старый эсер, никогда в армии не служивший. Он избран председателем только за свой продолжительный партийный стаж. От 11-й армии избран Грудин, делегат от специальных армейских частей.

Я познакомился с Оцупом, прося его дать мне поручение вести работы по пропагандированию идей Крестьянского съезда в армии.

— Вы член партии? — спросил Оцуп.

— Нет.

— А почему вы не запишетесь?

— Еще не осмотрелся, не знаю, в какую.

— Вы из крестьян? Я читал вашу речь. Вы настоящий эсер.

— Ну, положим, не совсем. А кроме того среди эсеров три течения. Есть левые, есть центр, есть правые.

— Левые — чепуха, — поморщился Оцуп. — Кто там у них? Камков со Спиридонихой. Неврастеник, истеричка.

— А центр кто возглавляет?

— В центре Чернов, я—много нас.

— Не хочется мне пока связываться с партией, так свободней.

— Нет, нет, нельзя. Это дело простое, если не понравится, всегда сможете выступить.

— Все же подожду.

— Думайте, не думайте, а вы у нас будете зарегистрированы. Пишите с фронта. Обращайтесь за помощью, если потребуется. Мы всегда будем вам помогать.

Я простился с Оцупом и на следующий день выехал на фронт.

ГЛАВА IX

ИЮНЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Июнь

До полка добрался без каких-либо приключений. В Тарнополе узнал, что полк находится на новой позиции, левее Хокулеовца километров на восемь, в Зборовском направлении, километрах в десяти правее от станции Езерно.

До Езерно доехал этапным поездом, а оттуда устроился на шарабане вместе с врачом 3-й дивизии Плавкиным.

За время моего отсутствия произошли перевыборы полкового комитета. Председателем теперь Блюм. Солдаты больше доверяют врачу, чем офицерам. Кроме Блюма, из офицеров в полковом комитете сохранились лишь Боров и Калиновский, как явно демократические в глазах солдат.

На следующий день вместе с Блюмом поехали в штаб дивизии.

Блюм рассказал новости. Соболев утвержден в должности командира полка, но вряд ли надолго. Он делает множество бестактностей. Открыто при солдатах говорит, что он не признает никаких прав комитетов. Блюму приходится нередко осаживать Соболева. Врачу или офицеру очень трудно быть председателем полкового комитета. Солдаты же отказываются избирать председателя из своей среды, боясь, что солдат не справится с этой работой.

Наступление ожидается со дня на день. Наша дивизия как будто будет иметь второстепенное значение. Всюду накоплены колоссальные запасы снарядов. Я видел, проезжая через

Езерно, огромные штабеля снарядов всех калибров под открытым небом, прикрытые лишь брезентами.

— Как относятся к наступлению солдаты?—спросил я Блюма.

— У нас в дивизии ничего. Вопрос обсуждался в полковых комитетах и в дивизионном. Всюду единогласно приняли выполнить приказ о наступлении.

— Комитеты — это одно, а как смотрят в ротах?

— В ротах то же самое. У нас в полку только один человек против наступления. Это Калиновский, который за последнее время смотрит большевиком. Если в ротах появляются отдельные люди, говорящие против наступления, их оттуда немедленно убирают. Братания пошли. Кажется, это общее явление для всего фронта.

— А офицеры в ротах как к этому относятся?

— Конечно, офицеры не ходят вместе с солдатами в братание, но если бы они активно стали противодействовать этому, то братание окончилось бы.

—Еще новость: в армии происходит национальное объединение солдат. На Украине идет Всеукраинский съезд, который обсуждает отношение украинского народа к революции. Петлюра, Винниченко, Обручев, проф. Грушевский издали «Универсал», своего рода манифест, в котором открыто заявляется о необходимости образования самостоятельной Украины. Теперь Украинский съезд обсуждает этот вопрос, причем приглашены для участия в работах съезда представители фронтовых частей и от нас командирован туда прапорщик Боров. Он уже на ряду с нашим полковым комитетом организовал украинский комитет.

— Но Боров человек разумный.

— Он то да, но остальная братия не ахти разумна. Вместе с Боровым работает секретарем комитета Морозов, не украинец, но подделывается под украинца. В комитете же выгоднее сидеть, чем в окопах.

— Как местное население относится к революции?

— Совершенно пассивно. Мужики в тех деревнях, которые приходится нам занимать, больше всего заинтересованы в сохранении своих пожитков от расхищения солдатами, смотрят в оба, чтобы лошадь не увели, корову не сперли, не стащили что-либо из домашних вещей. Ведь все деревни битком забиты солдатами.

Музеус встретил меня ласково:

— Я очень внимательно следил по газетам за работой Крестьянского съезда. Вы, конечно, обязаны разъяснить через делегатов смысл постановлений. В отношении устройства собраний я даю вам разрешение производить их, когда вам будет удобно и нужно.

Я доложил Музеусу, что на основании принятого Крестьянским съездом постановления на мне лежит обязанность организовать собственный крестьянкий комитет.

— Я не возражаю, — ответил Музеус, — только поговорите со Спудре.

Спудре — это дивизионный интендант, избранный в мае месяце председателем дивизионного солдатского комитета.

Пошел к Спудре.

— Мы таких распоряжений не имеем, — сказал Спудре, — чтобы создавать в дивизионном комитете специальную секцию. Если будет соответствующий приказ по военному ведомству, то исполним, а пока вы существуйте отдельно и как хотите.

Я не возражал.

Назначил выборы крестьянского совета на 14 июня.

Солнечный день позволяет устроить собрание на открытом воздухе. В красивом парке усадьбы, занимаемой штабом дивизии, с помощью дивизионных ординарцев расставил несколько скамеек.

Жду прибытия делегатов.

Вместо ожидаемых мною примерно ста пятидесяти человек, на мой отчетный доклад явилось более трехсот одних

солдат. Кроме того, прибыла большая группа штабных офицеров, дивизионных врачей, сестер.

Открывая собрание, просил избрать председателя для руководства собранием. Выбрали солдата, артиллериста Лукашина.

Доклад продолжался около двух часов. Солдаты внимательно слушали мою речь, по окончании которой посыпался ряд вопросов:

— Что насчет наступления сказал Крестьянский съезд? Почему землю сразу не отдают в ведение крестьянских комитетов? Почему нет постановления, чтобы уборку хлебов на помещичьих землях производили не помещики, а волостные комитеты? Почему союзники не хотят немедленно заключить мир и т. д.

Я ответил на каждый вопрос в соответствии с постановлением съезда, сказав, что в отношении войны Крестьянский съезд считает необходимым полное единение с союзниками; что сепаратный мир заключить нельзя, ибо это значит предать союзников; что земля не может быть передана земельным комитетам до Учредительного собрания; что вопроса об уборке урожая с помещичьих земель съезд совсем не обсуждал и т. д.

После этих ответов посыпался ряд новых вопросов, касающихся жизни армии, в частности, почему задерживают увольнение старших возрастов, почему не увеличивают пособия солдаткам и проч.

Ответить на всю сумму вопросов было чрезвычайно трудно. Я внес предложение, чтобы ротные делегаты у себя в ротах выявили все вопросы у солдат и затем сообщили их в крестьянский комитет, который мы сейчас должны избрать. А комитет ответит на эти вопросы и сообщит по всем ротам.

Предложение принято.

Комитет наметили из семи человек. Председателем единогласно избрали меня. Членами: от артиллерии — Лукашина, от штаба дивизии — Игнатова, от 12-го полка — Панко-

ва, от 11-го — Анисимова, от 9-го — Чеботарева, от 10-го — Крушина.

По окончании выборов я предложил устроить сбор пожертвований на содержание комитета, покупку книг, выписку газет и журналов.

На листе бумаги надписали: «Подписной лист пожертвований на содержание крестьянского комитета и культурные надобности». Люди один за другим стали подписываться. Сразу же собрали около двухсот рублей.

После собрания солдаты отдельных полков стали просить меня проехать по полкам и сделать доклад непосредственно солдатской массе лично, так как работами крестьянского совета солдаты заинтересованы до крайности.

Я обещал.

На первом же организационном собрании комитета мы распределили между собой обязанности следующим образом: Панков, делегат 12-го полка, избран казначеем, Крушин — секретарем, причем тройка из секретаря, казначея и председателя составляет своего рода президиум, который освобождается от работы в своих частях и находится постоянно при штабе дивизии. Остальные делегаты в числе четырех являются на заседания комитета, которые будут происходить еженедельно.

Оставшись затем втроем, мы постановили немедленно командировать Панкова в Киев за покупкой литературы, столь необходимой сейчас, и за приобретением канцелярских принадлежностей, в частности шапирографа, на котором будем печатать статьи, воззвания, лекции.

Утверждать протокол общего собрания должен начальник дивизии, от него же зависит разрешение освободить от прямых обязанностей в своих частях избранных в комитет членов.

Музеус протокол утвердил. После этого я обратился к заведующему административной частью дивизии с просьбой

дать комитету отдельную хату, в которой попутно буду квартировать и я.

На окраине деревни, километрах в полутора от штаба дивизии хату отвели.

Всюду усиленно готовятся к наступлению. В штабе дивизии, куда я хожу ежедневно справляться о письмах, происходит совещание высших штабных офицеров, приезжающих из штаба корпуса и соседних дивизионных штабов. День наступления определен точно: 18 июня. Наступает стоящая левее нас дивизия 8-го корпуса, которой ставится задача взять станцию Зборов и после прорыва австрийских позиций закрепиться на указанной станции. Дальнейшее развитие наступления возлагается на Финляндскую дивизию, пока сосредоточенную на ст. Езерно, и гвардейскую дивизию, расположенную тоже вблизи Езерно. 3-я дивизия, т. е. наша, должна оказывать содействие наступающим дивизиям путем мелких демонстративных атак на своем участке.

В общем наступлении крупного участия наша дивизия не принимает.

В полках усиленно дебатируется вопрос об этом наступлении. В 12-м полку заколебались — итти или не итти. Туда лично поехал Музеус, председатель дивизионного комитета Спудре, председатель корпусного комитета Федоров и ряд других лиц. После долгого митинга, на котором доказывали обязательность при оборонной войне вести наступательные действия, 12-й полк принял резолюцию о переходе в наступление.

Дня за два до ожидаемого наступления я поехал на позицию 11-го полка, чтобы повидаться с товарищами. Подъезжая к позиции, я встретил группу в четыре-пять человек, идущих в одних кальсонах и нательных рубашках, без сапог, фуражек и гимнастерок. Эту группу сопровождал конвой из двух вооруженных солдат.

— Кого это вы ведете? — спросил я. — Шпионов, что ли?

— Никак нет, господин поручик, это солдаты, отказывающиеся итти в наступление.

— Почему же вы их раздели?

— По приказу: все, кто против наступления, должен быть немедленно раздет и в голом виде отправлен в штаб дивизии.

— Однако вы их ведете не в голом виде, оставили кальсоны.

— Да неудобно все же, господин поручик, совсем голых-то вести.

Зашел в 10-ю роту к Соколову.

— А, комитетчик, — иронически приветствовал он меня. — Присосался, вместо того, чтобы сидеть в окопах и итти в наступление.

— Разве вы против наступления?

— А кому охота наступать-то? — осторожно оглянулся Соколов по сторонам. — Когда в штабах сидишь, ратуешь за всякие наступления, а здесь, когда тебя каждую минуту пулей или снарядом того гляди ахнет, не очень-то захочешь. Мы вот брататься думаем.

— Поздно, на-днях наступать.

— Слышал, да только мы-то не наступаем, мы будем спокойно сидеть в своих окопах.

— Вряд ли долго посидеть придется, если слева будут взяты позиции, то естественно и вам придется итти вперед.

— Ну, тогда все-таки легче будет.

Прошел по ротам в окопах. Поговорил с солдатами. Бегло рассказал им об отношении Крестьянского съезда к войне и к аграрному вопросу.

— Будете в резерве, сделаю вам подробный доклад, а здесь на позиции трудно.

Возвращаясь обратно к штабу дивизии, я заметил на участке правее 12-го полка большое оживление перед окопами. Люди ходили совершенно свободно около проволочных заграждений.

«Что это? Очередное братание повидимому?» — подумал я.

Подошел поближе. Большая группа солдат на довольно большом участке, на протяжении с четверть километра, выступила из окопов, подошла к проволочным заграждениям. Австрийские солдаты в свою очередь выступили из своих окопов и остановились у своих проволочных заграждений. И те и другие без винтовок.

Не прошло и пяти минут, как над группой беседующих через проволоку людей разорвалось несколько очередей шрапнельных снарядов. В ответ через минуту над моей головой пролетело несколько снарядов, направленных австрийцами на русскую батарею.

Не дают брататься!

Дивизионные организации получили извещение, что в Езерно прибывает министр председатель Керенский, и предлагается командировать своих представителей. От дивизионного комитета выехал Спудре, от крестьянского совета — я.

Часов в десять утра мы были в Езерно. На станции стоит шикарный поезд. Вокруг станции построено большое количество частей 8-го корпуса, а также представителей других корпусов и дивизий, которым предназначено в ближайшие дни наступать на австрийские позиции.

Около одиннадцати часов из вагона в сопровождении многочисленной свиты, состоящей из штабных офицеров, груди коих украшены аксельбантами, быстрой нервной походкой вышел Керенский. Я видел его впервые. Сухощавый, среднего роста, одна рука заложена за борт пиджака-френча, стриженный под бобрик, с актерским лицом, он, сойдя со ступеньки вагона, отрывисто бросил:

— Здравствуйте, товарищи!

Выстроившиеся части недружно прокричали:

— Здравствуйте, тов. министр!

Другие:

— Здравствуйте, тов. председатель!

Третьи:

— Здравствуйте, тов. Керенский!

Керенский сделал несколько быстрых шагов по платформе, затем обратился с речью к выстроенным солдатам:

— Свободная Россия, — начал он пронзительным фальцетом,—может быть только тогда свободной, когда расправится с внешним врагом. Временное правительство, поставленное властью революции для обеспечения свободы Российскому государству, должно в единении с союзниками успешно закончить войну. Честный и справедливый мир на основе равноправия народов может быть заключен только в том случае, если мы в полном единении с союзниками распорядимся с основным врагом свободного Российского государства — немцами.

Я меньше слушал Керенского, чем смотрел на его внешность. Быстрая жестикуляция, метание из стороны в сторону, усиливающийся с каждым словом пафос — горячо и взбудораженно действовали на толпу.

Солдатская масса видела в Керенском вождя революции, министра, ведущего огромную страну к новому строю, героя, который своими подвигами поверг в пучину старый строй.

Чем дальше говорил Керенский, тем более зажигались солдаты и после его речи, законченной словами:

— Кто против наступления, тот враг революции!

посыпался гром аплодисментов.

Настроение солдатской массы было определенно сочувственным, и вопрос о переходе в наступление становился бесспорным. Однако вслед за Керенским выступил председатель гвардейского дивизионного комитета, прапорщик Дзевалтовский.

— Временное правительство,—говорил Дзевалтовский,— стремится соблюдать договор с союзниками. Договор, заключенный старым царским правительством, которое

преследовало цель захвата Дарданелл, уничтожение Турции, раздел Германии и т. д. Во имя чего заключались эти договоры? Во имя наживы капиталистов, благоденствия правящих классов, а вовсе не ради благополучия трудящихся России. В то время как министр Керенский призывает солдат к наступлению, русские капиталисты наживаются на продовольственных заготовках, на поставляемой в армию рухляди, барахле и всяком гнилье. Защита революции заключается не в наступлении и не в убийстве таких же трудящихся австрийцев и немцев, как и наши солдаты, защита революции заключается в том, что наши солдаты должны протянуть руку через окопы немцам и австрийцам и призвать их совершить у себя то же, что совершили питерские рабочие у нас. Кто за наступление, тот враг революции, тот за капиталистов, за реставрацию старого строя. Кто против наступления, тот истинный друг народа, тот истинный защитник революции!

За Дзевалтовским выступило еще несколько солдат и прапорщиков гвардейских и других частей.

После них опять выступил Керенский. Он обвинял выступавших ораторов, что они являются прямыми друзьями немецкого генерального штаба, что место им, как шкурникам и предателям революции, не в армии, а там же, где находятся бывшие министры и сторонники старого строя.

Керенский говорил страстно и своей речью захватил солдатскую массу. Результатом было единодушное голосование за наступление.

После митинга Керенский в сопровождении своих адъютантов направился в другие части, расположенные в окрестностях Езерно, чтобы лично агитировать за наступление. Мне потом говорили, — он неоднократно повторил фразу, что в предстоящее историческое наступление на немцев он сам, министр председатель, с винтовкой в руках поведет вперед наступающие войска...

Дивизии 8-го корпуса перешли в наступление на Зборов. Слышался сильный гул артиллерийской стрельбы, интенсивно развитой с обеих сторон. Впечатление такое же, как в прошлое наступление под Сапановым. Артиллерия 3-й дивизии в свою очередь обстреливает австрийцев, помогая тем самым наступлению соседей.

Артиллерийская стрельба продолжалась в течение нескольких часов. По установленной прямой связи штаба дивизии с наступающей дивизией получено по телефону сообщение:

— Полки перешли в наступление. Взята первая линия окопов. Захвачены пленные.

Через полчаса:

— Взята вторая линия окопов, захвачена тысяча пленных.

Через час:

— Захвачена третья линия окопов. Весь Зборов в наших руках. Взято восемь тысяч пленных, несколько десятков орудий. Наступление энергично развивается.

Наступившая ночь прервала дальнейшее движение наших войск.

19 июня с раннего утра началась опять артиллерийская канонада. Музеус, волнуясь, ходил около штаба дивизии, нервно постукивая стэком по сапогам, ожидая с минуты на минуту извещения из корпуса о переходе в наступление частей нашей дивизии. Рядом стоит приготовленный мотоцикл с коляской для выезда Музеуса на позицию.

В девять утра ошеломляющее известие: Финляндская дивизия отказалась наступать. Вслед за ней отказались перейти в наступление и гвардейские части.

Срывалась атака вчерашнего дня и достигнутые успехи. Австрийские части, получившие за ночь подкрепление, перешли сами в контр-наступление и выбили русских из Зборова. Русские отступили с большими потерями. Получено распо-

ряжение штаба армии прекратить наступление и обороняться на своих участках.

— Позор, предательство, подлость! — кричал Музеус, комкая полученную телеграмму об отказе финляндцев итти в наступление.—Христопродавцы, изуверы, предатели.

К вечеру в дивизионном комитете стало известно более подробно о поведении Финляндской дивизии. В этой дивизии, из которой в свое время приезжал к нам прапорщик Крыленко, оказалось большое количество большевиков. Большевики вели агитацию против наступления. Несмотря на то, что накануне наступления и полковой комитет и общее собрание постановили итти в наступление, 18 июня в день наступления большевистские агитаторы настроили солдатскую массу таким образом, что когда полк был построен, чтобы двигаться в Зборов, один из батальонов, возглавлявшийся прапорщиком-большевиком, громко заявил, что отказывается итти в наступление. К этому батальону присоединились другие части 13-го полка. Остальные полки Финляндской дивизии, узнав об отказе 13-го полка, в свою очередь отказались итти в наступление.

В дивизии всюду идут митинги. Из штаба армии грозят дивизию расформировать, как покрывшую себя позором— отказом от наступления.

В дивизионном комитете получены сведения, что один из корпусов, расположенный в Кременце, который должен был в свою очередь двинуться на позиции, отказался пойти. Один из полков этого корпуса расформирован, а люди рассылаются на пополнение в другие части.

Не понимаю, зачем производят расформирование? Если один полк или дивизия не хочет наступать, а другие наступают, то и чорт с ней, пускай временно задержится в тылу. Но если из такой дивизии или отдельной части людей рассылают по всем другим частям, то этим самым вливают большое количество агитаторов в верные правительству войска.

25 июня наша дивизия продвинута на смену ведшей наступление дивизии 8-го корпуса. Заняли ее позиции под Зборовым. О дальнейшем наступлении пока не слышно.

Провал июньского наступления обсуждается во всех комитетах и делегатами рот.

— А ведь правильно, — говорят солдаты, — с какой стати нам сейчас наступать? Будем держать свои границы и не пускать неприятеля в Россию. Если немец пойдет на Россию, но, уж тогда и будем защищать. А так как они сидят на своей территории, так чего же и нам лезть?

В этих рассуждениях была известная логика.

Пользуясь затишьем, я езжу по полкам нашей дивизии и делаю доклады о Всероссийском крестьянском съезде. Не проходит ни одного дня, чтобы я сидел спокойно в своей хате.

Панков привез большое количество литературы из Киева. У нас получилась приличная библиотека, для которой я выпросил в 11-м полку парную повозку для перевозки библиотеки при передвижении с места на место. Когда же останавливаемся на одном месте надолго, то книги выгружаются из повозки в хату и представители полков могут приходить и свободно брать их для чтения.

По распоряжению штаба корпуса от нас убрали Калиновского «за вредный образ мыслей» и направили в распоряжение штаба Киевского округа. Некоторые офицеры завидуют такому обороту дела. Поговорил человек о том, что наступать не следует, и вот получил спокойную службу в тыл. Этак каждый рад будет в тыл отправиться.

Вернувшийся с Украинского съезда прапорщик Боров рассказывает об украинских настроениях.

— Русские газеты врут, — возмущался Боров, — ни о какой самостийности украинцы не думают. Была отдельная группа самостийников, но их съезд осудил. Украинский съезд стоит на точке зрения федерации и в первом пункте

принятого «Универсала» прямо говорит, что развитие Украины немыслимо без единения с Россией.

— А для чего формировать национальные части?

— Обязательно, необходимо. К окончанию войны у нас на Украине должна быть подготовлена самостоятельная армия.

— А зачем иметь отдельную армию для Украины, когда можно иметь одну общую для всей федерации?

— А потому, что украинцы должны проходить военное обучение на своем родном языке.

— Не разделяю я вашего мнения, Боров, я думаю, что армия все же должна быть одна. А то при наших ста народностях в России будет сто различных армий. Чорт знает что получится!

— Да, но другой такой народности, как украинцы, в России нет. На Украине тридцать миллионов жителей.

Дальше Боров передал, что в Киеве создана специальная организация, разрабатывающая положение об украинских частях. Имеется в виду организовать ряд украинских корпусов из частей Юго-западного фронта, в которых преобладают украинцы.

— Из 17-го корпуса, — говорил Боров, — намечено превратить в украинский полк наш 11-й полк. Сначала предполагали всю дивизию, но потом решили, что сразу трудно справиться с крупным формированием.

— Куда же я то денусь? — пошутил я. — В украинцы, что ли, мне обращаться или удирать из полка?

— Что же, можешь украинцем заделаться. Вот у меня Морозов — секретарь украинского комитета, а сам туляк. Нужно только язык знать.

Керенский издал приказ о присвоении частям, принимавшим участие в наступлении 18 июня, почетное название «полков 18 июня». Наш 11-й полк этого звания не получает,

так как из частей 3-й дивизии некоторое частичное участие принимал в наступлении лишь 12-й полк.

Введено новое высшее отличие для офицерского состава: офицер, отличившийся в войне за революционную Россию, будет награждаться солдатским георгиевским крестом.

В 12-м полку чуть ли не все офицеры представлены к солдатскому георгиевскому кресту.

ГЛАВА X

ТАРНОПОЛЬСКИЙ ПРОРЫВ

Июль

Пятого июля у меня состоялось очередное собрание крестьянского комитета с представителями от рот. Член комитета Лукашин поставил вопрос о нашем отношении к наступлению.

— Все комитеты,—говорил Лукашин,—выносят постановления о том, нужно ли наступать, или нет. Наша организация, объединяющая вокруг себя солдат-крестьян, не может остаться безразличной к этому вопросу.

— Что же, прошу высказываться,—предложил я.—Кто хочет говорить по этому вопросу?

Молчание.

— Видно вам, товарищ Лукашин, придется первому говорить по этому вопросу.

— Хорошо, буду я,—сбросив фуражку, согласился Лукашин.—Вот что, товарищи. У нас в артиллерии обсуждался вопрос об отношении к наступлению и к братанию, потому что нас, артиллеристов, заставляют стрелять по своей же братии, когда она выходит из окопов для братания. Первое время мы выполняли это распоряжение. Потом обсудили на своем комитете и решили, что стрелять мы не должны, потому что солдаты имеют право брататься. Солдаты братаются не с офицерами. Нам нужно, товарищи, объединиться с крестьянами всего мира. Да и как мы будем стрелять по противнику, когда он по нас не стреляет? Ну, уж если

сами австрийцы начнут палить, то и нам волей-неволей придется, а отсюда, товарищи, значит, что наступления больше быть не должно. Оставайся на своих позициях — и только. А уж если на нас будут напирать, тут придется не жалеть ни снарядов, ни пуль, ни своих жизней. Правильно я говорю, товарищи?

— Правильно, правильно! — закричали со всех сторон.

— Кто еще хочет высказаться? — спросил я, но на меня стали напирать с криками:

— Чего уж тут говорить! Лукашин правильно сказал. Довольно стрелять!

Долг прапорщика заставлял меня выступить против предложения Лукашина, но втайне я чувствовал, что он прав. Стрелять по братающимся нельзя, а раз нельзя стрелять по братающимся, то с какой стати переходить в наступление? Совершенно ясно, что каждому из нас хочется остаться в живых и как можно скорее окончить войну. Все равно серьезного наступления, которое бы привело к окончанию войны, мы сделать не в состоянии. Это прекрасно показал опыт наступления восемнадцатого июня. И я предложил Лукашину составить резолюцию, но все решили, что напишем ее после и прочтем на следующем собрании.

Мигом облетела всех молва о решении крестьянского комитета и стала известна Музеусу. Он вызвал меня для объяснения.

— Так, значит, и ваша организация против наступления?

— Так точно, господин генерал.

— Не ожидал. Думал, что крестьянская организация будет более дисциплинированной и поведет линию, которую ведет их центральный комитет.

Я объяснил ему, что сейчас крестьянские комитеты почти по всей армии склоняются к тому мнению, что организовать наступление очень трудно. Солдаты устали, жаждут мира, и напрасно тратить средства и человеческие жизни.

— Но я должен доложить вам, господин генерал, что

наш комитет постановил твердо держать оборону позиций и отстаивать их не щадя сил и жизней, если австриец вздумает сам перейти в наступление.

Музеус покачал головой и молча протянул мне на прощание руку.

Шестого июня мне предстояло итти в район 35-й пехотной дивизии, где я договорился об устройстве митинга и организации там дивизионного крестьянского комитета.

Собрание было назначено на восемь часов утра. Но уже часа в три наша деревня подверглась ожесточенному артиллерийскому обстрелу. Снаряды рвались около самой хаты, занимаемой комитетом. Пришлось наспех одеться и укрыться в убежище.

Обстрел продолжался несколько часов. По выходе из убежища я увидел, что половина деревни сгорела. Стрельба продолжалась по линии окопов. Австрийцы вели ожесточенную бомбардировку по всему фронту, и были слышны разрывы снарядов на позициях правее нашего полка. Австрийцы очевидно что-то затевали. Итти в 35-ю дивизию было уже поздно, и часов в одиннадцать я решил отправиться в полковую канцелярию 11-го полка, чтобы получить пересланное туда из обоза 2-го разряда мое жалованье. Поднявшись в гору, я увидел картину артиллерийского обстрела наших позиций, над которыми далеко вправо были видны огромные клубы дыма и пыли. Наша артиллерия отвечала австрийцам. Не пройдя и половины пути до деревушки, где расположена канцелярия и обоз 1-го разряда, я увидел скачущего ко мне навстречу ординарца.

— Поручик, наши оставили деревню!

— Как оставили?

— Еще часа полтора тому назад обоз 1-го разряда срочно выехал по направлению к Тарнополю. Австрийцы прорвали фронт.

— Прорвали? Где?

— Около Манаюва. Захватили Олеюв. Обоз 2-го разряда под угрозой захвата. 35-я дивизия спешно отошла.

Досадуя на себя за то, что перед уходом не наведался в штабе дивизии о причинах такой ожесточенной стрельбы по всему фронту, я быстро повернул назад, в деревню, но оттуда уже выезжал штаб дивизии. Я бросился к своей хате в надежде пристроить свои вещи и библиотеку на какую-либо из подвод дивизионного обоза. Моя повозка только накануне была отправлена с Лукашиным за фуражем, и нельзя было рассчитывать на ее скорое возвращение.

В хате застал Панкова, спешно увязывающего книги.

— Куда же мы их положим?

— Я тоже думаю, куда их положить. Может быть как-нибудь на себе дотащим.

— Да куда же к чорту на себе тащить! У меня чемодан еще есть. Знаешь, Панков, бери переписку, а остальное будем живы — наживем.

Мимо окон замелькали повозки нашего перевязочного отряда.

Бросив чемодан на одну из санитарных повозок, я отправился к Блюму. Он разговаривал по полевому телефону с позицией, где в это время находился Соболев.

— Все уходят,—говорил Блюм.—Я на всякий случай свой перевязочный отряд тоже свернул и выслал из деревни. Какие будут распоряжения?

Соболев ему ответил, что об отступлении никаких сведений он не имеет и считает всю эту панику напрасной.

— Штаб дивизии уже выехал,—доложил ему Блюм.—Думаю, что вас просто забыли известить.

— Пусть его связывается с кем хочет,— сказал Блюм и бросил трубку,— а нам надо выезжать. Вы знаете, что произошло?

— Ничего не знаю. Говорят, что прорвали фронт где-то около Манаюва и уже взят Олеюв. Я это слышал от полкового ординарца.

— Я тоже ничего не знаю. Штаб дивизии снялся. Музеуса самого нет. Он вызван в штаб корпуса, и вот без него та-

кая катавасия. Попробую все-таки еще раз спросить Соболева. — И Блюм опять нажал кнопку телефона, но никто не отвечал. — Ну, значит или телефон перебили, или его снимают. Поедемте!

— А на чем?

Блюм ударил себя ладонью по лбу.

— А ведь ехать-то, действительно, не на чем! Отряд отправил, а мой денщик вчера уехал, кажется, с вашим Ларкиным в обоз за фуражем.

Он посмотрел на свои пожитки.

— Ну, чорт с ним, пускай и самовар тут остается!

Блюм захватил с собой только маленький саквояжик, и мы направились с ним догонять перевязочный пункт и настигли его уже в конце деревни, где она упиралась в небольшое болото. У моста через речку получилось загромождение, ибо каждая из повозок стремилась выбраться из деревни первой. Образовалась пробка и страшная сутолока.

Объехать мостки не представлялось возможным, ибо по сторонам было хотя и небольшое, но топкое болотце, через которое не только нельзя проехать на лошади, но и перейти пешеходу.

Тяжелая брань висела в воздухе.

— Чего там передние канителят? — кричали сзади. — Австрийцу, что ли, хотят сдаваться?.

А передние не могли пробраться с мостков, так как несколько повозок, въехавших одновременно на мостки, так крепко сцепились друг с другом, что никак не могли тронуться с места.

Мы с Блюмом протискались вперед. На самом мосту оказалась повозка с вещами Блюма, которой руководил его денщик Ерохин.

— Ерохин, чего ты тут путаешься? — всердцах крикнул Блюм.

— Владимир Иванович, никак не отцеплюсь.

— Так к чорту колеса, руби их!

— А как же дальше-то ехать без колес-то?

— Починишь!

— А когда чинить?

— Ну, не болван ли ты, Ерохин? Сколько времени стоишь на мосту!

— Почитай, что целый час.

— За час можно и новые колеса сделать.

— Подите-ка, сделайте. А ежели еще ось сломают, куда дальше тронешься? Ну, ты! — крикнул Ерохин на лошадь, изрядно постегивая ее кнутом.

Лошадь дернула, но повозка осталась на месте.

— Эх, Ерохин, Ерохин, чудак ты! Вместо того чтобы ругаться,—обратился Блюм к сопровождавшим повозки нескольким обозным солдатам,—вы бы попросту подняли одну из повозок на руки и расцепились.

— А, ведь, правду доктор-то говорит!

Несколько человек обозников подошли к застрявшим повозкам, подняли одну из них вверх. Запряженные лошади почувствовали облегчение, тронулись вперед и повозки легко перешли на другой берег. Ожидавшие разгрузки моста с гиком погнали свои повозки вперед.

— Тише, тише!—закричал на них Блюм.—Опять, черти, застрянете. По очереди переезжайте!

Серьезный тон Блюма подействовал отрезвляюще. Прежде чем въехать на мост обозники слезли со своих повозок, бережно брали под уздцы свою лошадь и потихоньку переходили мосток. Мы в течение минут двадцати стояли около моста, помогая производить переезд обозников без излишней паники и затора.

Когда переезд был закончен, мы отправились пешком вслед за повозками, делясь друг с другом впечатлениями относительно происходящего отступления и тупости наших русских обозных, которые в самые критические моменты умеют устроить такую пробку и так застопорить движение, что лучше не смог бы сделать наш самый заядлый враг.

По пути попалась небольшая деревушка, в садиках которой были сложены запасы артиллерийских снарядов.

— Интересно, что со снарядами будут делать? — обратился ко мне Блюм.

— Давайте спросим у артиллеристов.

И мы подошли к группе солдат, охранявших запасы.

— Вы знаете, — обратился к ним Блюм, — что армия отступает?

— Никак нет.

— Разве у вас нет телефона?

— Телефон-то есть, да он не работает.

— Отступают, — сказал Блюм. — Вам тоже надо уходить.

— А со снарядами как?

— У вас же должны быть какие-нибудь инструкции, что делать со снарядами, если отступают.

— Инструкции нет. Распоряжение было, что в случае отступления — взрывать.

— Так взрывайте.

— Взрывать-то легко, а вдруг отступления-то нет никакого? Как же без распоряжения?

— Чудаки вы! Разве не видите, что мы уходим?

Но мы не убедили солдат в том, что лучше двести тысяч снарядов взорвать, чем отдать неприятелю, и опять стали нагонять наш обоз.

Вечерело. Солнце было большое и красное. С севера наползали дождевые тучи.

— До каких же пор итти-то будем? — обратился я к Блюму. — Связи нет, так можно, не останавливаясь, до самого, что называется, Волочиска докатиться.

— До Волочиска не дойдем. Очевидно где-нибудь около Стыри застрянем.

Послышался звук мотора.

— Очевидно штабные на автомобиле удирают, — сказал я Блюму, обращая его внимание на шум мотора.

— Какие там штабные, — обратился он ко мне. — штаб дивизии ушел раньше нас. Не аэроплан ли это?

Мы оглянулись и со стороны австрийских позиций заметили несколько аэропланов.

— Австрийские, — задумчиво произнес Блюм. — Видите, кресты на крыльях.

Для меня тоже стало ясно, что это — немецкие аэропланы, производящие разведку об отступлении русских войск. При приближении к нашим обозным колоннам аэропланы снизились настолько, что их можно было бы обстрелять ружейным огнем.

— Интересные птицы, — задумчиво проговорил Блюм. — Парят себе в воздухе спокойно. Видят далеко вокруг. Жаль, что у нас авиация слаба.

Мы остановились, подняв вверх головы, следя за полетом аэропланов. Два аэроплана, сделав несколько кругооборотов, начали быстро снижаться над нашим обозом и спустились настолько, что можно было видеть летчиков, сидящих за моторами.

— Жаль, что винтовки нет,—сказал Блюм.—Обстрелять бы.

Очевидно, австрийские самолеты убедились, что отступающий обоз не имеет возможности оказать им какое-либо сопротивление, и вслед за снизившимися двумя аэропланами начали снижаться остальные, кружась над обозом на расстоянии каких-нибудь трехсот-пятисот шагов.

Обозники повскакали со своих повозок, стараясь укрыться под ними от взоров неприятельских летчиков. С аэропланов затрещали пулеметы. Солдаты в испуге шарахнулись в сторону. Лошади бешено понеслись. Люди побросали своих лошадей и рассыпались по полю мелкими кучками.

— Ложитесь! — крикнул мне Блюм и ничком бросился на землю.

— Лучше ли будет? — спросил я, следуя за ним и опускаясь на землю.

Шагах в десяти от Блюма я приник к земле в полной уверенности, что наступили последние минуты моей жизни, но

обстрел с аэропланов продолжался недолго. Австрийские самолеты минут пятнадцать кружились точно коршуны над нашим обозом, выпуская ленту за лентой. Большое мертвое пространство, получающееся при вертикальной стрельбе, не позволило австрийцам развить меткий огонь. Пули ложились за ними далеко в поле.

Весь обоз рассыпался по полю. Обозники долго собирали лошадей с повозками.

— С аэропланным крещением! — говорил мне, смеясь, Блюм.

— Спасибо, и вас с тем же. По совести говоря, не хотел бы еще раз пережить подобные ощущения. А ведь и в штыковых атаках бывал...

— Я тоже переживаю в первый раз, — ответил Блюм. — В аэропланном обстреле интересно одно, что он приносит лишь моральный урон и почти никакого физического. Вы видели, сколько времени стреляли по нас? Однако не только нет убитых, но даже ни одного раненого. Нужно быть весьма и весьма метким стрелком, чтобы уязвить при вертикальном обстреле идущие надземные цели. Другое дело, если бы аэроплан стрелял в горизонтальном положении. В последнем случае пулемет пронзил бы нас, как и все, что встретилось бы на его пути. При стрельбе же сверху пулемет может поразить лишь тот объект, который попадает непосредственно в сферу его действия, точно град в летнюю пору.

— Что же, и град убивает иногда, — заметил я Блюму.

— Но для того, чтобы был пулеметный град, надо не шесть аэропланов спустить над нами, а по меньшей мере сотни три, четыре. Вот тогда, действительно, был бы свинцовый град.

Наступила темнота. Мы с Блюмом шагали за повозками. Ни у меня, ни у Блюма карты местности не было. Чтобы ориентироваться, куда мы идем и сколько прошли, Блюм приказал обозному солдату забежать вперед и взять у старшего по обозу карту.

Минут через двадцать обозный притащил карту и электрический фонарь.

— Уже двенадцать километров прошли, — сказал Блюм, разглядывая карту. — Еще километров восемь, будет река Стырь, за которой лежит Тарнопольское шоссе. Я думаю, что мы часа через два выйдем на шоссе, и там можно будет сделать привал.

Поплелись дальше.

Километрах в трех от реки мы попали под проливной дождь. Я был в одной гимнастерке. Шинели своей я не нашел, она, очевидно, осталась в повозке Ларкина, с которой он уехал за фуражем, и я промок до нитки. Блюм оказался предусмотрительнее, у него был плащ.

Но вот наконец и Стырь. На берегу реки расположена большая деревня. Вышедший из хаты старик сообщил, что часа три-четыре идут русские войска, главным образом обозы, и что жители удивляются поспешному отходу русских.

— Это наш маневр, — ответил Блюм старику, — чтобы вовлечь австрийцев в ловушку, которую мы для них приготовили.

Старик недоверчиво посмотрел на Блюма.

Прежде чем зайти передохнуть в хату, я вместе с Блюмом прошел вперед остановившегося обоза к мосту через Стырь посмотреть на переправу.

Шум и крики стояли на переправе. Большой мост протяжением метров в четыреста был забит повозками так же, как это было при выезде нашем из деревни Хмельницкой.

— В чем тут дело? — спросил Блюм, протискавшись среди повозок.

— Впереди на мосту пушки застряли, — ответили нам.

— Да вы помогли бы им!

— Не пускают.

— Как не пускают?

Прошли в передний конец моста. Тяжелая шестидюймовая артиллерия в числе не менее трех батарей скопилась при съезде с моста.

— Почему не продвигаетесь? — строго спросил Блюм.

— Никак невозможно, господин полковник,— ответили Блюму, не заметив в темноте погонов врача.

— На руках бы попробовали.

— Да разве можно на руках двадцать пушек выкатить, лошади и те не берут, а тут еще Илья пророк лишь как льет.

Дождь, действительно, шел во-всю.

От моста подымался высокий суглинистый берег. Колеса орудий застревали и лошади не могли протащить их.

— В сторону бы съехали,— предложил Блюм.

— Если в сторону сойдем, то совсем застрянем. Тут все-таки гать.

— А что же так-то стоять? Вы видите, что делается позади вас?

— Что позади нас? Обоз. Чорт с ним, пусть остается. Прежде всего надо артиллерию вывезти.

Видя, что наше вмешательство здесь бесполезно, мы с Блюмом вернулись обратно и обратились к старику галичанину с вопросом, нет ли другой переправы.

— Есть другая,— сказал старик,— только это в конце деревни, в полукилометре отсюда, и мост там неважный. Пушки там не пройдут.

— А ну-ка, Ерохин,— сказал своему денщику Блюм, возвратившись вместе со мной к обозу перевязочного отряда,— поворачивай вправо.

По топкой грязи мы проехали не полкилометра, как говорил старик, а добрых километра два, пока, наконец, в самом конце деревни не увидели протянутый через реку плашкоутный мост.

— Вот видите, совсем не занят. Здесь и переправимся.

Осторожно вывели лошадей на этот мост. Но не прошли и двадцати метров, как мост рухнул. Мост был старый, заброшенный, им не пользовались даже крестьяне.

Бросив намерение переправиться через мост, мы с Блю-

мом вернулись обратно на берег, потеряв две повозки с лошадьми и имуществом.

— Давайте здесь переночуем, утро вечера мудренее.

Дождь лил попрежнему, и напрасны были наши усилия поддержать огонь в разведенном костре, хотя солдаты таскали сухие бревна из ближайших стодолов, пользуясь темнотой. Я забрался вместе с Блюмом под одну из повозок. Санитары притащили два снопа соломы, которые послужили нам постелями. Отсутствие шинели давало себя чувствовать. Холод и мокрое платье пронизывали до костей. Перед рассветом я встал, обшарил несколько повозок и нашел на санитарке брезент, прикрывавший медикаменты. На рассвете вместе с Блюмом отправился в деревню выпить чаю и согреться.

Жители не спали, проявляя к нашему отступлению живейший интерес.

— Пане, русские совсем уходят из Галиции? — спрашивали нас.

— Нет, не совсем.

— А как же не совсем, ежели вся деревня занята обозами и переправляется на ту сторону?

— Это маневр, — говорили мы.

Было ясно, что жители нам не верят.

Блюм отдал старшему по обозу распоряжение быть готовым к переправе по основному мосту, сами же мы отправились к основной массе обоза, застрявшего перед мостом.

Рассвело совсем.

Со стороны фронта слышались сильнейшие взрывы.

«Рвут снаряды», — подумал я.

Взрывы продолжались почти в течение целого часа.

— А ведь должно быть артиллеристы выполнили свое назначение, — обратился ко мне Блюм. — Видимо, не дождавшись распоряжения, взрывать стали.

— От кого же они могли бы получить распоряжение? — в свою очередь ответил я. — Все удрали.

— Обратите внимание, — показал Блюм, — рвут снаряды вправо от нашей бывшей позиции, со стороны Езерно.

— Это верно.

Подошли к мосту. Застрявшие накануне ночью артиллеристы со своими орудиями успели вывезти их в гору. Мост был свободен для движения остальных обозов. Появились откуда-то распорядители, которые регулировали движение обоза через мост, не давая обозной публике рваться без удержу вперед, как это было накануне ночью.

Вскоре подъехал и наш перевязочный отряд.

— Что потеряно? — спросил Блюм у Ерохина.

— Три повозки, господин доктор. Одна с медикаментами и две с санитарным имуществом.

— Каким?

— Банно-прачечным.

— Ну, сейчас не до бани, и так жарко!

При восходе солнца мы с обозом переехали на другую сторону и минут тридцать ждали выезда на шоссе, пока впереди следовавшие повозки выровняются для дальнейшего движения на Тарнополь.

Во время этой стоянки со стороны Залежец показалась новая колонна обоза. И к нашему удовольствию мы встретили едущих в повозках Максимова и Вишневского.

— Расскажите, Сергей Максимович, что было, — обратился к Максимову Блюм.

— Мы думали, что и не выберемся из Гайзаруды. Австриец прервал позицию около Звыжна (помните, в прошлом году там наш полк стоял), быстро занял Маркополь и оттуда пошел во фланг Манаювских позиций. Забрали Олеюв, Тростенец. Чуть не взяли в плен штаб 35-й дивизии. Успел удрать. Австрийцы в сопровождении немецких частей прошли вдоль фронта, это-то нас и спасло. Если бы они прошли прямо на Залежцы, то нам бы не выбраться.

— Мы узнали о прорыве позиции после того, как уже были взяты Олеюв, Тростенец и Лапушаны. Совершенно слу-

чайно в Гайзаруды прискакал ординарец 35-й дивизии. Ночью, сделав объезд километров на двенадцать севернее от Гайзаруд, мы, не дожидаясь никакого распоряжения от начальника дивизии и из штаба корпуса, решили по собственной инициативе двигаться на Тарнополь. Очевидно отступление повсюду, раз мы вас здесь застали.

— Надо полагать, что повсюду,—ответил Блюм.

— Страшно жаль, Владимир Иванович,—так много пришлось бросить имущества, которое полк накопил на протяжении года. Мы смогли погрузить только самое главное. На всякий случай я оставил в Гайзарудах взвод нестроевой роты с несколькими фурманками, приказав охранять оставленное имущество и, если явится возможность, нанять крестьянских лошадей и с имуществом присоединиться к полку. Если же ничего не выйдет, то приказал все облить керосином и зажечь.

— А что же там оставили?

— Много, Владимир Иванович. Две тысячи одного суконного обмундирования. Около трех тысяч пар сапог. Шестьсот пудов сахара. Вагонов пять муки. На своих лошадей мы нагрузили только самое необходимое и что только было возможно. Ведь год целый накапливали.

В голосе Максимова послышались слезы. Видя нас мокрыми, грязными, Максимов спросил:

— А что же вы, разве пешком?

— Пешком, Сергей Максимович.

— Голубчики, как же это так? Садитесь с нами.

— Куда же к вам. Вас тут двое, да мы вдвоем.

— А мы потеснимся. Владислав, Владислав! — оборачиваясь назад, закричал Максимов.

Владислав, денщик Максимова, с медлительной важностью подошел к коляске Максимова.

— Где коляска капитана Степанова?

— Позади, господин капитан.

— Прикажи, чтобы сейчас же была здесь.

Пока мы стояли, ожидая движения вперед стоящего обоза, подъехала коляска Степанова. Степанов, помощник командира полка, имел собственный экипаж.

Блюм поместился с Максимовым, а с Вишневским перешли в экипаж Степанова.

— Куда же мы едем, Оленин? — спросил Вишневский, покручивая свои гусарские усики.

— Вам известно, Федор Михайлович.

— Ни черта не понимаю. Я только что был в Киеве, привез оттуда вина для офицерского собрания, и вы знаете, какая досада, успел захватить с собой только один ящик, все остальное пришлось там бросить.

— Но из оставшегося хватить успели?

— Хватил так, что и сейчас башка трещит.

— Не осталось ли чего-нибудь?

— Сейчас Владислава позову. Владислав, Владислав!

Денщик Максимова вырос перед нашей коляской.

— Там в задке максимовского экипажа две бутылки портвейна, притащи-ка сюда.

Через мгновение Владислав притащил две бутылки вина.

— Как же пить, Федор Михайлович? Стаканов-то нет.

— А так, из горлышка.

— Неудобно, Федор Михайлович.

— Погоди, сейчас раздобудем. Ездовой, у тебя фляжка есть? — обратился он к кучеру.

Солдат протянул фляжку.

— А вот что к фляжке полагается, корытце это самое?

— У меня кружка есть, господин капитан.

— Давай кружку.

Вишневский налил в кружку немного вина, выполоскал и затем, наполнив до краев, протянул мне.

— Пейте сами.

— Я уже достаточно выпил. Гостя надо попотчевать.

Я отказываться не стал и выпил полную кружку, которая

вмещала почти полбутылки. Остальное содержимое бутылки Вишневский выпил сам.

Почти бессонная ночь, холодный душ, мокрое платье — все это так подействовало, что от единого стакана вина меня стало клонить ко сну, и тут же в экипаже я заснул. Сквозь сон чувствовал, что мы потихоньку движемся вперед. Проснулся от толчка экипажа при остановке.

— Почему не едем? — обратился я к Вишневскому.

— А чорт их знает! Там впереди какая-то катавасия.

Вдоль обоза мчался ординарец.

— В Тарнополь нельзя, — заявил он Максимову, останавливаясь около нашей коляски. — Приказано всем сворачивать влево на Збараж.

Максимов посмотрел на карту.

— Збараж километрах в семи отсюда, — сказал он, — давайте не будем дожидаться движения всего обоза, выедем самостоятельно

Мы не возражали. Максимов вызвал старшего по обозу 2-го разряда, приказал ему разведать впереди имеющиеся дороги, ведущие на Збараж, и протолкнуть обоз по этой дороге. Старший фельдфебель Петухов проехал вперед и вскоре вернулся доложить, что через две хаты от нашей стоянки имеется полевая дорожка, ведущая на Збараж.

— Поедем по ней,—распорядился Максимов.

Обозы свернули влево, оставив остальные тыловые части дожидаться распоряжений о дальнейшем движении. Не доехав до Збаража километра три, въехали в большое село, расположенное на большой, вьющейся красивой лентой речке.

— Здесь остановимся отдохнуть, — предложил Максимов. — Пока остальные подойдут, еще успеем занять лучшие помещения.

Обозные верховые ординарцы вернулись с докладом, что к сожалению почти все селение занято частями гвардейской дивизии.

— Какой дивизии? — спросил Максимов. — Уж не теми ли христопродавцами, которые в наступление отказались итти? Гнать их к чорту!

Ординарцы улыбнулись:

— Там целая дивизия, а нас только обоз, господин капитан, скорее нас смогут прогнать.

— Гнать к чорту, к чорту! Я сейчас пойду сам!

Максимов легко спрыгнул с коляски и торопливо зашагал к ближайшей хате, в которой размещалось несколько гвардейских солдат.

— На каком основании здесь живете? Марш на позицию! Я вас!

Солдаты не выдержали натиска Максимова, покорно собрали свои вещевые мешки и вышли из хаты.

— Здесь мы и остановимся,—заявил Максимов.—А обоз пусть построится за деревней на лугу. Пусть люди варят себе пищу.

Придя в хату, я не стал дожидаться приготовления завтрака, о котором распорядился Максимов, и сразу завалился спать. Проспав часа четыре сряду, я проснулся. На улице шумел Максимов, ругая гвардейцев:

— Гвардия, — кричал он, — гордость русского царя, шкурники, предатели, христопродавцы, сторонники немцев, видите, что делается на фронте?

Слушатели Максимова были одни солдаты. Вскоре к солдатам присоединились несколько гвардейских офицеров-прапорщиков.

— Чего вы кричите, господин капитан? — обратился один из них к Максимову. — Мы не шкурники и, когда надо, сумеем лучше постоять за революцию, чем вы.

— Вон вас надо гнать! Расформировать! Честь забыли, а еще офицеры, погоны носите! — набросился на прапорщика Максимов.

— Вы потише, капитан, ведь наша дивизия вооружена.

— А, ваша вооруженная дивизия может на одного капитана напасть? Стыдитесь, прапорщик!

Прапорщик пожал плечами:

— Чего вы, Сергей Максимович, волнуетесь?

— Св...., христопродавцы, антихристы, гвардейцы еще! Им на парадах только бы щеголять, а на войну поехали — сразу одрейфили. Зато на парадах: пехота, не пыли! — возбужденно кричал Максимов.—К чорту, к чорту, немедленно очистить деревню! — кричал он вдогонку уходившим прапорщикам. — Я вас...

— Сергей Максимович, что вы с ними можете сделать?

— Что сделать? Выпороть их, мерзавцев!

То ли речь Максимова повлияла, то ли распоряжение было у гвардейских офицеров, но они вывели своих людей из хат, построили и двинулись куда-то дальше.

— Сергей Максимович,—обратился я к Максимову,— нельзя ли у вас шинель достать? Продрог я как чорт сегодня ночью. Где моя шинель — не знаю. Все вещи потерял.

— Голубок, голубок, что же вы молчали? Владислав, Владислав! — закричал Максимов своему денщику, которого по близости, однако, не было.

Вместо Владислава подошел один из обозных.

— Шинель поручику Оленину!

Обозный был знакомый.

— Ваш Ларкин здесь, — сказал он мне, — с повозкой и с вашими вещами.

— Так где же он, мерзавец, пропадает, чего же он меня не разыщет?

— Он, видимо, не знает, что вы здесь.

Вскоре появился Ларкин, торжественно восседая на моей повозке.

— Ларкин, где ты пропадаешь?

— Дмитрий Прокофьевич, если бы я был с вами, так и этих лошадей не было бы, а то видите, как хорошо, что я за фуражем уехал.

— Мерзавец, ведь у меня шинели нет, — дружески журил я его.

— А шинель здесь у меня и шашка ваша здесь.

— К чорту шашку! Зачем всякую дрянь берешь?

— Я думал, что пригодится, чего же бросать, когда все отступают? Сало у меня есть, Дмитрий Прокофьевич. Когда обозы все побросали, так я там два окорока стащил.

— Может быть и яйца есть?

— Сейчас достану.

— Сделай яичницу.

Ларкин с повозкой подъехал к перевязочному отряду, выпряг лошадей, дал корму, поставил котелок на огонь и сам куда-то исчез.

— Ночуем здесь, — говорил Блюм, — пока наши части подойдут.

— А есть ли какие-нибудь сведения от полка?

— Нет. Я думаю, что они пошли западнее Тарнополя.

— Как же ночевать-то?

— Я думаю, что Тарнополь не сдадут, ведь тут сильные укрепленные позиции. Задержат наш полк.

Увы, предположения Блюма не оправдались.

Часов в шесть вечера над Тарнополем, километрах в восьми от нашего бивуака, поднялось огромное зарево пожара. Слышались взрывы артиллерийских снарядов. Отдельные конные солдаты сообщили, что Тарнополь оставляется нашими войсками.

— Немцы прут, — говорили проезжавшие верховые, — потому и пожары.

Я вспомнил бывшее три дня тому назад собрание крестьянских депутатов, где по докладу Лукашина мы приняли постановление крепко держать свои позиции и не щадя своих жизней их защищать.

— Вот тебе и защитили!

Максимов, лишенный связи со штабом полка и дивизии,

принял на себя командование обозом. Устроили нечто вроде военного совета из Блюма, меня и Вишневского.

— Нельзя, нельзя здесь оставаться, — скороговоркой, торопливо говорил Максимов. — Видите над Тарнополем зарево? Склады взрывают. А отсюда до Тарнополя всего каких-нибудь семь километров. Ежели из Тарнополя уходят наши войска, то через какой-нибудь час австрийцы могут быть здесь. Я думаю, двинуться нам дальше.

— Ну что же, давайте двигаться, только куда?

— Через Збараж на Волочиск.

— Ведь это очень далеко, Сергей Максимович, — вступился я. — До Волочиска пятьсот километров.

— Но ведь кавалерия делает не менее пятидесяти километров в сутки,—возразил Максимов.—А мы обозом не имеем права рисковать. Давайте двигаться. Владислав, позови ко мне фельдфебеля.

Явился фельдфебель.

— Прикажи запрягать лошадей и трогаться дальше. Маршрут: Збараж — Волочиск.

И наши повозки приняли вновь походную форму.

Пришли в Збараж, небольшое местечко, утопающее в зелени. В центре огромный замок польского магната.

— Может быть переночуем здесь?—предложил Блюм Максимову.

— Спасибо, спасибо, а вдруг австрийская кавалерия нагрянет?

— Не может быть, — возразил Блюм. — Все-таки позади нас полевые войска. Ведь мы не видели ни одной отступающей пехотной части.

— Да вы их и не увидите, раз они через Тарнополь прошли.

— Разве могли все части итти по одной дороге? — возразил Блюм.

Доводы Блюма, очевидно, подействовали. Максимов согласился переночевать в Збараже. Чтобы быть готовыми

каждую минуту к отступлению, Максимов приказал, чтобы ночевка была устроена в палатках под открытым небом. Мы же устроились в парке, в небольшом, так называемом охотничьем домике.

На следующей день с раннего утра к нам присоединилось еще несколько команд нашего полка, которые шли тоже без всякого маршрута и выбрали для своего движения те дороги, которые казались наиболее прямыми к отдаленному тылу.

Часов до десяти утра еще не было связи ни с полком, ни с дивизией. Над Тарнополем попрежнему было видно зарево пожара и густые клубы дыма.

— Кто же жжет город, отступающие русские или вступающие австрийцы?

— Вероятно запасы сжигают,—высказал предположение Блюм.

Спокойствия ради Максимов приказал к двенадцати часам дня выступить из Збаража по большой дороге. В половине двенадцатого обоз был построен и начал вытягиваться на большую дорогу. Уже три четверти обоза было вытянуто в линию на Волочиск. В хвосте должны были следовать повозки перевязочного отряда.

Выезжая из парка вместе с перевязочным отрядом, я услышал неистовые крики, несшиеся из глубины парка:

— Кавалерия! Кавалерия! Австрийская кавалерия!

Боже, что тут началось! Ездовые неистово стегали своих лошадей. Галопом мчались нагруженные повозки. Люди, сидевшие на повозках, сбрасывали вещи, а ездовые, дабы избежать опасности, стали рубить постромки, перескакивали с повозок на лошадей и верхами удирали дальше.

Паника захватила всех. Я тоже подгонял лошадь, оглядываясь по сторонам и выжидая появления австрийской кавалерии, но ее не было.

— Где же кавалерия?—спросил я галопом несущихся артиллеристов.

— Кавалерия? Н-не знаем. Где-то тут.

— Чего же вы несетесь, мерзавцы?

Я выхватил револьвер и направил в сторону одного из артиллеристов:

— Остановись!

Мой сердитый окрик его как будто отрезвил.

— А ведь и правда, господин поручик, кавалерии-то никакой нет.

Обозные уже удрали частью с повозками, частью без повозок верхами. На протяжении двух-трех километров дорога была усеяна брошенным имуществом. Валялись шинели, сапоги, консервы, медикаменты.

Блюм, обладающий большим хладнокровием, не поддавшись панике, шествовал позади меня со своим перевязочным отрядом. Он внимательно осматривал каждую брошенную вещь, примеряя, насколько она может быть полезна для отряда.

— Дешево. Дайте тридцать пять.

— Покажи лошадь.

Матвей (так звали денщика) нырнул куда-то в кусты и предстал передо мной с великолепной гнедой кобылой. Я в лошадях толку не знал, но вид лошади меня привел в восхищение.

— А здорова она? — спросил я Матвея.

— Попробуйте.

Он притащил поповское седло, оседлал кобылу, и я сделал несколько пробных посадок. Лошадь шла великолепно. Чувствовалось, что она привыкла ходить под седлом ровным, размеренным шагом и крупной рысью. Не слезая с лошади, я уплатил Матвею деньги и выехал из парка.

Часа полтора я катался на своей новокупке и такого удовольствия я еще никогда не испытывал. Плавной рысью и галопом несла меня лошадь, послушная легкому движению руки.

Вернувшись с объезда лошади в свою хату, я передал ее попечению Ларкина.

— Хорошая лошадка, — восхищался денщик. — Такой лошади даже у нашего помещика не было. Ведь ей цена за глаза рублей триста будет.

Среди дня, желая похвастаться своим приобретением, я приказал Ларкину оседлать кобылу и поехал гарцовать перед офицерами нашего обоза. Наткнулся на Блюма.

— Откуда у вас такая прекрасная лошадь, Дмитрий Прокофьевич?

— У Матвея купил.

— Лошадь-то краденая.

— Конечно, краденая, откуда же у Матвея будет собственная?

— Такая краденая, — продолжал Блюм, — что ее владелец здесь недалеко находится.

— Матвей говорил, что он стянул ее еще на той стороне Стыри.

— Врет он. Эта лошадь из конюшни этой усадьбы.

— Не может быть, Владимир Иванович.

— Уверяю вас. Я видел управляющего имением. Он ходил, как очумелый. Говорят, что у него стащили скаковую кобылу, которая брала первые призы на венском ипподроме.

— А может быть это—другая?

— Нет, судя по приметам, именно эта.

— Значит, придется вернуть?

— Придется.

Я спрыгнул с седла и, держа лошадь в поводу, отправился вместе с Блюмом к управляющему. Нас встретил австриец, пожилой человек с длинными усами. При виде нас он торопливо сбежал со ступенек крыльца.

— Откуда у вас эта лошадь, господа офицеры?—волнуясь обратился он к нам.

— Купленная,—ответил я.

— Это моя лошадь, я по ней с ума сходил, думал, что она пропала. Как я рад, что вы ее нашли!

— А я очень опечален, что эта лошадь оказалась из вашей конюшни. Она мне очень понравилась.

Управляющий обнимал и целовал морду лошади.

— Вы знаете, эта лошадь принесла мне много счастья. Я ее за десять тысяч не продам.

— А я за нее всего тридцать пять рублей заплатил.

— Пойдемте на конюшню и выбирайте там любую,—обратился ко мне управляющий.—Я вам дешево уступлю.

Мне действительно нужна была лошадь, и я с Блюмом пошел на конюшню.

— Видите вот эту лошадку, — подвел меня австриец к молодой кобыле. — Нравится она вам?

— Как будто хороша.

— Хороша! — возмутился управляющий.—Это—дочь той лошади, которую вы мне привели. Хотите ее купить?

— А что вы за нее просите?

— Я вам ее отдам с большой скидкой. За сто рублей.

— Вы хотите сказать, за сто тридцать пять. Я уже тридцать пять заплатил за одну.

— Нет, сто рублей, включая уже вами заплаченные.

— На этих условиях согласен.

— По рукам. Берите.

Он крикнул конюха. Старик австриец надел на лошадь оброть и, держа повод в руке, подвел ее ко мне.

— Берите из рук в руки. Только предупреждаю, что она еще не объезжена.

Прекрасная молодая кобылица, темно-гнедой масти, привела в восхищение Блюма. Я заплатил помещику шестьдесят пять рублей. Забрал лошадь и отправился к своей хате с намерением поручить Ларкину объездку этой лошади. По пути наткнулся на о. Николая.

— А, Оленин, откуда такую прекрасную ведете кобылицу?

— Купил, батюшка.

— Сколько заплатили?

— Сто рублей.

— Я вам дам сто двадцать пять.

— Нет, спасибо, мне самому лошадь нужна.

— А в придачу старую кобылу.

— Благодарю вас, батюшка, но я не имею склонности заниматься конской торговлей.

— Напрасно, вам все равно, ведь вы ее так же заморите, как заморили скакуна.

— Батюшка, неужели вы его помните?

— Господи, как его забыть можно! Это же было посмешище всего полка.

— Вы очень плохого мнения о моем скакуне. А кроме того я своего скакуна не заморил, он подох от старости.

— А эту вы уморите голодом. Поменяемся.

— Нет, благодарю вас, батюшка. Не могу.

— Ну, куда вы с ней денетесь!

— Ездить буду.

— Ездить можно и на моей вороной кобыле.

— А почему вы со своей кобылой расстаться хотите? Что это вас на молодую кобылицу потянуло?

— Вы что-то неприличное, молодой человек, думаете. А я вам серьезно говорю, давайте меняться.

— Нет, не могу. Это — не столько покупная, сколько дареная лошадь.

— Жаль, жаль, но имейте ввиду, когда захотите перемениться и пожелаете иметь лошадь постарше, то скажите.

— Батюшка, вы знаете, что ваш Матвей—вор?

— А вы что, только сейчас об этом узнали?

— Как же вы его держите?

— Надо человека исправить. А кто же его исправит, как не отец духовный?

Но отец духовный не для исправления его держит, а для неблагоприобретения потребных о. Николаю вещей.

Передав Ларкину объезжать лошадь, я пошел к Блюму обедать.

— Откуда вам стало известно, что у помещика пропала рысистая кобыла?—спросил я его.

— У него не только одна рысистая кобыла пропала. За ночь у него стащили штук двадцать и всех их успели рассовать. Вы говорите, что вам продал эту лошадь Матвей?

— Тридцать пять рублей с меня, мерзавец, спер.

— А вы знаете, что он попу две лошади из этой же конюшни привел?

— Не может быть! О. Николай предложил мне выменять мою молодую кобылицу на его старую лошадь.

— Жульничает о. Николай. Матвей притащил ему пару прекрасных лошадей. Когда о. Николай узнал, что они из конюшни этого помещика, он Матвея услал их спрятать.

— Не может быть, Владимир Иванович!

— Он рассуждает по своему логически. Не мы, так при отступлении другие возьмут.

Из штаба полка прибыл ординарец, разыскавший, наконец, ушедший далеко в тыл обоз. Оказывается, наш полк находится на двенадцать километров южнее Тарнополя. При отступлении шел почти последним в полном порядке и сейчас занимает позицию, задерживая дальнейшее продвижение австрийцев.

От имени командующего полком и начальника дивизии Музеуса, которые находятся при 11-м полку, нашему обозу приказано немедленно отправиться на соединение с полком.

Выступили из Стехновица, но, проехав километров двенадцать, мы получили вдруг новое распоряжение задержаться в первом же селе, куда отправлялся в резерв наш 11-й полк.

При размещении обоза я остановился рядом с хатой о. Николая. Блюм был прав: Матвей спер для о. Николая две прекрасные вороные лошади, может быть и не такие рысистые, как та кобыла, которую мне пришлось вернуть, но во

всяком случае значительно лучше купленной мною у помещика молодой кобылицы.

В то время как наш обоз шел на присоединение к полку, в Стехновицы прибыл телефонист штаба 3-й дивизии, который блуждал в течение двух дней, не зная, где ему найти пристанище и свои полки, а казалось бы, ему первому должно быть известно местоположение своих частей и действия противника. Штаб оказался беспомощным только потому, что начальника дивизии Музеуса в день отступления шестого июля не было в штабе. Ни начальник штаба Кадощников (генерал генерального штаба), ни оперативный адъютант полковник Афанасьев, ни другие высшие штабные чины совершенно не предполагали, что им, руководителям четырех полков со всеми вспомогательными и специальными частями, придется бросить эти части без руководства и просто бежать.

Штаб настолько растерялся, что удрал, не успев поставить в известность находившиеся на фронте полки. Удирал с единственной целью спасти свою собственную шкуру. Я представлял себе, как будет возмущен Музеус, когда он, возвратившись из штаба корпуса в Зборов, вместо организованного сопротивления под руководством офицеров генерального штаба, увидит пепелище сгоревших хат и отступающие роты 11-го полка. Действительно так и было.

— Где штаб?—неистово кричал Музеус проходившей мимо него последней цепи 11-го полка.

— В Киеве или в Москве,—иронически отвечали солдаты.

Музеус стучал стэком по голенищу сапога и готов был наброситься на первого попавшегося штабника, но, увы, штабники находились далеко за пределами досягаемости не только для наступающих австрийцев, но и для стэка своего генерала Музеуса.

Музеус не стал догонять свой штаб, а остался с 11-м полком, с которым сроднился за время русско-немецкой кампании.

Командующий 11-м полком Соболев так растерялся, что совершенно не мог руководить отступающими подразделениями 11-го полка. Его растерянность еще более усилилась при встрече с Музеусом, и он беспомощно предоставил командование отступающими частями Музеусу.

— Негодяи, мерзавцы!—возмущался Музеус.—Куда бегут, почему бегут? Немцы прорвали небольшой участок. Если они и заняли Олеюв, то достаточно было бы одной роты для того, чтобы немцев окончательно прогнать на свои места. Позор!

11-й полк, как и вообще вся 3-я дивизия, отступал потому, что отступала находившаяся впереди 35-я дивизия. А офицеры и солдаты 3-й дивизии были достаточно знакомы с позицией, проходившей под Звыжнем, Манаювом, Хуколеовцами.

Будь серьезнее наблюдение за противником, последний не смог бы учинить грандиозный прорыв и сразу захватить целый ряд селений до Олеюва включительно.

— Нареволюционизировались! — раздраженно говорил Музеус.—Наступать не хотим, но зато будем твердо держать винтовку в случае наступления немца. Удержали! Скачи теперь сотню километров в глубь страны, пока немцы не устанут преследовать!

И наши части действительно скакали в тыл неудержимо.

— Виноваты большевики,—говорили офицеры. — Они разлагают фронт. Из-за них это отступление. Немецкие наймиты! Шпионы!

Более благоразумные офицеры и солдаты отвечали:

— Причем большевики? Разве в штабе дивизии сидят большевики, если штаб дивизии удирает при первом известии о прорыве фронта под Манаювом?

— Шпионы в дивизии,—говорили солдаты. — Штабные нарочно хотят нашего поражения, чтобы показать, что армия разложилась и нужно, мол, против армии принять репрессивные меры, т. е. восстановить прежние отношения между офицерами и солдатами, лишить солдат гражданских прав.

Особенно велико было озлобление солдат в 3-й дивизии.

— Только сообщники немцев могут так поступать, как поступили в штабе дивизии,—говорили они.—Удрать, не предупредив на позиции полки, это может сделать враг нашей революции и нашей победы. Недаром,—слышались голоса солдат,—убирают из полков всех тех, кто стоит за настоящую свободную Россию. Дудки, сами разберемся, где враг и где друг народа!

Кавардак получился необычайный. Австро-немецкие войска прорвали русские позиции в районе Звыжен-Манаюва. 35-я дивизия не оказала серьезного сопротивления. Противник продвинулся в тыл километров на десять, создав угрозу флангу всего 17-го корпуса.

Тыловые части впали в панику.

Последние с 35-й дивизией части, 9-й и 12-й полки нашей 3-й дивизии, не рассчитывая на боеспособность своих солдат, перешли в отступление.

Стоящие левее 11-го полка части других корпусов в свою очередь под влиянием сообщения о поражении тоже начали отступать независимо от объективных условий фронта.

Штаб корпуса, находившийся в Белом Подкамне, при получении известия о «грандиозном» наступлении немца бросился отступать к Кременцу, а штаб 11-й армии в Кременце немедленно эвакуировался в Проскуров за сто километров назад, захватив весь подвижной состав станции Кременец.

Мало того, что штаб армии был в панике, но даже штаб фронта, сидевший в Бердичеве, на расстоянии, примерно, трехсот километров от первой линии окопов, не утерпел, чтобы не погрузиться в вагоны и не начать отхода на Киев.

— Армия разложена большевиками! — кричали штабники. — Надо отступать!

И в то время как поспешно удирали штабы дивизии, корпуса, армии и даже фронта, передовые части наших полков медленно отходили от своих позиций и отходили не потому, что на них сильно нажимал противник, а потому, что они утеряли связь со своими штабами и считали совершенно естественным и закономерным уход пехотных частей, когда штаб дивизии бежал в тыл.

Тарнопольское отступление, начавшееся шестого июля, продолжалось вплоть до пятнадцатого. На протяжении девяти дней штаб, обозы, войсковые части — неудержимо катились в тыл без какого-либо особого нажима со стороны противника. Огромные запасы снарядов, вооружения, продовольствия бросались на произвол судьбы, и очень редко были случаи, когда солдаты, охранявшие сосредоточенные перед позициями запасы, уничтожали их по собственной инициативе.

Девять дней не было никакой связи между штабами полков, дивизией, между штабами дивизий и корпуса и, наконец, со штабом армии.

Дивизионные и армейские учреждения, обслуживающие фронт, исчезли бесследно. Исчез совершенно из нашего поля зрения полевой телеграф, полевая почтовая контора. Нельзя было получать письма к себе и нельзя было отправить письмо на родину. Нельзя было получить телеграммы на позиции из тыла или армии направить телеграмму в тыл.

Между тем австро-немецкая армия, совершив прорыв на фронте Звыжен-Манаюв и не имея достаточных сил, оставалась на захваченных участках, злорадно посмеиваясь и не делая ни одного шага для преследования бегущих.

Сидя с Вишневским в одной хате уже после того, как установилась связь со штабом 11-го полка, я был страшно возмущен заявлением Вишневского, что мы бы не отступили, если бы не было революции.

— Надо всех революционеров перевешать,—злобно говорил Вишневский,—и тогда мы победим немцев.

— Вы не понимаете, Федор Михайлович,—ответил я ему,—что революция выдвигает новые силы, которые способны смести не только старые порядки, но и организовать серьезное сопротивление неприятелю. Но революция нуждается в организации масс. А такой организованности среди солдат нет. Те, которые должны были бы организовать массы, ничего умнее не придумали, как почетное наименование полкам «Восемнадцатого июня» или установить новый офицерский орден—солдатский георгиевский крест. Разве солдаты 11-го полка бежали с позиции?—возмущенно говорил я Вишневскому.—11-й полк стойко защищал свои позиции и отступил с них, не видя перед собой ни одного неприятельского солдата, не мог не отступить, коль скоро штаб дивизии удрал чорт знает куда и неизвестно почему.

— У нас большевиков нет, потому наш полк и стоял,—возражал Вишневский.

— Большевиков нет? Да вы знаете, что все солдаты большевики?

— У нас нет умных людей. Одни дураки.

— И нет честных офицеров. Одни трусы!

— Трусы!—возмутился Вишневский.—Я считаю это оскорблением всему офицерскому корпусу.

— Считайте, как вам угодно.

— Вы, прапорщик...

— Поручик, господин капитан.

— Вы, поручик,—иронически сказал Вишневский,—потрудитесь взять свои слова обратно или же дать мне удовлетворение.

— Удовлетворение!—рассмеялся я.—Вы понимаете, о чем вы говорите? Мне достаточно вызвать своего денщика и двух обозных солдат, чтобы они вас излупили, как сидорову козу.

— Я требую удовлетворения!

— Хорошо. Ларкин, у меня есть в чемодане флакон с одеколоном, принесите капитану Вишневскому.

— Вы шутите! — стукнул Вишневский кулаком по столу.

— Нет, не шучу. Я полагаю, что удовлетворение должно именно в этом и заключаться, чтобы дать вам выпить флакон одеколону, и через полчаса вы будете с пьяными слезами говорить то, что вы, как честный человек, думаете.

— Плебей, мужик, не понимающий офицерской чести и долга!

— Но зато я прекрасно понимаю настроение и желание не плебейских офицеров и думаю, что флакон одеколона — высший предел мечтаний неплебейского офицера в тот момент, когда негде достать более крепких напитков.

— Я с вами не знаком и руки вам больше подавать не стану!

— Не буду огорчен этим.

— А ну чорт с вами! С плебеями у меня плебейские отношения. Одеколон же ваш выпью.

— Я в этом ни минуты не сомневался.

Наш спор и ругань были прерваны появлением незнакомого офицера в форме автомобильных войск.

— Прошу извинения, — заявил вошедший, красивый, высокого роста мужчина, лет тридцати пяти, одетый в изящные ботинки, поверх которых блестели лаковые гетры. На его погонах красовались три звездочки. — Позвольте представиться: поручик 3-го автомобильного дивизиона Марценович.

Мы привстали.

— Разрешите передохнуть у вас.

— Пожалуйста, пожалуйста, — рассыпался в любезностях Вишневский. — А где ваш одеколон? — сердито обратился он ко мне.

— Сейчас денщик подаст.

— Вы одеколон пьете, господа? У меня с собой две фляжки спирта.

— Тогда вы совсем желанный гость. Садитесь, будьте хозяином.

— Я, господа, уже двое суток не спал. Если позволите, выпью с вами немного чая, может быть немного спирта и сосну.

— Располагайтесь, как у себя дома.

Ларкин притащил флакон одеколона и три стакана.

— Убери, Ларкин, одеколон, капитан Вишневский пьет только спирт, — смеясь сказал я, но Вишневский промолчал.

— Неужели, господа, вы одеколон пьете?—обратился ко мне автомобилист.

— Сам не пью. Угощаю капитана за отсутствием более приличных для него напитков.

— Плюньте, у меня достаточно спирта!

Но Вишневский уже разлил по стаканам из фляжки гостя, выпил и довольно крякнул.

— Мне помнится, что ваш автомобильный отряд стоял в Тарнополе?—спросил он гостя.—Значит, и вы подверглись несчастью отступления?.

— Полгода мы жили там. Думали и уверены были, что тарнопольские жители и русская армия одно целое. Какие прекрасные женщины! И вы представьте себе, господа, как рухнули мои иллюзии!

— А вы выпейте,—пододвинул к нему стакан Вишневский.

— Два дня пью, не помогает. Вы видите мой мундир?— поднялся он, показывая китель, покрытый густыми пятнами.

— Эка важность, грязный китель! Наши гимнастерки еще грязнее.

— Ваши гимнастерки покрыты чистой и честной грязью, а мой китель покрыт позорнейшей, гнуснейшей грязью.

— Вы не волнуйтесь. Расскажите, что это за гнусная грязь на вас.

— Мне совестно,—начал глухим голосом поручик.—Мы стояли в самом центре Тарнополя, когда солдафоны начали осуществлять свою свободу. Выгнали, и не только выгнали, а предварительно избили капитана, начальника нашего отряда. Меня, как добропорядочного офицера, сделали командиром. Четыре месяца цацкался я с солдатами. И если отдыхал когда-либо душой, то только среди тарнопольской интеллигенции. Отступление. Кругом паника, кругом бегут, грабят, жгут. Начали грабить тот дом, где я квартировал. Принял меры. Стрелял. Спас имущество от разграбления. Обеспечил той семье, где я находился, спокойствие. А плоды моих действий... видите китель,—после небольшой паузы произнес он.

— В чем же дело?

— Когда стали взрывать склады со снарядами, через Тарнополь стали проходить пехотные части. Я, как командир специальной части, должен был поехать вперед, чтобы ни одна машина не досталась противнику. В это время, вы не можете себе представить... дайте еще спирту.

Я налил ему в стакан из фляжки.

— Стоило мне выйти на подъезд,—продолжал поручик, хватив залпом налитый спирт,—как со второго этажа на меня вылили горшок с экскрементами. Вот китель, видите?

— Почему же вы не перемените?

— Сволочь денщик удрал с повозкой, и не знаю куда.

— Может быть вам все это показалось?

— Понюхайте, капитан,—и он поднес китель к носу Вишневского.

— Да, действительно мерзко пахнет.

— Мерзко... а вы представляете, насколько это было мерзко, когда вся эта гнусь лилась мне на голову?

— Полюбили вас, значит, в Тарнополе?—наивно спросил я поручика.

— Но может быть это — месть за что-нибудь? Может быть вы какую-нибудь женщину оскорбили?

— В этом доме ни к одной не притрагивался. Из других ходили. Китель я, конечно, себе куплю другой, но честь офицерская, господа... Надо вам сказать, вообще в Тарнополе творилось что-то невообразимое. Как я уцелел, сейчас совершенно не представляю себе. Из многих домов бросались камни, стреляли из револьверов. А в двух-трех местах были брошены даже бомбы.

— Странно,—сказал я.—Вы там жили долгое время. Почему же в ответ на вашу любезность к населению подобная непорядочность?

— В Тарнополе сплошь большевики и жиды. Жиды и стреляли.

— Жиды... а сами вы их видели?

— Разве их увидишь, они, сволочи, из-за угла, из окон. Ну, попадись кто-нибудь из них — повешу!

— Если вас не успеют до того прикокошить!

— Вы смеетесь, поручик,—пьяными глазами посмотрел на меня автомобилист.

— Какой тут смех! Посмотрите на ваш китель. Мало того, что пятна на нем, от него еще разит.

На два дня наш обоз застрял в деревне Хревин. Установив, где находится штаб дивизии и полка, разместившись с Боровым и Вишневским в одной хате, я отправился в штаб дивизии. Обратился к административному адъютанту Трофимову с просьбой прикомандировать ко мне одну из подвод дивизионного обоза для перевозки вещей до тех пор, пока не подойдет ко мне прикомандированная ранее повозка 11-го полка, а также дать мне помещение.

Трофимов предложил остановиться с ним. Не будучи с ним знаком, я предпочел перебраться в другую хату.

Среди писарей канцелярии дивизии оказалось несколько знакомых. Один из писарей Ищутин сообщил мне под великим секретом, что имеется распоряжение из штаба верховно-

го главнокомандующего о введении на фронте смертной казни.

— Кроме того,—говорил Ищутин,—есть приказ, воспрещающий посылку в командировки кого бы то ни было из дивизии без разрешения штаба корпуса. Чтобы прекратить возможность большевистской агитации, приказано запретить всякие собрания на фронте. Роль полковых комитетов предлагается свести на нет. Ни одного собрания полкового комитета не может происходить без специального на то разрешения начальника дивизии. Отдельным циркуляром ставка верховного главнокомандующего обращает внимание начальника дивизии и штабов на обеспечение помещикам уборки урожая.

— А разве им мешают?

— У нас еще ничего такого не было, но видно где-нибудь их пощупали, и вот приказано всемерно охранять, и чтобы урожаи убирались под прикрытием войск. У нас не было возможности наблюдать за отношением местных крестьян к помещикам по той простой причине, что мы уже две недели находились в беспрерывном отступлении. Во всяком случае,—говорил Ищутин,—режим по отношению к солдатам усиливается, офицеры получают еще больше привилегий, чем имели раньше. Вводятся полевые суды. Достаточно тому или иному офицеру или солдату заявить протест против дисциплины, против неограниченного распоряжения начальника, как сейчас же попадешь под полевой суд.

— А это не ваша фантазия, Ищутин? Я виделся с Трофимовым, он мне ничего не сказал.

— Он ничего не скажет, разве вы не знаете, что у него большое поместье в Калужской губернии?

— Большое поместье? А у Музеуса есть что-нибудь?

— Кажется, у него ничего нет. Зато Музеуса не особенно долюбливают в штабах. Считают, что он солдатский генерал.

— А как он к этим приказам относится?

— Не знаю, слышал его реплику, что глупые приказы издают.

Вечером пошел к Трофимову. В канцелярии штаба дивизии его не было. Пришлось зайти на квартиру. Он оказался дома, но не один. У него была сестра милосердия Елена Васильевна, высокая, крупная женщина.

— Николай Сергеевич,—сказала она,—немного болен, возможно, что у него температура. Если можно, то я просила бы его не беспокоить.

— Когда же он заболел? Я с ним два часа тому назад виделся, и он был здоров.

— Тогда был здоров, но вернулся из штаба с повышенной температурой. Если у вас есть что-либо сказать, вы можете передать через меня.

Я в упор посмотрел на Елену Васильевну.

Она смутилась и начала перебирать пальчиками свой фартук.

— Скажите, Елена Васильевна, что это вы так заботитесь, чтобы Николая Сергеевича никто не видал?

— Вы не знаете, почему?

— Поэтому и спрашиваю.

— Я же его жена.

На наш разговор из соседней комнаты вышел сам Трофимов.

— А, Оленин! Ничего,—обратился он к Елене Васильевне,—это свой человек, пусть войдет, Леночка.

— А я не знал, что вы женаты, Николай Сергеевич.

— Только вчера женился, но еще не успел провести свадебной ночи. Леночка охраняет меня, чтобы никто не помешал провести эту ночь сегодня.

— Тогда разрешите зайти к вам завтра.

— Нет, нет, говорите, в чем дело.

— Я решил ехать в Питер, Николай Сергеевич. Так много накопилось вопросов всяких, что надо обязательно самому поехать, чтобы их выяснить.

— А вы разве не знаете, что без разрешения командующего армией нельзя?

— Затем я и пришел к вам, чтобы вы сделали запрос в штаб армии.

— Хорошо, я пошлю сегодня телеграмму.

— Вы сами-то не будете препятствовать моей поездке?

— Нет, что вы! Поезжайте. Ведь мы с вами почти земляки. Вы из 11-го полка, я из 10-го. Правда, ваш в Туле был, 10-й же в Калуге. Знаете что, Оленин, у меня есть бутылка вина, может быть останетесь на полчасика?

— А я вам не помешаю?

Елена Васильевна сердито смотрела на меня, стараясь показать, что если я уйду, то будет гораздо лучше.

— Напрасно, мне скучно будет.

— Скучно?—сердито спросила Елена Васильевна.—Это со мной скучно?

— Вот видите,—развел руками Николай Сергеевич.—Не уходите, а то она изобьет меня.

— Это в первую брачную ночь-то?—рассмеялся я.

— Ну, положим это не совсем первая. Первая-то была года полтора тому назад. Сегодня официально первая.

— Ну, желаю вам официального счастья на сегодняшнюю официальную ночь.

Под вечер в мою хату вбежал член комитета Панков.

— Откуда ты?—обрадовался я Панкову, незаметно для себя переходя на «ты».

— Ох, Дмитрий Прокофьевич, не спрашивайте! Измучился, напужался, такие страхи...

— Голоден небось, покормить тебя?

— Голоден, только сразу есть-то что-то не хочется.

Я попросил денщика Вишневского приготовить чай.

Панков привел себя в порядок и, уже сидя за чайным столом, начал рассказывать свои похождения во время отступления:

— Когда мы с вами расстались под Зборовым, я примкнул к артиллерийскому парку 3-й дивизии. Ребята оказались хорошие, разрешили положить книги на снарядные ящики. Целую ночь перли. Не доходя Тарнополя, остановились. Там переночевали, потому что лошади не могли дальше двигаться. Артиллеристы возмущались этим отступлением. Говорили, что тут не без предательства, что вовсе нас не немец гонит, а собственные офицеры. На другой день вошли в Тарнополь. Наш парк остановился на площади против комендантского управления. Распоряжения о дальнейшем отступлении парка не было. Простояли несколько дней. За это время через Тарнополь прошло много частей. Все отступали, торопились, боялись быть захваченными. Грешным делом, я поджидал вас, надеясь, что вы пройдете с какой-нибудь частью, и у каждой проходящей части спрашивал. Однако 11-го полка так и не дождался. Боясь, что вы застряли на фронте, я не торопился двигаться дальше. В это самое время весь тарнопольский гарнизон стал тоже удирать. Удирали обозы, химические команды, автомобильные части. Удирали наспех, бросая имущество. Солдаты и несколько офицеров громили магазины. Никакие стены не помогали, не то что деревянные, железные решотки—и те разбирались. Тащили все, что можно, а потом стали громить винный погреб. Растащили винокуренные склады, мануфактуру, обувь, канцелярские принадлежности, бумагу. Солдаты озверели. Бросились по квартирам, расхватали ковры, перины, подушки. Пух летел по Тарнополю. Кричали: «Бей жидов!» И если бы не страх перед наступающим немцем, учинили бы жестокий погром. Зато когда обозная и тыловая публика, населявшая Тарнополь, вышла и прошли последние пехотные части, не было ни одной улицы, ни одного дома, из которого не бросали бы камней. Выливали на людей помои и вонючую грязь. Выбрасывали ночные горшки, стреляли. Многие из офицеров бросались с шашками наголо в квартиры, но, конечно, квартиры были заперты, и атакующие возвращались обрат-

но и приказывали солдатам грабить и жечь. Солдаты бросались в квартиры, ломали, тащили... а потом, вытащив ценные вещи, поджигали дома. Такого озверения я никогда не видывал.

— А из окон здоровая была стрельба?

— Ну, что там! Выстрелы из револьверов, это пустое, а вот как на головы нечистоты выливали, это—красота. Я видел у комендантского управления, как на одного автомобильного офицера несколько горшков сразу вылили...

Панков не знал, с кем я имел честь познакомиться у Вишневского.

———

ГЛАВА XI

АТАКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Июль-Август

Получив разрешение на поездку в Петроград, восемнадцатого июля я выехал на станцию.

Подъехав к Волочиску в семь часов утра, в ожидании поезда пошел побродить вокруг станции.

Прекрасный солнечный день располагал к прогулке. Вдали послышались звуки пропеллера и мотора. Посмотрев вверх, я увидел четыре австрийских аэроплана. При приближении к станции аэропланы стали снижаться.

Станция была пуста, если не считать состава этапного поезда. Тем не менее один из австрийских самолетов, покружившись над станцией, сбросил бомбу. Бомба разорвалась шагах в пятидесяти от вокзала. Я стал около стены вокзала, считая тем самым себя прикрытым от поражения.

Аэропланы сбросили еще несколько бомб, и, не встречая никакого сопротивления, спустились еще ниже. Между землей и лодочками самолетов было расстояние не более двухсот шагов. Летчики покружились, очевидно прицеливаясь, и сбросили опять бомбу. Бомба упала в самое здание вокзала. Произошел сильный взрыв. Крыша разлетелась в стороны. С верхнего карниза посыпались кирпичи. Один из них сильно ударил меня по плечу и содрал кожу с указательного пальца левой руки.

«Убьют пожалуй»,—пронеслось в голове.

Бежать было некуда, и я еще тесней прижался к стене вокзального здания.

Послышалось еще несколько взрывов, причем один из последних шагах в десяти от меня. Я был весь засыпан осколками бомбы и комками земли. Удары землей были настолько сильны, что я свалился на землю.

«Убит!»—мелькнула мысль.

Глаза следили за движением аэропланов. Но летчики поднялись ввысь и направились в сторону Подволочиска.

Встал. Отряхнул с себя землю. Начал ощупывать себя, цел ли. Кроме содранной кожи с пальца, я насчитал несколько шишек на голове и заметил тоненькую струйку крови, тянувшуюся по лицу. Достав носовой платок и вытерев лицо, хотел установить, куда же я ранен. На платке остались следы грязи и немного крови. Сколько ни искал, на физиономии крови не было. Выше лба нащупал ранку, сделанную осколком бомбы.

Вспомнил рассказы Блюма о столбняке, которому подвергались раненые при попадании в рану земли. Сейчас же побежал в соседний железнодорожный домик, оказавшийся квартирой дежурного по станции, и попросил позволения промыть рану.

Старушка, мать дежурного по станции, дала мне горячей воды, которой я и привел себя в порядок.

Рана на голове оказалась не сильной.

«Везет,—думал я.—Получил две раны в один день, вернее в один час. Будь я на позиции и обладай таким нахальством, как Савицкий, получил бы и крест, и чин, и, еще глядишь, месяца на два эвакуацию в тыл. А если бы остался, несмотря на ранение, в строю, то всяким почестям и наградам числа не было бы».

В Питере пробыл недолго. Отношение к делегатам, прибывающим с Юго-западного фронта, неважное. При первом же моем появлении в Совете крестьянских депутатов дежур-

ный член солдатской секции, узнав, что я из-под Тарнополя, неодобрительно осмотрел меня с ног до головы.

— Делегируетесь? — задал иронический вопрос.—Вместо того, чтобы немцев бить, митингуете и по столицам ездите?

— Надо и в столицах побывать,—ответил я.—Скажите, с кем мне здесь поговорить, чтобы получить ряд советов?

— С председателем солдатской секции Оцупом и его заместителем Гвоздевым.

— Где их найти?

— В своих кабинетах.

— Кабинеты-то где?

— Здесь же, в этом здании. Только сейчас еще рано, никого нет.

Прошел по зданию Крестьянского совета, который разместился в великолепном доме на Фонтанке, где раньше был лицей, подготовлявший дипломатов. В классных комнатах кабинеты руководителей Крестьянского совета; большие залы приспособлены под аудитории, в которых партия соц.-революционеров организовала ряд лекций для своих сторонников рабочих. Небольшие комнаты администрации лицея пошли под кабинеты для начальников различных отделов и секций Крестьянского совета. В нижнем этаже столовая для членов комитета и для приезжающих делегатов. Столовая оживлена постоянно. Можно застать в ней членов президиума исполнительного комитета, среди которых несколько министров Временного правительства, как, например, Чернов, Маслов и др.

Каждому зарегистрированному делегату выдается полтора фунта хлеба и по удешевленной цене обед. Больше всего, понятно, привлекает хлеб, ибо в городе даже при счастливом стечении обстоятельств можно получить по карточкам не более полуфунта.

В столовой, сидя за чаем и прислушиваясь к ведущимся кругом разговорам, удалось уловить несколько фраз, произнесенных членом президиума исполкома крестьянских депу-

татов Бунаковым. Бунаков — член центрального комитета партии соц.-революционеров.

— Большевики по немецкой указке разлагают армию,— говорил Бунаков.—Совершенно очевидна связь большевиков с немецким генеральным штабом. Ведь вы посмотрите, какое совпадение: 5 июля большевики организуют демонстрацию в Петрограде, и в тот же день на фронте немцы переходят в широкое наступление. Расчет был верный—создать осложнение в тылу через большевиков, а на фронте тем временем действовать. Однако им не удастся. Новый верховный главнокомандующий Корнилов скрутит армию; он не позволит митинговать, как было до сих пор.

Из столовой прошел наверх в солдатскую секцию, чтобы повидать Оцупа и Гвоздева. Застал Оцупа. Высокий, длинный белокурый человек, медленно произносящий слова, точно ему стоило больших усилий изрекать свои ответы на вопросы, которые предъявляются ему представителями мест.

— Вы с фронта?—медленно цедя сквозь зубы, смотря на меня мутными глазами, спросил Оцуп.

— Из самого пекла,—ответил я.—Из полка, который пережил Тарнопольское отступление.

— Знают на фронте, что большевики в Питере сотворили?

— Я с этим познакомился уже в дороге по газетам. На фронте ничего не было известно. Меня интересует ряд вопросов,—обратился я к Оцупу.—Я командирован с фронта затем, чтобы выяснить, как смотрит Крестьянский совет на положение дел на фронте. Следует ли поддерживать наступление, или вести пассивную оборону? Это первое, и второе,— какие меры применяются для улучшения бытовых условий солдат, в частности, для улучшение пайка, выдаваемого солдаткам в тылу, и как разрешается вопрос с демобилизацией старших возрастов. Ведь на фронте имеются солдаты свыше сорока лет.

— Солдатская секция,—ответил Оцуп,—разрабатывает сейчас положение о демобилизации старших возрастов; мы привлекли к этой работе командующего Московским округом, члена нашей партии Верховского и целый ряд крупных военных деятелей. Не позднее как через полтора, два месяца должен быть подготовлен проект закона о демобилизации старших возрастов. Над вопросами увеличения пенсии и пособий как солдаткам, так и сиротам мы также работаем. Имеется ввиду установить прибавку на дороговизну. А по вашему первому вопросу, являющемуся кардинальным, стоит ли вести пассивную оборону, или выполнять приказы военного начальства о наступлении,—на это достаточно уже ответило Временное правительство, назначив генерала Корнилова верховным главнокомандующим.

— Какой же отсюда вывод? — переспросил я.

— Вывод тот, что коль скоро Временное правительство доверяет пост верховного главнокомандующего генералу Корнилову, который является честным военным и преданным новой революционной власти человеком, то армия обязана выполнять его приказы. Если он прикажет наступать — значит наступать.

— А как реагирует солдатская секция,—задал я еще вопрос,— на введение смертной казни на фронте и на ликвидацию прав армейских общественных организаций на созыв своих собраний?

— По этому поводу,— ответил Оцуп,— правительством принят соответствующий закон в полном согласовании с мнением большинства революционной демократии, т. е. Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы считают, что темная масса в период тягчайших военных напряжений не может иметь у себя свободных мнений; всевозможные темные силы будут стараться использовать солдатскую массу в своих низменных интересах. Одними словами и митингами с солдатской массой ничего не сделаешь. Необходимо физическое воздействие. Таким физическим

воздействием и является введение на фронте смертной казни.

— Не похвалит вас за это солдат!

— Всегда революционное меньшинство руководит пассивной массой большинства. Мы не можем итти на поводу солдатских инстинктов.

— Слова-то красивые, тов. Оцуп, но нам на фронте они не нравятся. Как насчет разрешения собраний?

— Если начальник объявляет солдатам, что надо итти в наступление, а солдатские организации в это время будут созывать свои собрания, то, согласитесь сами, что из этого получится? Собрания могут происходить лишь вне боевой обстановки, а это видно только военному начальнику. Если же командование будет злоупотреблять запретом собраний, то полковым и дивизионным комитетам предоставляется право апеллировать к комиссару армии.

— Комиссар далеко, от полка до армии сотни километров, пока снесешься—всякий интерес пропадает.

— Такова воля правительства. А вы за поддержку Временного правительства? — спросил он меня, смотря в упор своими белесыми глазами.

— Я член Крестьянского совета и представитель крестьянских организаций, а последние, как известно, поддерживают Крестьянский совет, следовательно, и Временное правительство.

— Я вам рекомендую, — сказал Оцуп, — прочесть письмо Леонида Андреева, адресованное солдатам. Этот большой писатель-демократ до мозга костей возмущен поражением под Тарнополем, почему обратился с прекраснейшим письмом к солдатам, в котором честными демократическими словами осуждает их поступок.

— Познакомлюсь.

От Оцупа прошел к Гвоздеву. Гвоздев — небольшого роста, шатен с симпатичными карими глазами, с нервным пе-

редергиванием лица. Поздоровавшись со мной, пригласил сесть.

— Из-под Тарнополя? Плохо там у вас?

— Было плохо. Теперь как будто бы восстанавливается.

— Фронт предали.

— Ну, кто фронт предавал. Просто стечение обстоятельств. Разве нашим войскам впервые отступать, особенно, когда немцы сосредоточивают свой удар на каком-либо одном участке?

— Что и говорить. А все-таки тут большая доля вины на большевиках, они разлагают фронт.

— А где же вы-то находитесь? Если большевики работают на фронте, то вам тоже следовало бы бросить Петроград и ехать на фронт.

— Здесь в Питере они настолько гарнизон обработали, что нам теперь почти показаться нельзя.

— Тем более это говорит за то, что вам нужно быть на фронте.

— Знаете, тов. Оленин, я вижу, что здесь мы толчем воду в ступе; говорим, митингуем, принимаем резолюции, а большевики действуют и правильно делают. Вот у нас в Крестьянском совете солдатская секция работу ведет. Какую работу? Такую, которая никому не нужна. Создали комиссию по обсуждению вопроса о демобилизации старших возрастов,— и вопрос разрешится, когда война окончится. Над земельным вопросом тоже работают; я выдвинул мысль, чтобы земля была немедленно передана в ведение земельных комитетов. Нет, видите ли, нельзя передать. Чернов, старый соц.-революционер, лидер ЦК партии, признанный вождь, и тот приходит и жалуется, что у него в аппарате сплошной саботаж, что обсуждение аграрных реформ производится в совете министров через час по чайной ложке. Решительности нет. Интеллигентщина сплошная.

— Что же вы не кричите?

— Перед кем будешь кричать? Того не тронь, этого не обижай, а ведь масса не ждет. С Учредительным собранием тоже волокита; решено было собрать на август месяц, теперь отложили на конец сентября. Во Временном правительстве кадетов сидит больше, чем надо, свою линию гнут, народники свою, соц.-революционеры свою. А история с введением смертной казни? Ведь это дело рук «революционной» демократии, которая всегда ратовала за ликвидацию смертной казни. Вы были у Оцупа?

— Был. Но он настроен не так, как вы.

— Это чиновник, который хочет себе министерский портфель заработать. Он, может быть, рекомендовал вам письмо Л. Андреева читать?

— Рекомендовал.

— Знаю. Он каждому солдатскому делегату рекомендует. Андреев бывший социал-демократ, зарабатывающий десятки тысяч рублей в год своими произведениями, написал сквернейший пасквиль на русского солдата. Им-то и восхищаются наши верхи.

— Вы что же, к левым соц.-революционерам принадлежите, что ли, тов. Гвоздев?

— Ни к кому я не принадлежу. И там тоже сплошное политиканство. Больше говорят, чем делают; фраз больше, чем надо... Пойдемте ко мне чай пить,—неожиданно закончил свой разговор Гвоздев.

— Идем.

За чаем Гвоздев порассказал о настроении и о работе Крестьянского совета: председатель в нем Авксентьев, ему дан пост министра внутренних дел. Здесь он демократию разводит, а в министерстве проявляет жестокость администратора: он издал циркуляры о недопущении никаких беспорядков в помещичьих экономиях, приказал оставить в неприкосновенности помещичьи посевы, обещал помещикам содействие при уборке урожая.

— А как ведет себя бабушка Брешко-Брешковская?

— Древняя, выжившая из ума старуха, няньчится с ней вся наша братия только потому, что она просидела несколько лет в тюрьме и в ссылке. Керенский в Зимний дворец перебрался и бабушку около себя поселил. Плохо дело. Я кляну тот день, когда меня избрали представителем от 8-й армии в состав Крестьянского совета. Лучше было бы на фронте со своим ветеринарным лазаретом ездить.

Уже пять дней я в Питере. Был в Смольном, где жизнь кипит более энергично, чем в Крестьянском совете. Масса представителей с фронта—солдат, много рабочих, снующих по различным комнатам, получающих литературу, указания, советы. Видно оживление. Много говорят по поводу июльского выступления; большевиков ругают, но в то же время говорят, что сейчас Петроградский совет имеет более революционный вид, чем было раньше. Целый ряд большевиков засел в президиуме Петроградского совета, и там почти обеспечено большинство за большевиками.

В Таврическом дворце попал случайно на заседание исполкома Совета рабочих депутатов. Делал доклад Громан о положении в стране с продовольствием. В большом зале, где раньше заседала Государственная дума, три четверти мест пустуют.

Больше оживления в кулуарах, где люди обсуждают положение на фронте, введение смертной казни и пр.

— Что же поделаешь, — говорил один из членов Совета, одетый в форму военного врача, — мы должны продолжать войну в единении с союзниками. Союзники требуют, чтобы фронт был дисциплинирован, а дисциплину без крупных репрессий не восстановишь. Вся ставка на смертную казнь.

Потолкавшись по общественным организациям Петрограда, я собрался ехать обратно на фронт, ничего не получив путного из этой поездки. Перед отъездом зашел на Пу-

тиловский завод повидать брата, работающего на этом заводе уже тридцать лет. Оказалось, что он меньшевик. Бывшие у него на квартире несколько рабочих вели ожесточенный спор.

— Большевики правы, — говорили рабочие, — а меньшевики и эсеры ведут нас по указке союзников; надо гнать их в три шеи.

— Большевики — немецкие шпионы, — говорил Николай Никанорович, — было официальное извещение. Я слышал доклад следователя по важнейшим делам в Совете рабочих депутатов: все нити в руках.

— Врут они, все эти ваши следователи по важнейшим делам. Что это за следователи? Откуда они взялись? Раньше были прихвостнями у царя, а теперь тов. Ленина за контрреволюционера принимают.

— Надо скорей Учредительное собрание, оно решит отношение к войне.

— Учредительное собрание, очевидно, провозгласит демократическую республику в нашей стране, подобно тому как во Франции и Америке, — сказал я.

— Нет, извините, господин офицер, нам такой республики не надо. Нам нужен контроль над производством, нам нужно национализировать предприятия, а не делать хозяевами предприятий теперешних владельцев. Власть мы должны установить свою, а всех этих Милюковых, Гучковых гнать в три шеи, — говорил Николай Никанорович.

— У нас нет опыта управлять государством.

— Ничего, справимся. Подумаешь! Что ж, они родились, что ли, министрами? Только потому что у них мошна толста, поэтому и в правительство попали. К чорту гнать оттуда!

После шестидневного пребывания в Питере двинулся к себе на позиции. Поезд довез до станции Проскурово, где я узнал, что 11-й полк расположен на отдыхе около Волочи-

ска. Поезд довёз до этой станции. На станции узнал, что до 11-го полка надо итти пешком километров семь вправо к деревне Савино. Ларкин забронировал для меня хату. Музеус за последние три недели, что я его не встречал, показался мне еще более постаревшим, осунувшимся; ходит с большим костылем; раненная нога болит.

— Садитесь, — встретил он меня ласковым голосом. — Когда приехали?

— Только сегодня, господин генерал.

— Что хорошего в Питере?

— Ждут от фронта больших чудес. Много говорят о необходимости решительного наступления, решительной обороны и очень мало делают.

— Нужно было бы всех говорунов сюда, на фронт. Я никогда не был сторонником больших репрессий по отношению к солдатам; даже в тяжелых случаях я никогда ни одного солдата не предал полевому суду, — а теперь за всякий проступок требуют отдавать солдата под полевой суд, т. е. гнать на смертную казнь. Противно мне это. Счастливы те, которые были в первые дни революции отчислены в резерв. Я получил циркуляр, обязывающий оказывать содействие помещикам в уборке посевов. Мало того: я не имею права отказать помещикам в откомандировании солдат из резерва на уборку полей; а ведь солдаты те же крестьяне, — как они будут убирать хлеб помещика и возить его на гумно самого же помещика?

— А как вы относитесь к Керенскому, господин генерал?

— К Керенскому? — задумчиво протянул Музеус. — Знаете, Оленин, мне кажется, что наша страна катится к гибели именно потому, что имеет Керенского. Наступление 18 июня—кому и зачем оно было нужно? Я человек пожилой. Много видел на своем веку. Видел дурных генералов, бездарных правителей, но того, что представляет собой Керенский, мне приходится видеть впервые. Болтун, кото-

рый ничего своего не имеет, кроме разве огромного честолюбия, готовый, очевидно, возомнить себя Бонапартом. Если бы не наступление 18 июня, мы не имели бы тарнопольского прорыва, мы не имели бы того развала на фронте, который наблюдаем сейчас. Раз издан приказ № 1, то благоразумное правительство должно было бы оставить фронт на тех местах, на которых он закрепился, и вести дело к тому, чтобы постепенно выйти из войны. Вы посмотрите, после Тарнопольского отступления главнокомандующим назначают Корнилова. Я знаю этого генерала. Уважаю его, как знатока военного дела, и его военные способности. Но не в военных способностях теперь дело, не они нужны. Не думаю, чтобы Корнилов давал нам такие директивы, как помогать помещикам в уборке их урожая. Вы знаете, — я теперь лишен права командировать какого-либо офицера в тыл без согласия штаба армии: везде, всюду мерещатся большевики. Я сам не могу хладнокровно смотреть на те безобразия, которые творятся; делают глупости и заставляют к этим глупостям прикладывать руку и меня.

— А кто вам мешает заявить об этом открыто?

— Мой сорокалетний служебный стаж. Привычка беспрекословно исполнять приказы. Только с вами нечаянно разговорился. Вам что надо, собрание устроить?

— За этим и пришел.

— Собирайте и, вообще, когда вам надо — собирайте не спрашивая разрешения.

Собрал делегатов каждой роты, подробно рассказал о посещении Петрограда.

Доклад вышел безотрадный. Солдаты долго, задумавшись, молчали, прежде чем приступить к прениям.

— Надо домой итти, — неожиданно произнес присутствующий на докладе мой Ларкин.

На Ларкина цикнули несколько унтер-офицеров.

— Домой, — завопил Ларкин. — Землю брать, все равно воевать больше не будем.

— За дезертирство тоже смертная казнь, — ответил кто-то Ларкину.

— Всех не переказнят. Что у нас винтовок нету? Взять винтовки и разойтись.

Слово попросил член комитета Панков:

— Что же это, товарищи? Зачем мы всякие организации на фронте имеем? В деревне земля, как была у помещиков, так и осталась, на фронте солдатам смертная казнь, а генералам всяческие почести и уважение, капиталисты попрежнему своими фабриками и заводами управляют. Где же это самое социал-революционное-то правительство наше? Я так думаю, что нам надо в Питер написать, и не в Крестьянский совет, а прямехонько в Смольный, в Совет рабочих депутатов. Сколько из полков людей постреляли! Взять хотя бы наш двенадцатый... Человек тридцать!.. А из тюрьмы куда? Может на виселицу?

— Подожди, Панков, — прервал я его. — Что положение скверное, верно, но не настолько, чтобы впадать в панику. Нам надо связаться с армейским комитетом и комиссаром. Выяснить, как они смотрят на происходящие события.

— Тогда давайте так и решим, — предложил собранию Панков. — Пусть Оленин едет в штаб армии, а по возвращении вернемся к обсуждению этого вопроса.

Его предложение было принято единодушно.

На другой день я уже был в штабе армии.

Комиссар армии Чекотилло в отъезде. Его помощник Цветков должен скоро притти.

В ожидании Цветкова сижу в комнате его секретаря, присяжного поверенного Смирнова.

— Я каждый день регулярно веду запись своих впечатлений, зарисовываю в своей тетрадке типы приходящих на свидание к комиссару солдатских представителей...

«Значит, и меня зарисует», — подумал я.

— И что же, интересно?

— Чрезвычайно интересно. Можно публику разделить на

две основных категории: первые — это сочувствующие революции, преимущественно солдаты; редко попадет офицер военного времени. Люди этой категории приходят к комиссару с возмущением на существующие порядки, в частности на жестокий режим генерала Корнилова, и комиссар должен всячески успокаивать, уменьшая возможные эксцессы со стороны солдатской массы. Другая категория — офицеры, жалующиеся на солдатские организации. С этими людьми приходится комиссару говорить уже по-иному. Эти господа выходят от комиссара несколько облегченные в своих настроениях, но, конечно, не удовлетворенные.

— Трудна роль комиссара, он не хозяин армии, а что-то среднее между молотом и наковальней. Командующему армией, например, надо провести какое-нибудь мероприятие, которое явно направлено во вред интересам основной солдатской массы, генерал чувствует, что тут нужно содействие комиссара, — и комиссар должен, не вникая собственно в суть мероприятия, так его представить солдатам, чтобы оно показалось и полезным и нужным. Отменить распоряжение командующего армией комиссар не может, издать самостоятельное распоряжение по армии тоже не может, в общем совершенно никчемный человек. Для меня непонятно, зачем, кому и для чего он потребовался.

Вскоре пришел Цветков. За чаем он жаловался на бесправие комиссара и бестактности, допускаемые генералитетом.

Я поставил перед ним свои вопросы.

— Насчет смертной казни, — сказал Цветков, — я ничего не скажу, — возмущение этим распоряжением идет со всех сторон, но оно продиктовано, я думаю, вы понимаете, желанием правительства сохранить боеспособную армию, особенно после несчастного трансполыского бегства. Нужно солдату противопоставить дилемму: или он при наступлении имеет известный шанс остаться в живых, или при бегстве с позиций безусловно будет расстрелян. При такой дилемме солдат, естественно, будет выполнять распоряжения на-

чальства о наступлении. Если же не смертная казнь, то с какой стати солдат пойдет в наступление, где он имеет какой-то шанс на гибель? Солдат дрожит только за свою шкуру. Так что и с моей точки зрения, — в заключение сказал Цветков, — смертная казнь на фронте — явление совершенно естественное, и напрасно вы так возмущаетесь. Что же касается крестьянской секции, то я охотно пошел бы вам навстречу, если бы на этот счет не имелось распоряжение военного министерства,—ведь мы сейчас на фронте, по новому положению, не можем создавать каких-либо общественных организаций, за исключением уже созданных комитетов, всякие новые организации требуют санкций свыше. Я полагаю, что нужно ждать указаний из Питера.

В столовой армейского комитета неожиданно встретил земляка Бушуева, с которым был знаком еще до призыва на военную службу. Бушуев—сын зажиточного крестьянина со станции Епифань; в детстве был отдан мальчиком на выучку в Петербург в одну из типографий, где и работал до самой войны, а уже во время войны был призван по мобилизации. Теперь Бушуев меньшевик. В армейском комитете занимает должность редактора «Известий комитета».

— Без репрессий нельзя, — говорил Бушуев, — уж больно распущенность у нас велика и некультурности много. Армейский комитет принял решение поддержать мероприятия, направленные на усиление дисциплины.

— Но ведь идиотски же проводятся эти мероприятия.

— Для того чтобы мероприятия так проводились, как полагается, учрежден комиссар; ни один смертный приговор не может быть приведен в исполнение без санкции комиссара.

— Ну и что же, комиссар приостанавливает приговоры?

— Он обычно советуется со своей фракцией при армейском комитете, и всякие утверждения, если бывают такие, выполняются на основании соглашения с фракцией. Так что в данном случае утверждение смертной казни не зависит от

единоличного усмотрения комиссара армии или его заместителя.

— Но ведь самый факт смертной казни, — возмущенно говорил я, — больно мерзок; революция, свободная Россия, солдаты получили права гражданства, и вдруг стоило совершиться одному Тарнопольскому отступлению, как сейчас же поднялся дикий вопль буржуазии и на голову солдат сваливается смертная казнь; ведь вы так вновь отберете все права, данные в марте месяце.

— Что было дано, то сохраним. А ты зачем приехал? — в свою очередь спросил он меня.

— По организации крестьянской секции; я работаю в крестьянском совете 3-й дивизии. Цветков говорит, что без приказа военного министерства это дело организовать нельзя.

— Ты поставил бы этот вопрос у нас в армейском комитете.

— Мне разъяснили, что надо только с комиссаром согласовать.

— Как хочешь. Правда, сейчас армейский комитет не мог бы собраться, все члены находятся в разъездах по частям, у нас собственно осталась одна лишь редакционная коллегия на месте.

По возвращении в полк вновь созвал представителей моего крестьянского совета, на котором доложил о результатах поездки.

— Будет лучше, — предложил я, — если каждый полк будет иметь свою самостоятельную ячейку, а дивизионный комитет будет состоять, таким образом, из представителей полковых комитетов, что уменьшит громоздкость наших собраний и приблизит нашу работу непосредственно к солдатам.

Предложение принято. Намечены организаторы крестьянских советов в полках, выработана здесь же на собрании

инструкция с обязательством в недельный срок провести выборы комитета и протокол прислать ко мне.

После официального закрытия собрания начались частные разговоры между моими представителями.

— Нажимают на нас, товарищ Оленин, — говорили они, — сейчас издан приказ, обязывающий отдавать честь офицерам.

— Как отдавать честь? Ведь это же запрещено приказом по военному ведомству.

— По военному ведомству запрещают, а по дивизии приказывают. Вот посмотрите, у меня с собой выписка из приказа.

Приказ гласил:

В целях установления правильных взаимоотношений на службе между солдатами и офицерами приказывается: при встрече солдата с офицером первый должен приветствовать офицера путем приложения руки к головному убору; офицер, в свою очередь, должен одновременно приветствовать солдата.

Открыто насчет отдания чести не сказано, но содержание приказа, даже его форма говорят о том, что солдат обязывается отдавать честь.

— На комитеты нажим пошел, — говорили другие, — отправлены в строй все члены комитета частей, находящихся при штабе дивизии.

Один из солдат пожаловался в комитет на нетактичные действия начальника штаба, генерала Сундушникова. Сундушников назвал солдата на «ты», ругал его площадной бранью, и вот солдат пожаловался в комитет, прося рассмотреть вопрос об оскорблении генералом солдата. Комитет заслушал объяснения солдата и постановил довести до сведения начальника дивизии генерала Музеуса о незаконных действиях со стороны начальника штаба; ответом на такое постановление комитета был приказ по штабу дивизии за подписью того же Сундушникова о направлении Широкова, Свиридова и Корнеева, членов комитета, в строй, в 9-й полк

якобы «для пользы службы», а на самом деле это просто разгон комитета.

В 10-м полку, — рассказывал один солдат, — командир полка Синельников откровенно стал на защиту помещиков. Во время уборки хлеба он попытался послать целый батальон солдат в помощь помещику на полевые работы; понятное дело, батальон работать отказался. Местное население хотело свезти хлеб на свои гумна, но Синельников приказал выставить караул и не давать производить уборку хлеба крестьянам. Под прикрытием солдат помещик быстро собрал хлеб, обмолотил и запродал интенданту. Крестьяне возмущены, говорят, что революционная армия защищает помещика.

— Волынский губ. комиссар, — рассказывал другой, — обращается к командирам полков с просьбой защитить, в районе расположения полков, помещиков от анархических действий со стороны крестьян, прикрываясь тем, что землю нельзя брать до обсуждения вопроса о разделе земли Учредительным собранием; когда будет Учредительное собрание? Все маринуют, обещали собрать чуть ли не весной, а теперь, говорят, на сентябрь отложили. Невыгодно, очевидно, им собирать.

— Верно, невыгодно.

Появилось на фронте много женщин, поступающих в полки добровольно. В районе штаба корпуса разместилась специальная женская часть, женский батальон, «ударники», как они себя называют, под командой тоже женщины, произведенной даже в прапорщики. В батальоне до тысячи бойцов-женщин, причем командные должности заняты ими, ни одного мужчины в этом батальоне нет.

— Их бы по ротам распределить для солдатского удовольствия, — сумрачно предложил Ларкин, — всякие шлюхи набрались в армию, хлеб только на них изводить. Подумаешь, вояки какие!

В Бердичеве создаются новые ударные части, формируе-

мые исключительно из добровольцев, по преимуществу из прапорщиков. Части эти носят название «батальонов смерти»; у них на руках повязки с нарисованным черепом.

Панков говорит, что командный состав собирает для себя силы в противовес нам.

Газеты полны сообщениями о происходящем в Москве совещании представителей государственных, военных и общественных организаций. На этом совещании с большими речами выступали министр-председатель Керенский, затем верховный главнокомандующий Корнилов и ряд других. Между буржуазными партиями и меньшевиками состоялось как бы примирение; Церетели, лидер партии меньшевиков, расцеловался с представителем буржуазии Рябушинским. Говорят о необходимости крепко держать фронт, о полном единении с союзниками, о твердой власти, о поддержке командного состава, о доверии верховному командованию в лице Корнилова и т. д. и т. п.

Рябушинский, Коновалов и др. выступают с речами, говоря, что надо положить на алтарь отечества все силы и средства. Но не видно, чтобы жертвовала буржуазия, пока что льется лишь солдатская кровь, а буржуазия снимает барыши с подрядов.

Противно читать все это, особенно нападки по адресу солдатских комитетов.

Ко мне зашли с просьбой дать книг по политическим вопросам два офицера, один нашего 11-го полка — Трехсвятский, и другой из 12-го полка — Медведев. Я предложил к их услугам библиотеку, говоря: «Выбирайте все, что вам нравится».

Разговорились о происходящем московском совещании и о тех нападках, которые сейчас сыплются на действующую армию, якобы вышедшую из повиновения начальству.

— Знаете, что,—конфиденциально заговорил Медведев,—я размышлял над Тарнопольским отступлением и пришел к выводу, что это отступление произведено не по

вине солдат, не потому, что солдатские комитеты мешали командному составу. Тарнопольский прорыв лежит исключительно на совести высшего командного состава. Командный состав нарочно производит провокационные выходки, чтобы вызвать большое возмущение со стороны солдат, которым можно было бы потом козырять перед начальством, перед правительством, перед центральным Советом и тем самым вырвать постепенно одну уступку за другой и, в конце концов, прибрать все дело к своим рукам.

23 августа прочли в газетах о взятии немцами Риги и паническом отступлении 12-й армии. Ну, теперь пойдет еще больший шум!

Носятся слухи, что с фронта по распоряжению генерала Корнилова лучшие боеспособные дивизии направляются к Петрограду, где сосредоточиваются крупные резервы на случай, если бы немцы стали подходить к Питеру. Просачиваются слухи, что создание резерва под Петроградом производится не столько для того, чтобы защищать город от немцев, сколько для того, чтобы заставить Временное правительство отправить на фронт революционный петроградский гарнизон. Питерский Совет вынес постановление, что войска петроградского гарнизона не могут быть выведены из революционной столицы. На этой почве ходит много разговоров, будто бы питерский гарнизон из шкурнических интересов не хочет выезжать на фронт, что приятнее сидеть в столице, болтаться по митингам, чем быть в окопах.

Где тут истина?

---

29 августа ранним утром я был разбужен прибежавшим ко мне членом дивизионного комитета писарем Орловым.

— Что такое стряслось? Или отступление?

— Хуже. Получено извещение о предательстве генерала Корнилова. Генерал Корнилов издал приказ о неподчинении распоряжениям Временного правительства, о ликвидации комитетов, и что всю верховную власть он переносит в ставку.

— Вот так на! А я только вечером вернулся из штаба армии и ничего не слышал.

— Я сегодня такой приказ получил: предлагается офицерам крепко взять в свои руки управление частями и всякое выступление солдат пресекать, не брезгая никакими средствами.

Я быстро оделся и вместе с Орловым пошел в хату председателя дивизионного комитета Спудре. Однако его уже не было, он ушел к генералу Музеусу. Поручив Орлову срочно собрать дивизионный комитет, я сам побежал на телефонную станцию, где попросил телефонистов немедленно передать телефонограмму в полки и полковые части о немедленном созыве членов крестьянского совета на дивизионное собрание.

Пришел Спудре.

— Вам известно о контр-революции Корнилова? Как вы оцениваете положение? — обратился я к нему.

— Наше дело маленькое, — ответил Спудре, — раз верховный главнокомандующий приказывает, — мы должны подчиняться.

— Как подчиняться? Он объявляет контр-революцию, хочет свергнуть Временное правительство, отдает официальный приказ о неподчинении Временному правительству, — а вы говорите «наше дело маленькое»!

— Я прежде всего военный.

— А по-моему, вы прежде всего мерзавец!

Стали подходить члены комитета. Спудре, стараясь быть спокойным, сообщил, что им получено распоряжение от генерала Музеуса: на основании приказа верховного главнокомандующего немедленно должны быть распущены дивизионный и полковые комитеты.

— Я считаю, — закончил Спудре, — что мы должны немедленно себя распустить.

Выступил я:

— Я считаю, что распоряжение, полученное Спудре, не-

законно; я считаю, что оно определенно контр-революционно. Мы должны не только не распускать дивизионный комитет, но всячески его укрепить; взять под свое наблюдение весь штаб дивизии; должны забрать в свои руки всю корреспонденцию, идущую из ставки и штаба армии, и, если потребуется, назначить нового начальника дивизии. Спудре же предлагаю немедленно арестовать как предателя, не оправдавшего доверия солдат и офицеров, избравших его на пост председателя дивизионного комитета.

На сторону Спудре стал лишь один военный чиновник Зеленский, остальные члены комитета, в том числе два прапорщика, приняли мою сторону с той лишь поправкой, что арестовывать Спудре немедленно нет никакого смысла, а нужно выждать развития событий. Предложение же об установлении контроля на телефонной станции и на телеграфе за всей корреспонденцией — принять. Поручили Орлову организовать получение всех телеграмм с телеграфа и направление их в комитет. Функции временного председателя комитета я самочинно присвоил себе.

В телеграммах, идущих из ставки, говорилось, что Временное правительство, состоящее из политических интриганов, не способно вывести страну из того хаоса, в котором она находится, и что только доведение войны до победного конца и созыв Учредительного собрания установят окончательный государственный строй и порядок.

Поступила телеграмма от комиссара армии:

Генерал Корнилов поднял мятеж, призывает офицерство армии не исполнять приказов Временного правительства. Временное правительство приняло меры к ликвидации мятежа. Вместо Корнилова верховным главнокомандующим назначен министр-председатель и военный министр А. Ф. Керенский. Приказывается установить продолжительное наблюдение за поведением старшего командного состава и за полным выполнением всех тех распоряжений, которые следуют от Временного правительства и нового верховного главнокомандующего Керенского.

Прибыли мои крестьянские депутаты. Приняли постановление — оказывать всемерную поддержку Временному пра-

вительству, приветствовать назначение верховным главнокомандующим министра-председателя Керенского, объявить беспощадную борьбу контр-революции и требовать от Временного правительства сурового наказания мятежнику Корнилову. Решили немедленно организовать митинги во всех ротах для разъяснения происшедшего и для усиления бдительности за поведением командного состава.

Отправился к Музеусу, чтобы выяснить его отношение к происходящим событиям.

— Я прежде всего солдат, — заявляет мне Музеус, — если верховный главнокомандующий приказывает отступать, я буду отступать, если прикажет итти в наступление, я пойду в наступление; ежели приказывают выполнять постановления только одной военной власти, — я буду только их выполнять. Мы не должны рассуждать над приказами, дающимися нам верховным командованием; был верховным главнокомандующим генерал Корнилов, я исполнял его приказы; теперь назначен Керенский, — для меня святы приказы Керенского.

— Следовательно, вы поддерживать авантюру генерала Корнилова не будете?

— Я уже вам сказал, что я подчиняюсь приказам тех начальников, которые в данное время надо мной находятся.

В течение трех дней происходили беспрерывные митинги, на которых выносились резкие протесты против мятежа, поднятого Корниловым. Авантюра Корнилова показала еще раз, что солдаты крепко стоят за завоевания революции. Но это же самое выступление показало, насколько не надежна офицерская публика, даже та, которая прикидывалась ранее демократической и проникла в наши солдатские организации; во всех комитетах было постановлено — убрать офицеров.

Такое же постановление вынесли и мои крестьянские депутаты в отношении наших крестьянских советов. Считая

это постановление совершенно правильным, я поднял вопрос о назначении нового председателя крестьянского совета, ибо после этого постановления я, как офицер, участвовать в комитете не могу.

— Мы тебя не считаем за офицера, — возразили присутствующие члены, — ты наш, ты из солдат.

Однако вопрос я все же поставил на баллотировку и в результате единогласно был оставлен в роли председателя комитета.

В дивизионном комитете произошли перевыборы, изгнали оттуда колеблющихся офицеров, выгнали Спудре, и теперь во всем дивизионном комитете лишь один прапорщик, выдвинутый солдатами 12-го полка,—Медведев. Постановили: следить за поведением командного состава.

Солдаты категорически потребовали отмены приказа об обязательном приветствии. Во все полки послано предложение отнюдь не наряжать никаких караулов для охраны помещичьих земель и посевов.

Вынесли постановление о немедленной ликвидации полковых судов и об отмене смертной казни. Эти постановления отправлены комиссару армии, причем копии разосланы по соседним дивизиям.

Подозрительное отношение к штабным и офицерским действиям у солдат усилилось; каждый приказ, выпускаемый по дивизии, прежде чем пустить его в роты к исполнению, тщательно обсуждается в полковых комитетах, и лишь только после подробного анализа, после выяснения, что данный приказ не содержит в себе ничего контр-революционного, его принимают к исполнению.

Общественные организации, солдатские комитеты и крестьянские советы значительно подняли свой авторитет, и теперь со всякими нуждами солдаты идут в свой комитет, как к настоящему защитнику их интересов.

ГЛАВА XII

НА ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕЩАНИИ

В Петроград прибыл седьмого сентября. Остановился было в гостинице. Дерут за номер немилосердно. В целях экономии средств решил просить сестру Анну — работницу Путиловского завода — приютить меня у себя. В тот же день отправился к ней в район Нарвской заставы. Она охотно разрешила воспользоваться ее комнатой, если только хозяин не будет препятствовать. Вместе с Анной пошел к квартировладетелю. Он рабочий Путиловского завода, токарь по металлу, зарабатывающий около 250 рублей в месяц.

Снимаемая сестрой комната небольшая, очень чистая, светлая, ничуть не хуже снятого мною в гостинице за семь с полтиной номера. Вся квартира производит впечатление большой опрятности ее обитателей. Состоит из четырех комнат, с газом в кухне, ванной и электричеством.

Квартирохозяин, хотя и рабочий, но впечатления такового не производит. Скорее это интеллигент, ибо тотчас же по возвращении с работы переодевается в отличный костюм, надевает воротничок, манжеты, галстук. После обеда любит посидеть за газетой, поговорить о политике.

На вопрос сестры, не будет ли с его стороны возражения, если она уступит на неделю свою комнату мне, он детально расспросил, на каком я нахожусь фронте, что там делаю, каковы мои политические убеждения, не монархист ли я, или не большевик ли, о цели приезда в Петроград и почему

хочу остановиться на такой далекой окраине, как Нарвская застава.

На все эти вопросы я ответил, что являюсь членом крестьянского комитета, в Петроград приехал с целью информации о политическом положении дел, собираюсь пробыть недолго, ни монархистом, ни большевиком не являюсь и что удивляюсь приравнению монархистов к большевикам.

Квартирохозяин пытался расспросить меня о настроении солдат на фронте, но я почувствовал различные точки зрения, насторожился и уклонился от дальнейшего разговора.

Пошел в Совет крестьянских депутатов. Встретил Гвоздева, который теперь является председателем солдатской секции, так как Оцуп получил другое назначение в связи с занятостью Авксентьева на посту министра внутренних дел.

— А, Оленин, опять приехал! — встретил меня Гвоздев. — У вас больше не бегут?

— Солдаты не бегут, зато генералы их здорово бьют.

— Это вы что, на Корнилова намекаете?

— Хотя бы.

— Ну, Корнилов-то здоровую нахлобучку получил. Вы знаете, он арестован и сидит под стражей на ст. Быхов.

— Очевидно, у вас хорошей тюрьмы для генерала не нашлось? Если бы дело коснулось какого-нибудь революционера, пожалуй, Шлиссельбургская крепость оказалась бы свободной.

— Вы правы, — сказал Гвоздев, — мы уже ставили вопрос, что Корнилова надо строго изолировать, а не держать под охраной верных ему батальонов смерти. Вы видели эти батальоны? — спросил Гвоздев.

— Видел и возмущался их гнусным видом.

— Что значит череп на их повязке?

— Символический знак, что через какой-то промежуток

времени от всех этих ударников, кроме черепа, ничего не останется, — рассмеялся я.

— А мне думается так, что они хотят революцию в череп превратить. Идея их создания принадлежит Корнилову. Составлены эти батальоны сплошь из маменькиных сынков, буржуазии и из зеленых прапорщиков.

— Расскажите, что здесь хорошего?

Гвоздев безнадежно махнул рукой:

— Гнусь одна. Два месяца кричали о Тарнопольском отступлении, теперь две недели кричат о рижском. Так за криком время и идет.

— Почему вы не реагируете на травлю солдат? Посмотрите, что газеты пишут: там-то солдат такой-то роты не во-время оправляться ушел, другой дезертировал, та рота не выполнила распоряжения, причем совершенно не указывают характера этого распоряжения. Быть может оно было контр-революционным. И ни звука о поведении командного состава. Вы, представители фронта, избранные солдатами, солдатская секция крестьянского совета, что вы делаете?

— Видите сами, что. Сидим, обложились бумагами Устраиваем комиссии, заседания, обсуждаем решения в первом чтении, начинаем вторичное. К каждому пункту поправка, к поправке примечание, к примечанию новая поправка. И так без конца. А вожди — Авксентьев увлекся своим министерским портфелем. Всем крутит Керенский, а Керенским крутят кадетские министры.

В одном из больших зал лицея я увидел конференцию На трибуне стоял солдат, вихрястый, белокурый, в распахнутой шинели, и, энергично жестикулируя руками, произносил речь:

— Нас предают и предают, товарищи! Счастье рабочего класса и крестьян в собственных руках. Если мы будем рассчитывать на кадетов, то ничего не дождемся. Надо твердо

и немедленно ставить вопрос о передаче власти в руки советов. Только власть советов может обеспечить мир солдатам, землю — крестьянам, восьмичасовой рабочий день и контроль над производством — рабочим.

Происходило совещание агитаторов-большевиков, солдат петроградского гарнизона.

Оратору дружно аплодировали. После него вышел солдат, представитель частей петроградской обороны:

— Наш пулеметный полк установил бдительное наблюдение. Мы вычистили всех подозрительных офицеров. У нас в полку настроение исключительно за советы, и по первому зову мы готовы встать грудью в защиту и на углубление революции.

Другой, с Васильевского острова, говорил, как относятся рабочие к Керенскому:

— Забылся Керенский, царя из себя корчит, в Зимний дворец перебрался. Занял комнаты Николая второго. Понятно, что из дворца-то не очень хочется выезжать. У нас в казармах полное недоверие к Временному правительству.

Однако, если такие речи произносятся в стенах Крестьянского совета, то что же делается в Совете солдатских и рабочих депутатов в Смольном?

Прихожу в военное министерство узнать о судьбе крестьянских секций и о моем проекте передвижных библиотек.

Культурно-просветительным отделом ведает прапорщик Шер, среднего роста, упитанный, с холеными руками, брюнет.

Я кратко изложил цель визита.

— О крестьянских секциях вопрос в стадии обработки, — важно роняет слова Шер. — Свяжитесь с Крестьянским советом — с Оцупом. Библиотечное дело на рассмотрении совета министров...

Я поднялся было уйти. Но Шер обратился ко мне с во-

просом, как солдатские массы реагировали на выступление Корнилова.

— Возмущены донельзя, — ответил я на его вопрос. — После корниловской авантюры солдаты совсем перестали доверять офицерам. Я лично так расцениваю обстановку, что Корнилов своим выступлением в конце-концов причинил большую пользу революционному движению. У солдат открылись глаза, и теперь они не допустят провокационных выходок со стороны генералов и полковников.

— А какие же могут быть провокационные выходки?

— Я, например, убежден, товарищ Шер, что Тарнопольское отступление отнюдь не является причиной расхлябанности солдат, оно было спровоцировано высшими чинами штабов.

— Что вы говорите, поручик! Так ли? — недоверчиво посмотрел на меня Шер.

— Именно так. Целый ряд полков были предоставлены самим себе, уходили с позиции, не получив никаких распоряжений от штабов дивизий, хотя последние имели для этого все данные. Штаб 35-й дивизии снялся со своего места и бросился бежать в тыл еще тогда, когда только на небольшом участке обнаружился успех немцев. Ни штабы дивизий, ни штаб корпуса не использовали находившихся в их распоряжении резервов для того, чтобы ликвидировать прорыв. Здесь, очевидно, была прямая игра, чтобы путем массовых солдатских жертв и путем уступки территории вырвать у правительства ряд уступок. Я думаю, что рижский прорыв можно объяснить тем же самым.

— Странно, — протянул Шер. — Но ведь были же назначены следственные комиссии. Они выезжали на места и констатировали, что прорыв произошел в результате большевистской пропаганды и разложения солдат.

— Я не знаю, где следственная комиссия работала и выясняла, но в отношении тарнопольского прорыва в нашей

3-й дивизии, которая была под Тарнополем и тоже бежала, никаких следственных комиссий не появлялось.

— Позвольте, позвольте... у нас же материалы есть.

— А я утверждаю, как живой свидетель всего того, что было на фронте.

Нашел заведующего культурным отделом совета Николаева. В распоряжении культотдела имеются огромные книжные запасы либерального содержания, которые выходили в 1905-6 году и были конфискованы с наступлением реакции. Огромные подвалы лицея забиты сборниками «Знания», сочинениями Горького, популярными брошюрами, сочинениями Серафимовича, Чирикова и др.

— Нельзя ли мне у вас вагончик книг для 3-й дивизии получить? — спросил я Николаева.

— Только за деньги. Нам дают тоже только за деньги.

— Сколько вагон книг стоит?

— Вагон... — мысленно он стал подсчитывать. — Да так, тысячи две-три.

— Так это почти даром! Я сейчас же телеграфирую в дивизию, чтобы мне выслали рублей пятьсот, а остальную сумму мы вам пришлем позже.

— Это можно.

Прошло несколько дней, в течение которых я возился с отбором литературы в Крестьянском совете.

В один из вечеров прошел за Нарвскую заставу к брату Николаю.

— Опять приехал! — обрадовался он мне. — А я думал, что тебя в живых уже нет.

— Жив, что со мной сделается! Как у вас тут?

— Да что, видимо, большевики правы. Генералы гнут одну линию с буржуазией. Учредительное собрание все оттягивают. Самое правильное — передать власть в руки советов. Питерский совет сейчас на все сто процентов большевистский. Вот послушаем, что демократическое совеща-

ние скажет. Хотя на него больших надежд не возлагаем, а потом будем требовать передачи власти советам солдатских и рабочих депутатов. Жалко, что Ленин вынужден скрываться, он дело лучше бы поставил. «Правду» несколько раз громили. Выйдет два номера, а назавтра, смотришь, газета конфискована, типография разгромлена. Начинают печатать в других типографиях под другим названием. Рабочие нарасхват берут «Правду».

Четырнадцатого сентября собралось демократическое совещание. С помощью Гвоздева достал гостевой билет на самый верхний ярус Александринского театра.

Часа за два до открытия перед входом образовалась огромная очередь делегатов, которых впускали в театр с тщательной проверкой их мандатов. По сторонам очереди столпилась большая толпа любопытных.

Проверка гостевых билетов более упрощена, и для входа гостям отведен другой подъезд. В ложе верхнего яруса неожиданно столкнулся с однополчанином Моросановым.

Моросанов уже недели две как в Питере работает в главном штабе над выборками из приказов о награждении офицеров 3-й дивизии различными знаками отличия, чинами, орденами и проч.

— Зачем это надо?

— Хотят точно проверить все награды, какие получались офицерами за полгода, а эту проверку можно произвести лишь путем ознакомления с подлинными документами. Кроме того, надо протолкнуть целый ряд представлений о наградах и о производствах, какие были сделаны в дивизии и застопорились в главном штабе из-за революции.

— Вы как сюда попали? — спросил я Моросанова.

— Через главный штаб получил билет.

Моросанов высказал такую мысль: сейчас идет борьба двух крайних течений: монархистов и большевиков, все остальные являются буферами или просто шушерой, не стою-

щей никакого внимания. И меньшевики и эсеры — это политическая размазня.

— Я думаю так: или скоро на сцену активно выступят монархисты, или большевики. Монархия себя изжила, феодализм надо ликвидировать окончательно. Следовательно, надо делаться большевиками, которые прямолинейны и точны в своих требованиях. Большевики, кроме того, опираются на научный социализм, а не народнические поверия, как эсеры. За большевиками будущее.

Вместо шести вечера демократическое совещание открылось в восемь. Открывал совещание председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе. Стоя в центре президиума перед председательским креслом, Чхеидзе медленно начал свою речь, настолько медленно, что можно было ее записывать.

— Месяц тому назад в Москве происходило государственное совещание, созванное правительством. На государственном совещании, казалось, было установлено единение между различными социальными группами на данный исторический период, но за этот месяц произошло колоссальной важности событие — мятеж генерала Корнилова. Совет рабочих и солдатских депутатов в согласии с другими демократическими организациями решил созвать это демократическое совещание для того, чтобы выяснить положение страны, дать ему оценку, сделать соответствующие выводы и наметить линию дальнейшей работы. Народная мудрость велика, и мы общими усилиями надеемся разрешить вставшие перед революционной демократией колоссальной важности вопросы: вопрос с продовольствием, вопросы армии, вопросы войны и мира и другие.

После Чхеидзе выступил Керенский.

Чрезвычайно подвижной, с нервным подергиванием лица, с заложенной за правый борт пиджака рукой. Быстрыми шагами он подбежал к трибуне.

— Товарищи! — послышался его пронзительный голос.

Небольшая пауза. Керенский сделал несколько шагов назад, потом, возвратясь опять ближе к трибуне, повторил:

— Товарищи, страна переживает тяжелый исторический период. Мы имеем целый ряд событий огромной политической важности. Мы пережили две недели тому назад позорный мятеж, авантюру Корнилова. А два месяца назад мы были свидетелями не менее гнусного выступления левой части революционеров-демократов, бывших наших товарищей большевиков.

Делая гримасы, резко жестикулируя, будучи все время в беспрерывном движении то взад, то вперед, то в стороны, Керенский проговорил почти два часа о положении в стране, о напряжении в области продовольственного вопроса, о состоянии армии, о падении дисциплины, о развале фронта, о рижском отступлении, о позорном тарнопольском бегстве, много говорил, что именно он, Керенский, ликвидировал «корниловщину», что напрасно обвиняют его в союзе с Корниловым. Свою речь он закончил словами, произнесенными с большим пафосом:

— Мы настолько сильны, настолько решительны, что кровью и железом выметем контр-революцию, откуда бы она ни исходила, от монархистов, или от большевиков.

Выступил представитель фракции большевиков Каменев, встреченный жидкими аплодисментами.

— Страна идет к гибели, — говорил Каменев, держась чрезвычайно просто и произнося слова спокойным, размеренным тоном.—Руководство страной находится в скверных руках. Ни меньшевики, ни эсеры не ведают, что творят. Ссылаются на большевиков, сами же сеют худший вид контр-революций. Транспорт разрушен, доставка продовольствия к революционному Питеру почти прекратилась. Рабочие и гарнизон Петрограда находятся в полуголодном состоянии. На фронте развал. Главковерх открыто выступает против революции, поднимает мятеж...

Его ровная, чрезвычайно содержательная, спокойная речь приковала к себе внимание всего зала.

Каменев начал перечислять:

— Немедленное омоложение армии, изгнание контр-революционных генералов, сокращение числа едоков в армии наполовину, усиление внимания к транспорту, упорядочение грузооборота, ликвидация встречных потоков грузов, прекращение безобразий, когда с юга вместо хлеба к Питеру везут воду «куваку». Организация рабочего контроля над распределением продовольствия. Установление контроля над производством со стороны рабочих. Передача власти полностью Советам рабочих и солдатских депутатов.

Речь Каменева, в частности его предложения, неоднократно прерывались шумом, гиканьем и топаньем ног со стороны противоположных группировок.

— Совершенно очевидно, — сказал в заключение Каменев, — что Временное правительство этого состава не сможет руководить рулем государственной власти. Власть необходимо передать в руки советов.

ГЛАВА XIII
РУМКОМКРЕСТ

Под Волчинском дивизии не застал. Пришлось вернуться в Проскуров, где у этапного коменданта выяснил, что 3-я дивизия вышла из состава 11-й армии и переброшена на Румынский фронт в район Хотина.

От Жмеринки до Могилева-Подольска ехал в воинском эшелоне, идущем из Пензы на пополнение частей Румынского фронта. В эшелоне преимущественно молодежь в возрасте девятнадцати-двадцати лет, призванная по революционному призыву. Старых солдат совсем нет. Эшелон сопровождают два прапорщика, не бывших еще на фронте и поэтому жадно меня расспрашивающих об условиях боевой жизни и о том, предполагаются ли теперь новые наступления.

Я был сдержан, не хотелось расстраивать молодых прапорщиков, что фронт куда хуже Пензы с ее запасными полками. Рассказал, что настроение на фронте спокойно. Возможно, что будут еще наступления, как только наши войска соберутся с силами и оправятся после понесенных поражений под Тарнополем.

Прапорщики интересовались, часто ли на фронте применяются ядовитые газы. Сказал, что этот вид борьбы на фронте применяется редко, и что я, участник войны с самых ее первых дней, ни разу не подвергался газовой атаке.

В свою очередь я задал вопрос, как прошла революция в Пензе.

— У нас просто было. Услышали о революции, устроили митинг, арестовали губернатора, сместили командира запасного полка. Зато потом было хуже. Все время митинги. Запасные не хотят итти на фронт, офицеры отлынивают. Вот и для этого маршевого батальона, с которым мы едем, предположено было командировать совсем других офицеров, но те сумели отвертеться, и вместо них пришлось ехать нам. Мы только в июле прибыли из Казанского училища и должны были по закону четыре месяца пробыть в батальоне, а нас махнули сразу.

На одной из остановок, не доезжая станций трех до Могилева, для эшелона должен был быть приготовлен обед. Комендант станции, не получивший своевременно телеграммы о прибытии эшелона, обеда не приготовил. Солдаты, хотя и молодые, устроили страшный скандал.

— Контр-революционеры! — кричали они. — Арестовать коменданта!

И несколько из них, захватив винтовки, бросились на станцию в поисках коменданта. Последний благоразумно скрылся.

Часа три стояли, пока был приготовлен и съеден обед. Горнист очень долго играл сбор. Прошло по меньшей мере часа два прежде, чем солдаты собрались по вагонам.

На фронт ехали не солдаты а молодое пополнение, несущее вместе с собой разложение. Характерно, что сопровождавшие эшелон прапорщики мало беспокоились недисциплинированностью своих солдат.

— На фронт ведь едем, куда торопиться!

Огромное селение Бессарабский губернии Орешаны занято частями 3-й дивизии.

Нашел Ларкина с повозкой и вещами в районе 11-го полка.

В соседней хате — Боров, ведущий формирование национальных частей украинской армии.

Не успел вымыться с дороги, как притащился Боров.

— Украинская рада окончательно постановила, что 3-я дивизия должна сделаться украинской, — сказал он.

— А куда нас, «кацапов», денут?

— Вас переведут в другие полки.

— Давно ли в резерве?

— Две недели сидим тут, зачем, почему, неизвестно. До позиции сотня километров. Здесь не только наша дивизия отдыхает, но и весь 17-й корпус. «Солдатский вестник» передает, что новый начальник штаба главковерха Духонин целую армию держит в резерве, чтобы составить из нее ударную группу для действий на немецком фронте.

Получил телеграмму из Ясс, что инициативная группа солдат-крестьян созывает на 28 сентября фронтовой съезд крестьянских депутатов. Повестка дня: доклад по текущему моменту, обсуждение аграрного вопроса, обсуждение вопроса о выборах в Учредительное собрание и организация фронтового органа.

Чтобы своевременно попасть на съезд, пришлось просить начальника штаба дивизии Сундушникова дать мотоцикл.

Мотоцикл без коляски. Я устроился верхом на багажнике, подвесив стремена, чтобы не было трудно ногам.

Выехав в семь часов утра, к шести вечера уже подъезжал к Яссам, сделав конец почти в двести километров.

Километрах в трех от Ясс началась асфальтовая дорога, обсаженная красивыми деревьями. Накрапывал дождь. Дорога делалась скользкой, при въезде в центр города при повороте к штабу фронта масса гуляющей публики. Послышался хохот. Собралась толпа зевак.

Фронтовой крестьянский съезд должен происходить в здании бывших кавалерийских казарм. Долго ходил, разыскивая такую значительную организацию, как фронтовой съезд. Минут сорок ходил из подъезда в подъезд, из этажа в этаж, пока не наткнулся в самом верхнем этаже на спускающихся из чердачного помещения двух солдат.

— Товарищи, — обратился я к ним, — не знаете ли, где заседает крестьянский съезд?

— Здесь. Если вы на съезд — приходите завтра к десяти. Регистрация там же, наверху.

— Кто организатор съезда?

— Кажется, Дементьев, он открывал съезд.

— Ну, ладно, — решил я, — завтра все выясню.

В это время к зданию подъехал на мотоцикле шофер Игнатов.

— Где мы остановимся? — обратился он ко мне.

— Не знаю, пойдем искать гостиницу.

— Я уже спрашивал, здесь ни одной гостиницы нет. Все занято офицерами. Нам лучше найти какой-нибудь автомобильный отряд и там остановиться у шоферов.

Уже начинало темнеть, а мы еще не встретили ни одного автомобильного отряда. Решили в конце концов обратиться к постовым команды штаба фронта.

— Авточасти стоят за городом, — сказал постовой. — Поезжайте по шоссе в этом направлении, — вытянул руку солдат, — и километрах в двух отсюда вы встретите санитарный автомобильный отряд.

В пригородной слободе действительно натолкнулись на автомобильный отряд, занимавший несколько хат. Въехали на двор. На шум мотоциклетного мотора вышло несколько шоферов.

— Откуда, кто будете?

— Свои, братишка, свои! — закричал Игнатов. — Где тут поставить машину можно?

— В гараж веди.

Подошли два шофера. Осмотрели нас, странных путешественников, подвели машину к гаражу и затем пригласили с собой в хату. В хате оказалось человек шесть шоферов.

— С фронта мы, — заявил Игнатов. — На съезд приехали. Очень просим меня с поручиком приютить.

Шоферы устроили чай, притащили закуски, оставили

место на нарах для спанья. Откуда-то притащили сноп соломы, и через час мы с Игнатовым уже храпели.

На следующий день встали почти с рассветом. Выпив чаю, я отправился побродить по слободе. Первое, что меня поразило — это русская речь жителей. К моему удивлению, все население слободы сплошь состоит из русских. Это скопцы, высланные десятки лет тому назад из России, как злостные сектанты. Эти сектанты нашли приют в Румынии, разместились в районе Ясс, и тут выросла большая колония русских.

Вид сектантов производил отталкивающее впечатление. Мужчины — безбородые, безусые, с отекшими одутловатыми лицами, с маленькими хитрыми глазками.

— Как же у них потомство получается? — спросил я у шоферов, вернувшись в хату.

— Они не все оскопляются, процент остается на племя.

В половине десятого я был уже на месте фронтового съезда. Представился председателю съезда Дементьеву. Дементьев — поручик одного из гвардейских полков 9-й армии, лет двадцати пяти, высокого роста, шатен, с большими темными глазами. Он произвел на меня впечатление психически-ненормального человека.

— Из 9-й дивизии? Очень рад познакомиться. Мы вас сегодня не ждали. Я слышал, что вы член Всероссийского крестьянского съезда. Я читал вашу статью во фронтовой газете.

— Да, я состою членом Всероссийского совета. До сих пор занимался в 11-й армии организацией крестьянских комитетов.

— Очень приятно. Вы нам поможете своим опытом. Мы решили создать фронтовую организацию, чтобы можно было от фронта провести в Учредительное собрание солдат крестьян.

Дементьев записал мою фамилию в тетрадочке, в которую им заносились имена прибывающих делегатов. Выдал

билет, что я являюсь делегатом фронтового крестьянского съезда с правом решающего голоса, сказав при этом, что сегодня будет происходить обсуждение вопроса о выборах в Учредительное собрание.

К десяти часам собрались все делегаты. Присутствует человек семьдесят, среди которых не менее пятнадцати офицеров. В президиуме два солдата и семь офицеров от прапорщика до поручика включительно. Председательствует Дементьев. Ведет собрание неровно, волнуется, нервничает, часто прерывает ораторов подачей реплик со своего председательского места.

С докладом об Учредительном собрании и о том, что крестьянская секция должна выступать активно при выборах членов в Учредительное собрание, выступил член президиума прапорщик Свешников, эсер.

— Солдаты-крестьяне должны выставить свой список наряду со списками различных организаций и партий. Может быть впоследствии выбранному нами исполнительному комитету мы поручим блокироваться с родственной нам партией, но это лишь впоследствии.

Начались прения. Выступавшие подчеркивали нецелесообразность выступления с отдельным списком на выборах, утверждая, что нам лучше всего присоединиться к списку партии эсеров причем к тому списку эсеров, который наиболее отвечает настроению крестьян.

Один из выступавших — солдат 9-й армии Антонов — заявил о необходимости непременного выступления со своим собственным списком.

— Эсеры и их списки не надежны, — говорил он. — Среди эсеров сейчас происходит большая разноголосица. Одни за Керенского, другие за Чернова, третьи за Спиридонову. Я думаю, — закончил свою речь Антонов, — нам надо выступить с левыми эсерами, т. е. со Спиридоновой. А так как левые эсеры на фронте до сих пор своего списка не выставили, то лучше всего нам выставить свой список.

Я взял слово. Повел речь о существующих течениях внутри партии эсеров.

— Аграрный вопрос на Учредительном собрании явится основным вопросом, и фронт имеет право сказать свое решающее слово. Но мы знаем, что эсер Чернов не смог или не хотел провести земельный закон, закон об изъятии земли от помещиков и немедленной передаче ее в ведение земельных комитетов.

Последовала реплика со стороны Дементьева:

— Чернов общепризнанный крестьянский министр. Все требовали и требуют возвращения Чернова на пост министра, и говорить, что он ничего не сделал, вы, Оленин, не имеете никакого права.

— Чернов вышиблен, — продолжал я, — вместе него посажен Маслов, хотя и одного толка с Черновым, но, очевидно, тоже для того, чтобы сорвать дело передачи земли в руки крестьян. Совет питерских рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не доверяет Керенскому и требует передачи власти в руки советов. Я думаю, что нам самое правильное — это перейти на точку зрения питерского совета.

Солдаты со вниманием выслушали мою речь.

— Оленин разводит большевистскую агитацию, — заявил Дементьев.

— Я не большевик, дурень ты этакий! — крикнул я Дементьеву.

— Знаем мы, все кричат, что не большевики, а что значит лозунг «власть советам»? — большевистский лозунг. Мы не можем позволить, чтобы на фронте были подобные большевистские призывы.

— А ты не подголосок ли Корнилова? — в свою очередь бросил я.

Съезд избрал центральный исполнительный комитет совета крестьянских депутатов Румынского фронта. Название чрезвычайно громкое предложено Дементьевым.

— Центральный исполнительный комитет — звучит серьез-

но, — говорил Дементьев. — Наша организация должна быть авторитетной.

В числе избранных оказались: я, Свешников, Дементьев, Сергеев, Сверчков, Курдюмов, Святенко — все офицеры, и четверо солдат: Антонов, Кузьмин, Свирилов и Морозов.

После закрытия заседания съезда устроили заседание избранного президиума, на котором распределили между собой роли. Все члены избранного президиума должны быть освобождены от работы в своих частях. Местом пребывания нашего своеобразного ЦК должны быть Яссы при ставке фронта. Председателем выбрали Свешникова, заместителем меня и Дементьева. Остальные — просто члены президиума

Надо хотя бы кратко охарактеризовать личности каждого из членов ЦК.

О Дементьеве я уже говорил.

Свешников — подпоручик из 9-й армии, бывший сельский учитель, призванный по мобилизации в армию. Окончил школу прапорщиков в Казани. На фронте находится около года. Занимает должность начальника химической команды стрелкового полка.

Сергеев — уже пожилой, лет под сорок, с седеющими волосами, по профессии артист, окончил Киевскую консерваторию по классу пения. Пел в Киевской опере. Обладает голосом басо-профундо. Совершенно не приспособленный к военной обстановке, военному быту человек. На все смотрит созерцательно, любит пофилософствовать и ничего не умеет делать.

Сверчков — бывший учитель уездного училища Симбирской губернии. На фронте тоже около года, причем служил в дивизионной учебной команде младшим офицером. С первых же дней революции работал по полковым и дивизионным комитетам, склонен к карьеризму, старается быть активным, много думает о своем уме, но в общем пуст.

Курдюмов — мой земляк из Тулы, студент коммерческого института, еще молодой, лет двадцати двух, склонен к

мечтательности, пишет стихи. Умеет хорошо говорить, но выступает редко и лишь в тех случаях, когда считает свое выступление необходимым для улаживания того или иного казуса.

Святенко—хохол из Харьковской губернии, студент, большой националист-украинец, может хорошо говорить. Непосредственно на фронте не был. Все время войны служил в тыловых учреждениях.

Антонов — фейерверкер артиллерийской бригады, длинного роста. Солдаты окрестили его дылдой. С маленьким острым носиком, небольшими, постоянно бегающими глазами, неискренними, белесыми. Чувствуется, что в организации состоит только для того, чтобы быть подальше от фронта.

Морозов — крестьянин Курской губернии, типичный середнячок, вдумчивый, не скажет лишнего слова, любит работать, но так, чтобы работа давала осязательные результаты. Постоянно копошится за каким-нибудь делом.

Кузьмин — крестьянин Томской губернии, старательный малый, любит поговорить по душам о крестьянской жизни, любит выпить, ухитряется доставать водку при всяких положениях.

Свирилов—крестьянин Рязанской губернии, бывший ломовой извозчик, любит говорить о городской жизни, в крестьянские депутаты попал за уменье держать речи с солдатами. Чрезвычайно доволен, что оказался избранным в исполнительный комитет.

Вернувшись в дивизию, я рассказал своему комитету об избрании меня во фронтовую организацию. Начался ропот:

— Работали-работали, создавали-создавали, и вдруг все разваливается.

— Где же разваливается? За меня остается Панков. Парень к работе привык, к тому же работы сейчас не так много, а во фронтовой организации я буду полезнее, буду находиться в гуще предстоящих выборов в Учредительное соб-

ранние и буду стараться пропустить настоящих, необходимых нам депутатов.

Земляницкий, которого я застал за распитием самогона, а пьет он непробудно, только промычал:

— Приспособился!

— Земляницкий, как тебе не стыдно! Неужели я из приспосабливающихся?

— Приспособился. Если бы не был из приспосабливающихся, поставил бы бутылку водки.

— Чорт с тобой, две поставлю!

— Ну, тогда ты парень хороший.

Боров, напутствуя меня на новую работу, заявил, что и его, возможно, откомандируют в ближайшее время к штабу фронта, где создается фронтовой комитет по украинизации частей.

В штабе дивизии Музеус не высказал ни удовольствия, ни неудовольствия. Для него было совершенно безразлично, есть ли комитет крестьянских депутатов или нет.

Ларкин проводил меня в Могилев на поезд.

Ларкина я оставил в полку до тех пор, пока он не разделается с лошадью, седлом и другими вещами, которые в моей новой работе при фронте становились ненужными.

Ехать от Могилева до Жмеринки было сравнительно хорошо. Говорю с р а в н и т е л ь н о потому, что в каждом купэ находилось не более шести человек и возможно было входить в вагон через двери. От Проскурова же до Киева пассажиры лезут через окна, и в купэ набивается по пятнадцать-двадцать человек.

Вокзалы полны военных. Около буфетов громадная толчея, каждый старается оттолкнуть другого, чтобы первым получить стакан чая или кофе.

Публика самая разношерстная. Нет того деления людей на сословия, какое было раньше. Наравне друг с другом и

генералы, и офицеры, и солдаты — все вместе. А ведь до первого марта вход солдатам в зал первого и второго класса был строго воспрещен.

Вокруг разговоры о запоздании поезда, о просроченных отпусках, о трудностях достать билет, о том, что нельзя доверять носильщикам, которые, мол, деньги за посадку берут, но посадить все равно не могут.

С трудом удалось забраться в вагон поезда, идущего от Жмеринки до Раздельной, где пересадка на военно-этапный поезд.

От Раздельной до Ясс поезд ковыляет со скоростью пяти-шести километров в час. Некоторые пассажиры выпрыгивают из вагонов и идут пешком рядом с поездом.

Проехали Тирасполь, Бендеры, Кишинев с той же скоростью. Наконец подъезжаем к Унгени, пограничной станции, отделяющей Бессарабию от Румынии. В Унгени таможенный пункт.

Офицер пограничник долго осматривал выданный мне штабом дивизии документ, в котором значилось, что поручик Оленин делегируется для постоянной работы в центральный исполнительный комитет совета крестьянских депутатов Румынского фронта.

— Совет? Что такое совет — спрашивал меня офицер.

— Военный крестьянский совет, — старался я разъяснить ему непонятное слово. — Я член крестьянского совета, который находится при штабе Румынского фронта.

— Генерал Щербачев знает, что это за совет?

— Прекрасно знает. Совет при нем находится.

— Если генерал Щербачев знает, можете ехать.

На чемодан пограничник не взглянул.

От Унгени до Ясс каких-нибудь двадцать-тридцать километров. Перед утром приехали в Яссы. Вокзал ничуть не отличается от вокзалов станций Раздельной или Кишинева. Масса солдат, офицеров, преимущественно русских. Вокруг

вокзала грязь, мусор. На вокзальной площади большие шатры питательного пункта имени Пуришкевича.

Проголодавшись, я долго бродил по вокзалу в надежде найти станционный буфет и, не найдя, пошел к питательному пункту.

На питательном пункте только просыпались. Кипятка еще нет, а тем более нет хлеба и закуски. Пришлось вернуться на вокзал, где, найдя место у столика, присел и задремал.

Часов в восемь, нагрузив себя чемоданом, пошел опять к шатрам, перед которыми уже стояли длиннейшие очереди солдат, ожидавших получения кипятка, чая и булок. Не рассчитывая скоро дождаться своей очереди, я направился в город искать свой комитет «Румкомкрест»—так окрестили сокращенным именем наш центральный исполнительный комитет совета крестьянских депутатов Румынского фронта.

Дежурный писарь комендантского управления штаба фронта, порывшись в книгах, дал справку, что для нашего комитета отведено помещение одного из магазинов на центральной площади Ясс, и любезно разъяснил, как туда пройти.

По дороге к комитету встретил румына менялу. Зная, что в Яссах ходят только румынские деньги, я попросил его разменять мне десять рублей, тот быстро отсчитал мне семьдесят лей.

Вот и комитет. На весь состав комитета одна небольшая комната. Вход в нее прямо с улицы. Раньше здесь был магазин канцелярских принадлежностей. Торговый прилавок в нетронутом виде. На стенах полки для товара. В заднем правом углу — лестница чердака, использованная членами комитета под «спальню».

Раздевшись, бросил вещи в один из углов комнаты и поздоровался с присутствующими. Здесь были все члены комитета — Дементьев, Антонов, Свешников, Курдюмов, Сверчков, Федоров, Васильев, Святенко и Сергеев.

В момент моего прихода сидели за прилавком с большим чайником. Это кстати.

— Оленин, здорово! — шумно приветствовал меня Дементьев. — Размундировывайся — и за чай!

— Что же так плохо у вас, товарищи?—был первый мой вопрос.— Я надеялся застать комитет если не во дворце, то, по крайней мере, в просторном здании.

— Не красна изба углами, красна пирогами, — бросил в ответ Сергеев.

В Яссах большой продовольственный кризис. На протяжении почти двух километров, пройденных мною от вокзала до центра города, я не встретил ни одного открытого продовольственного или гастрономического магазина. Изредка встречались ручные ларьки с консервами.

— Все еще маемся, помещения получить не можем. Хорошо, что этот магазин дали, а то хоть на улице обретайся. Одна комната — здесь и спим, и работаем, и обедаем.

— Вы же собирались просить у Щербачева хорошее помещение?

— Просили, ни черта не выходит.

— Здесь работать невозможно. Нас десять человек, и мы такой галдеж будем устраивать, что не до работы. Надо принимать меры.

— Принимали и принимаем. Штаб настроен к нам неважно. На словах все готов сделать, а на деле — ничего. Придется еще раз итти к Щербачеву.

Дементьев дальше сообщил, что и с Румчеродом отношения неважные. На крестьянский совет смотрят, как на ненужную организацию, между тем из всех дивизионных крестьянских советов стали поступать запросы, переводят деньги, просят литературы, предлагают издавать свою газету. Но, сидя в этой собачьей конуре, мы бессильны развернуть работу.

— Давайте искать квартиры для себя,—предложил я.— А помещение пока будет нашей канцелярией.

Выпив чаю с хлебом, я пошел искать себе комнату. Не зная ни румынского, ни французского языка (большинство жителей говорят на французском языке, ибо в Румынии государственный язык — французский), я долго бродил по городу безуспешно. Проехал даже в слободу скопцов — все-таки русские.

Возвращаясь часа в четыре обратно в комитет, я решил зайти в один из ресторанов, расположенный здесь же на площади, пообедать.

Ресторан имел вид гнусный. Почти без всякой мебели, вместо стульев простые табуретки, столы непокрытые, грязная забитая прислуга. Но еще более я возмутился, когда на мой вопрос, что можно поесть, мне было ответили:

— Можно фасоль вареную, фасоль жареную, фасоль в масле.

— А что же кроме фасоли?

— Еще есть горох.

— Дайте кофе, — попросил я.

Фасоль и горох — это единственное меню ресторана.

Дали такой суррогат, что я не мог сделать и двух глотков. Выйдя из ресторана, попробовал поискать магазин, где можно было бы купить что-либо съестное. Обошел добрую половину Ясс, но кроме рыбных консервов в магазинах ничего не было. Хлеб в виде маленьких булочек продавался только до десяти утра.

Зато бросалось в глаза обилие косметических магазинов. Я не встретил ни одной женщины в возрасте от десяти и до восьмидесяти лет, чтобы они не были накрашены, нарумянены и напудрены. Особенно неприятно видеть размалеванных пожилых женщин. Старуха, почти ковыляет, но зато губы обведены ярко красной краской. Еще мерзостнее вид румынских офицеров, в изобилии слоняющихся в Яссах. Я не видел ни одного офицера, который бы не был перетянут корсетом и у которого не были бы накрашены губы и подведены глаза и не положены румяна и пудра на лицо,

Воистину город проституток и проституированных мужчин.

После того как Бухарест занят немцами, румынский король Фердинанд перенес свою резиденцию в Яссы. Королевский двор занимает большой красивый особняк, обнесенный высокой железной решеткой. Через квартал от королевского дворца — штаб фронта. Командующий фронтом генерал Щербачев считается в глазах румынского офицерства лицом более авторитетным, чем румынский король.

Поздно вечером вернулся в наш магазин.

— Нашел квартиру? — встретили меня Дементьев и Свешников.

— Какой чорт нашел! Здесь не только квартиры, а и пожрать-то не найдешь где.

— Садись с нами есть картошку.

На стол подали большой горшок с картошкой, сваренной наполовину с фасолью. Я с наслаждением съел несколько ложек.

Свиридов уступил мне свой угол, в котором он спал на снопе соломы, сам же полез на чердак.

Утром следующего дня мы открыли заседание нашего президиума.

— Наши дела идут прекрасно, — говорил Дементьев. — Мы сможем развить большую агитацию среди солдат фронта. Мы можем выдвинуть свой список представителей в Учредительное собрание, и он соберет больше голосов, чем список какой-либо другой организации и партии. Для этого нужны средства и организационная работа. Наш комитет стоит на платформе Всероссийского крестьянского совета (я поморщился), значит нам должны дать средства из штаба фронта и из военного министерства.

— Почему вы думаете, что мы можем брать средства от штаба фронта или от военного министерства? Что мы агенты, что ли, этих организаций, работающие за плату?

— Вы, Оленин, всегда перебарщиваете. Крестьянский со-

вет стоит на платформе соблюдения воинской дисциплины, раз так, то командование должно нас всячески поддерживать.

— Я считаю, — заявил я, — что нам в первую очередь надо обсудить вопрос о нашем отношении к целому ряду политических вопросов, а уже потом делать выводы, кто нам может дать деньги, или можем ли мы брать деньги от тех, кто нам будет их предлагать.

— Какие же политические вопросы? — выступил Свешников. — Никаких политических вопросов здесь нет. Мы — организация крестьян. Крестьяне все единодушно желают довести войну до победного конца, но при условии, что их интересы будут защищаться соответствующей организацией. Такой организацией являемся мы. Чтоб наша организация могла работать, нам нужны средства. Эти средства нам могут дать только или сами солдаты, что безуспешно, ибо у солдат денег нет, или правительственные организации. Коль скоро мы стоим на страже интересов правительства, то ясное дело, что правительство должно нас обеспечить.

— Не согласен, — резко возразил я, — Мы являемся общественной организацией, отражающей настроение солдатских масс, защищающей солдатские и крестьянские интересы. Интересы солдат-крестьян могут вступить в противоречие с интересами правительства и командования, поэтому мы ни в какой степени не должны зависеть от командования, тем более брать от последнего деньги. Будучи общественной организацией, мы должны жить на средства, выделенные организацией, интересы которой мы представляем, т. е. на сборы солдат. Да и зачем нам много денег? Каждый из нас получает содержание в частях. Я, например, в 3-й дивизии, Свешников, вероятно, тоже, да и каждый из членов президиума. Значит, на содержание личного состава нам денег не требуется. Зато мы должны требовать от фронта бесплатного помещения. Ведь штаб предоставляет бесплатное помещение Румчероду. На литературу и культурно-просветитель-

ную работу мы можем получить средства от солдат. Я знаю по опыту в своей дивизии, что стоит пустить подписной лист—и мы получим для комитета большие деньги, которых нам будет достаточно, чтобы выписать изрядное количество литературы и сделать эту литературу достоянием всей солдатской массы. Совершенно не вижу надобности просить у генерала Щербачева или у военного министра субсидию. А вдруг завтра генерал Щербачев окажется контр-революционером, как Корнилов, тогда нам бросят упрек: «А, вы, голубчики, у них деньги брали, значит, вы их прихвостни».

Антонов и Свиридов стали на мою точку зрения, что надо рассчитывать на помощь крестьянской организации, а отнюдь не на подачки генерала Щербачева.

— Нам газету надо издавать, — заявил Свешников, снова беря себе слово.

— Я тоже стою за газету, — ответил я, — но газета не такая уж дорогая штука. Газета будет платной, а работать в газете будем мы, получающие жалование в своих частях.

— Газета потребует больших расходов. Я знаком с газетным делом, — упорствовал Свешников.

— Не могу похвастаться знакомством с газетным делом, но думаю, что это дело не такое уже сложное, а главное не такое убыточное, чтобы сразу требовать больших расходов.

В результате трехчасового спора исполком комитета стал на мою сторону: денег не просить, а развить нашу работу так, чтобы деньги, необходимые для углубления этой работы, шли непосредственно от солдатских организаций фронта.

Дементьев остался при особом мнении.

— Я все же считаю, — заявил он в конце заседания, — что надо сорвать с лихой собаки хоть шерсти клок. Если можно будет у того же Щербачева вырвать тысячу рублей на организацию нашего комитета, то это будет для нас большим подспорьем.

— Против такой постановки вопроса решительно возра-

жаю, — заявил я. — При первом же столкновении нас обвинят наши избиратели в сделке с генералитетом.

Мои возражения, однако, не подействовали, и большинство комитета решило пойти к Щербачеву потребовать:

1. Распоряжения о немедленном отводе соответственного помещения для нашего комитета и квартир для членов комитета.

2. Отпуска двух тысяч рублей на предварительное обзаведение необходимым инвентарем.

После заседания вновь бесплодно бродил по городу в поисках комнаты. Перед вечером наткнулся на увеселительное заведение, являющееся чуть ли не единственным в Яссах. Это — кафэ, в котором до шести вечера дают только чай, кофе, фасоль, горох (других продуктов питания в Яссах ни в ресторанах, ни в кафэ не имеется), а после шести вечера подают вино и пиво. Я попал в кафэ между пятью и шестью. Народу было еще немного. С приближением к шести часам кафэ начало быстро наполняться посетителями.

— Три кружки! Пять кружек! — слышалось со всех сторон.

Официанты таскали большие кружки пенящегося пива.

Третьего октября делегация нашего ЦК, в составе Дементьева, меня и Антонова, направилась к генералу Щербачеву. Пришли в штаб фронта. Дежурный адъютант, узнав о цели нашего прихода, предложил прежде всего зайти к генералу Сытину, дежурному генералу штаба фронта, руководителю всей хозяйственно-материальной частью фронта.

Сытин встретил нас обаятельной улыбкой и ласковым приветствием:

— Новый комитет крестьянский? Очень рад с вами познакомиться. Я думаю, что вы осуществите в вашей работе идеи, выдвинутые Всероссийским крестьянским комитетом.

— Мы его филиал, — сказал Дементьев.

— Очень приятно. Теперь так редко массовые демократические организации учитывают задачи и нужды фронта, если

быть откровенным, кроме крестьянских организаций, абсолютно лояльных и даже активно содействующих командованию фронта, других у нас нет. Чем могу служить? Садитесь, господа.

Сели.

Речь начал держать Дементьев:

— Мы, лояльная крестьянская организация фронта, хотим в своей работе принести посильную помощь фронту. Для того чтобы наша работа была продуктивной, а от нашей работы зависит настроение солдат фронта, среди которых девяносто пять процентов крестьян, надо, чтобы штаб фронта обеспечил нас средствами для работы.

— Что же вы конкретно просите? — осведомился Сытин.

— Помещение для комитета — раз, квартиры для членов этого комитета — два и отпуск пяти тысяч рублей на первоначальные организационные нужды — три.

— Немного, — протяжно произнес Сытин. — Начну с последнего. Пяти тысяч, конечно, генерал Щербачев отпустить не сможет. Я думаю, что вы должны жить на кредиты по сметам Всероссийского совета. Но аванс на развитие работы, так, примерно, в сумме полутора-двух тысяч рублей, конечно, генерал Щербачев дать сможет. Помещение для комитета — вопрос более трудный. Вы знаете, как забиты Яссы. Здесь и королевский двор, здесь и ставка фронта, масса эвакуированных жителей из городов, занятых немцами. Магазин какой-нибудь смогу дать.

— Мы имеем магазин, — ответил Дементьев, — но он мало удовлетворителен. Тесно, холодно. Наступает зима...

— Да, да, я понимаю вас, — перебил его Сытин.—Но я затрудняюсь сказать вам, где бы можно было найти лучшее помещение. Вы знаете, что все более или менее подходящие помещения заняты организациями, которые создались в период революции. Но мы вам так сочувствуем, что я прикажу коменданту штаба отыскать подходящее для вашей работы помещение.

Мы поблагодарили наклонением головы.

— Теперь насчет вашего размещения. Сколько вас, членов комитета?

— Одиннадцать.

— Вот видите, одиннадцать. Вы как же хотите, чтобы каждый имел отдельный номер?

— Если трудно дать отдельные, — сказал Дементьев, — то хотя бы один на двоих.

— Это упрощает вопрос. А может быть на первое время вы согласились бы пользоваться втроем одним номером? Я полагаю, что номера три-четыре мы сможем вам выкроить. К тому же, вероятно, не все члены комитета будут постоянно налицо. Часть, вероятно, будет в командировках. Три номера я прикажу отвести в гостинице штаба фронта.

— Мало, нам надо по меньшей мере пять.

— Пока я смогу дать только три. Как только будет свободнее, мы вам еще дадим.

— А как же насчет первого вопроса? — спросил Дементьев. — Когда можно реализовать ваше сочувственное к этому отношение?

— Немедленно после моего доклада генералу Щербачеву.

— Когда это будет?

— Я сегодня буду с ним обедать и по этому вопросу поговорю. Ваш телефон, господа?

— Простите, господин генерал, мы упустили из виду, что нам и телефон крайне необходим.

— Да, это необходимая вещь. Я сейчас же сделаю распоряжение. Еще имеются вопросы?

— Больше нет, благодарим вас.

— Очень рад был с вами познакомиться.

Сытин встал из-за стола, протягивая нам по очереди руку.

На этом расстались.

На следующий день нам сообщили из комендатуры штаба, что для членов комитета отводятся три номера в центральной гостинице, что в дополнение к занимаемому нами

помещению канцелярского магазина нам еще прибавляют магазин в этом же здании, через одну комнату, и, наконец, что генерал Щербачев согласился отпустить тысячу рублей авансом в счет тех кредитов, которые могут поступить из центра.

Итак, деньги есть, помещение есть, теперь надо, чтобы наш центральный исполнительный комитет был признан в качестве самостоятельной фронтовой организации. Для этого надо доехать в Питер в военное министерство и заручиться оттуда всяческим содействием, мотивируя тем, что Румынский фронт весьма отдален от Питера, и без такой серьезной организации солдаты фронта обойтись не могут.

Большинство высказалось за необходимость поставить в Питере вопрос об отпуске средств, необходимых для ведения культурно-просветительной работы на фронте, с одной стороны, и для создания самостоятельной газеты «Солдат-крестьянин», с другой.

Кого послать?

Учитывая, что я уже бывал в Питере, знаком с работниками Крестьянского совета и просветительного отдела военного министерства, единогласно постановили командировать меня.

Десятого октября, напутствуемый всяческими пожеланиями, заручившись местом в штабном вагоне, я выехал в Питер.

ГЛАВА XIV

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

За Киевом, на одной из остановок неожиданно столкнулся с эшелоном 3-й дивизии. По распоряжению штаба главнокомандующего вся дивизия перебрасывается на Западный фронт в район Невеля.

Причины переброски дивизии солдатам неизвестны: имеется ряд предположений: первое, что дивизия должна подкрепить ослабевшие части Западного фронта; по другой версии — должна составлять резерв в тылу этого фронта на случай возможного наступления немцев на Петроград, и, наконец, последняя версия, чтобы с ее помощью удерживать питерский гарнизон от выступлений против Временного правительства. Каждая из версий имеет свое обоснование, но верного назначения дивизии никто не знает.

Приехав в Петроград, остановился в помещении Крестьянского совета, в комнате заведующего солдатской секцией Гвоздева. Настроение обитателей дома на Фонтанке шесть растерянное. Все выбиты из колеи. В ряде комнат происходят вялые заседания различных комиссий.

Со дня на день ожидается выступление большевиков; по словам Гвоздева, имеются агентурные сведения, что скрывавшиеся Ленин и Зиновьев прибыли в Петроград, находятся где-то в рабочих кварталах, подготовляя вооруженное восстание, намеченное будто бы на 20 октября.

По распоряжению президиума Крестьянского совета, весь

наличный состав его членов вооружен револьверами; в самом здании совета установлено несколько пулеметов.

Наступило 20 октября. Холодный, студеный день. Заметно повышенное нервное настроение офицеров, солдат, рабочих, обывателей.

Однако никакого выступления не произошло.

— Очевидно, — говорил Гвоздев, — большевики не настолько сильны, чтобы выступить против Временного правительства с одним питерским гарнизоном. Фронт вряд ли поддержит выступление большевиков, особенно после только что закончившегося демократического совещания.

— А как настроены питерские рабочие? — спросил я Гвоздева.

— В Питере все за большевиками идут, но ведь Питер не вся страна.

Закончив свое дело по подбору литературы, переговорив в военном министерстве об утверждении фронтового крестьянского совета, я решил вернуться на фронт, заехав в деревню.

27 октября, после двухдневного пребывания в деревне, отправился на станцию Епифань, чтобы двинуться в Яссы.

На станции узнал ошеломляющие новости: Временное правительство свергнуто, образован Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным.

По всем телеграфным проводам передаются вести о совершившейся новой революции. Одновременно передавались воззвания остатков Временного правительства, руководителей Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Крестьянского совета и вместе с тем новые декреты нового большевистского правительства.

В Туле на вокзале на видных местах развешаны телеграммы. Совет Народных Комиссаров принял декрет о земле: вся земля немедленно передается народу; декрет о новом правительстве, декрет об отношении нового правительства к войне.

Вписывается новая страница в историю.

Удержатся ли большевики? Хватит ли сил? Против них сейчас же поднимется злобный вой имущих и привилегированных. Удастся ли заключить мир, не вызвав новой войны с союзниками?

Каково мое отношение к перевороту? Сочувствую ли я большевикам? Их лозунги — лозунги трудящихся. Их требования — требования солдат.

Временное правительство, заключившее союз с буржуазией, не есть правительство революционных масс.

На фронт, в комитет! Фронт безусловно пойдет за большевиками!

Поезд доехал лишь до Курска. Дальше поезда не идут.

— Вот уже несколько дней, — говорят курские железнодорожники, — Киев не принимает поездов. В городе идут упорные бои и когда кончатся — сказать никто не может.

В течение двух суток вертелся на вокзале, пока, наконец, не пристроился к санитарному поезду, вызванному в Киев. Доехал до Конотопа, где поезд был вновь задержан.

Первый поезд пошел вне расписания, часто и подолгу стоял на станциях. В Нежине видел разгром большого винного склада. Винный склад, расположенный в полукилометре от железнодорожного вокзала, накануне был атакован населением при активной поддержке местного гарнизона. Охрана склада не выдержала, атакующие ворвались в склад и начали растаскивать водку. В течение суток уже происходило растаскивание водки и пьянство. Почти весь Нежин пьян.

С прибытием нашего поезда бабы стали таскать по вагонам корзины с бутылками водки, предлагая их по номинальной цене. Вскоре весь поезд был обильно снабжен водкой и в каждом купэ началось питье.

— Первые ласточки новой революции, — говорили злобствующие пассажиры. — Сразу видно, что большевики власть взяли, немедленно же к царскому методу прибегли — народ спаивать.

— Да разве большевики спаивают? Громилы захватили склады, а обыватель торгует.

— Временное правительство не допускало подобных вещей.

— Да есть ли здесь большевики?

— А кто же как не они, грабежом винного склада занялись? — шипели в вагоне.

После пятичасового стояния в Нежине направились дальше. Перед станцией Дарница поезд был остановлен большим воинским караулом, занимавшим эту станцию. В наш вагон одновременно с двух сторон вошли вооруженные красногвардейцы.

— Предъявите документы! — был громкий окрик.

Пассажиры потянулись за своими документами.

— У кого есть оружие, немедленно предъявить!

У меня оружия с собой не было. Подошедший ко мне красногвардеец, увидя перед собой офицера, обратился с вопросом:

— Где револьвер?

Я лаконически ответил:

— На фронте.

— Как офицер может быть без револьвера?

— Револьвер мне нужен на фронте, а не в тылу.

— Врете, покажите чемодан!

Грубость красногвардейца меня возмутила.

— Я представитель демократической революционной организации, и ко мне обращаться с грозными выкриками вы не смеете.

— Ну, это мы посмотрим, что вы за демократическая организация!

Красногвардеец решительно рванул чемодан, который не был заперт, из него посыпались вещи. Убедившись, что револьвера в чемодане нет, красногвардеец, толкнув ногой чемодан под лавку, направился в соседнее купэ.

— Ну, уж это безобразие!—возмущался я.—К представителю революционной фронтовой организации—и полное отсутствие доверия!

Ехавшая в купэ молодая женщина, которая говорила перед этим, что едет к своему мужу в Киев, как-то нерешительно заметила:

— А ведь правы они. Сейчас так много разных «революционных» демократических организаций расплодилось, что если каждому верить на слово, то, пожалуй, от нового правительства вскоре ничего не останется.

Я внимательно посмотрел на женщину:

— А вы, случайно, не большевичка?

— Нет,— рассмеялась она,— но я знаю, как представители разных демократических организаций на все корки честят большевиков.

Въехали в Киев. Задержался на вокзале, чтобы выяснить положение. Извозчиков перед вокзалом нет.

Из города доносится редкая ружейная стрельба. Неподалеку от вокзала на Фундуклеевской улице остатки баррикад, сооруженных из телеграфных столбов, из мебели, притащенной из прилегающих домов, из поваленных заборов. Проезд загроможден, и по улицам можно ходить только пешеходам; трамваи не ходят.

Далеко в город пойти побоялся, так как стрельба еще не стихла. На вокзале узнал: большевики победили Раду и сейчас вся власть в руках большевиков, которых поддержал киевский гарнизон, особенно технические части, расположенные в окрестностях.

На вокзале и на платформе расклеены огромнейшие плакаты с декретами Совета Народных Комиссаров; воззвание от Киевского совета о том, что сопротивление контр-революционной рады сломлено, что Совет рабочих и солдатских депутатов взял власть в свои руки и железной рукой водворит порядок.

Поезда в Одессу не ходят, и, по словам коменданта станции, надо подождать не меньше двух ней, пока наладится регулярное движение. Переночевав на вокзале, утром отправился в город, занял номер в гостинице и, в сопровождении одного саперного офицера, с которым познакомился на вокзале, объехал главнейшие улицы, с любопытством смотря на те повреждения, которые здесь произошли в результате бывших здесь несколько дней под ряд боев.

Крещатик, главная улица Киева, оправилась одной из первых. Уже на другой день на этой улице вновь ярко осветились витрины магазинов, открылись кафэ, и публика лавой гуляла по широким тротуарам, как будто бы никаких боев и не было.

Зашел на вокзал, где узнал, что первый поезд на Одессу идет завтра, но на этот поезд такое огромное количество пассажиров, что достать билет нет никакой возможности, если не удастся получить специальное разрешение на проезд в штабном вагоне. Толкнулся к коменданту станции, которого застал за сдачей дел вновь назначенному от имени Совета рабочих и солдатских депутатов комиссару станции. Обратился к комиссару, рослому рабочему красногвардейцу:

— Я еду из Питера, — сказал я, — к себе в комитет на Румынский фронт, принадлежу к левым группировкам. Хотелось бы скорее попасть на место, чтобы информировать о положении дел здесь и в Петрограде.

Комиссар внимательно осмотрел мои документы, задал несколько вопросов о работе Крестьянского совета, о членах президиума, об отношении к Румчероду, и, очевидно, удовлетворившись моими ответами, сделал распоряжение предоставить мне место в штабном вагоне.

В вагоне народу немного, в него сажают лишь тех, кто вызывает доверие у комиссара станции, однако, два купэ заняты штабными офицерами, едущими на Румынский фронт из ставки.

Когда публика в вагоне поуспокоилась и смогла рассмотреть друг друга, едущие из ставки офицеры сообщили известные им подробности выступления большевиков в Петрограде. Поздней ночью 25 октября большевики повели наступление одновременно на нескольких пунктах, захватив телеграф, телефон, вызвали из Кронштадта крейсер «Аврору» и пошли захватывать Зимний дворец, в котором в это время заседало Временное правительство. Правительство успело вызвать верные ему части, главным образом, юнкеров и женские батальоны, помещавшиеся в Михайловском замке. Юнкера и женские батальоны долго сдерживали наступление большевиков на Зимний дворец, но не выдержали.

При этом множество юнкеров было переколото, большое количество женского батальона перебито и побросано в воду.

С «Авроры» из тяжелых орудий стреляли по Зимнему дворцу. Керенскому удалось бежать переодетым в Гатчину, откуда он связался со ставкой, вызывая верные Временному правительству войска. Другие министры арестованы и посажены в Петропавловскую крепость.

В ставку сейчас прибыли представители демократических организаций, — в частности Авксентьев, председатель предпарламента, — и ведутся разговоры об организации наступления на большевиков.

— Совнарком занимается тем, что пишет декреты,—издевались офицеры,—рассылает воззвания «всем, всем, всем»...

Штабные офицеры большие надежды возлагают на Корнилова, сумевшего освободиться из-под ареста и спокойно убежать на Дон.

Прибыл в Яссы ночью. Разбудил наличный состав членов комитета и рассказал им о том, что видел и слышал.

— В Яссах полное спокойствие, — начал рассказывать Дементьев.—По радио, а потом из одесских газет мы узнали о захвате власти большевиками. Ставка фронта опубликовала сообщение, что не признает нового правительства и впредь до восстановления Временного правительства будет испол-

нять лишь распоряжения, идущие от штаба верховного главнокомандующего — генерала Духонина, что декрета о ведении мирных переговоров не признает и попрежнему будет итти в полном единении с союзниками. Румчерод в свою очередь не признает Совнаркома, называет большевиков авантюристами и захватчиками. В армиях против большевиков репрессии усилились. Но это не надолго. Солдаты жаждут мира. У нас внутри кавардак. Свешников и Курдюмов на стену лезут, что большевики арестовали Временное правительство.

Тут же, ночью, разгорелись ожесточенные споры.

Я и Дементьев настаивали на том, чтобы немедленно сделать публичное заявление, что мы присоединяемся к новой революции и признаем Совет Народных Комиссаров. Антонов, Курдюмов и др. были резко против. Под утро уже к нам присоединились Сергеев, Сверчков и Свиридов, однако большинства не было.

Отложили прения на следующий день, причем мне поручили составить обращение к солдатам-крестьянам по поводу декрета Совнаркома о земле.

На другой день я зачитал проект письма к дивизионным солдатским крестьянским организациям.

В этом письме я указывал, что свергнутое Временное правительство восемь месяцев водило за нос трудовое крестьянство посулами о земле. Связанное коалицией с буржуазией Временное правительство во главе с Керенским сознательно стремилось оттянуть взятие земли от помещиков, ибо надеялось, что Учредительное собрание выкупит землю.

Новое правительство — Совет Народных Комиссаров — учло стремление крестьян и немедленно издало декрет об отобрании земли от помещиков. Заканчивалось письмо словами: «Да здравствует Совет Народных Комиссаров!»

После ожесточенных споров мой проект письма был принят, за исключением последней фразы.

Из Петрограда идут беспрерывные радиограммы с различными сведениями. Роста сообщает о ходе переговоров между

большевиками и созданным Комитетом общественного спасения во главе с Авксентьевым. Переговоры в ближайшие дни закончатся организацией Социалистического правительства от трудовиков до большевиков включительно. В переговорах участвуют профессиональные организации железнодорожников — Викжель, который, в свою очередь, рассылает свои радиограммы с требованием призвать к порядку захватчиков и насильников, с требованием вывести Ленина из Совнаркома, выдвигая на пост председателя правительства Чернова.

Всероссийский крестьянский совет, в свою очередь, пишет радиограммы «всем, всем, всем». И так со всех сторон: «всем, всем, всем» летят информации, одна противоречивее другой, запутывая и без того запутанное представление о том, что творится в Петрограде.

Союз офицеров при ставке, в свою очередь, выступил с воззваниями о деянии фронта и об отпоре новому правительству.

В Румчероде растерянность.

Фронтовая секция Румчерода постановила организовать Революционный комитет для согласования действий революционной демократии на фронте. В состав Революционного комитета вошел представитель фронтовой секции Румчерода Лордкипанидзе, еще несколько эсеров, меньшевиков и представитель командования—дежурный генерал Сытин.

В армиях, в свою очередь, образованы революционные комитеты, выдвинутые из состава армейских комитетов, со включением в эти ревкомы представителей командования.

К нам в Румкомкрест беспрерывно прибывают делегаты из войсковых частей с вопросами, — что происходит в стране и как себя держать солдатским организациям на фронте. Одни настроены враждебно к большевикам, другие, наоборот, примирительно, указывая, что теперь с быстротой приближается время заключения мира.

От военных министров Крыленко и Антонова-Авсеенко поступила радиограмма, предлагающая солдатским органи-

зациям непосредственно завязать мирные переговоры с немецкими фронтовыми организациями. В противовес им рассылает свои радиограммы Ревком, приказывая не вступать в сепаратные переговоры с немцами. Однако, почти в каждой дивизии начались стихийные переговоры о мире с немецкими солдатами.

Катавасия идет по всем линиям. Никто ничего не понимает. Развал на фронте полнейший. Каждый комитет действует самостоятельно. Распоряжения фронтовых органов местными комитетами совершенно игнорируются.

Румкомкрест решил издавать свою газету. Пожертвования, на которые существует комитет, из войсковых частей идут в изобилии. Мы имеем уже около двадцати тысяч рублей солдатских средств на текущем счету. Стали разыскивать бумагу и типографию. Увы, типографии Ясс целиком загружены штабными работами и Румчеродом, для нас ничего не остается. Получить бумагу в Яссах тоже нет никакой возможности.

В самих Яссах жизнь течет как будто нормально. Примыкающие непосредственно к штабу фронта мелкие части настроены антибольшевистски, но зато специальные инженерные части, помещающиеся в местечке Сокол, километрах в двенадцати от Ясс, своими действиями показывают свое сочувствие большевикам. Убрали из комитета эсеров и меньшевиков, поставили вопрос о выборности командного состава и уже как будто назначили своего командира.

Румынские части в строгой дисциплине. Офицеры их держат себя чрезвычайно нахально по отношению к русским солдатам; часто демонстративно на глазах русских безобразничают над солдатами-румынами.

Как-то в кафэ, наблюдая за публикой, поглощающей в изобилии пиво, мы увидели несколько солдат-румын, занимавших в укромном уголке столик, на котором стояло несколько кружек пива. В это время в кафе зашел румынский офицер, расположившийся неподалеку от нас. Заметив при

сутствие румынских солдат, он вскочил из-за стола, быстро подошел к солдатам, резко спросив на французском языке,— какое они имеют право находиться в кафе в присутствии офицера. Солдаты вытянулись в струнку. Не слушая их объяснений, офицер начал, не стесняясь нашим присутствием, избивать солдат. Мы с Дементьевым бросились к их столику:

— Как вы смеете бить?

— Это не ваше дело. Вы распустили свою сволочь...

— А мы не допустим, чтобы румынская сволочь била румынского солдата!

Схватили румынского офицера за шиворот, подтолкнули к двери и надавали ему тумаков.

Продолжаем оставаться в кафэ. Избитые солдаты-румыны подошли к нам с выражениями признательности за защиту, предупреждая при этом, что убежавший офицер, вероятно, вскоре придет с патрулем.

— Ну, нам-то они ничего не сделают, а вот вам, пожалуй, целесообразнее уйти.

Солдаты ушли.

Минут через пятнадцать ворвалась ватага румынских офицеров, человек восемь во главе с выгнанным нами. Вся эта ватага направилась к нашему столику.

— Солдаты, к нам! — закричал Дементьев.

Вокруг нас образовалось плотное кольцо из наших солдат.

— Вы были свидетелями, как эта румынская сволочь била своих солдат, так же в свое время наши офицеры били вас. По шапке их!

Достаточно было этого сигнала, чтобы наши солдаты изрядно поколотили румын.

На 2-м Всероссийском крестьянском съезде борются два предложения: Авксентьева—что крестьянские советы должны быть самостоятельными организациями, верными решениям демократического совещания, и другое — Спиридоновой и Камкова—о том, чтобы крестьянские советы состави-

ли секции Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и голосовали доверие Совнаркому.

— Голосуйте за секции, за доверие Совнаркому, — ответил я по прямому проводу нашим делегатам на съезде, Курдюмову и Крюкову.

Ежедневно продолжается беспрерывный поток радиограмм, противоречащих одна другой:

«Большевики свергнуты, власть перешла в руки комитета Общественного спасения». «Ленин и Троцкий ушли в отставку. Председателем совета министров назначен Чернов». «Образовано единое социалистическое правительство от эсеров до большевиков включительно».«Дело формирования правительства перешло в руки земских и городских организаций». «Викжель объявляет всеобщую забастовку, если Ленин и Троцкий не уйдут из правительства». «Викжель приступил к формированию социалистического правительства из представителей всех социалистических и общественных организаций». «Фронты не признают большевистского правительства». «Северный фронт полностью переходит в наступление на Петроград». «Западный фронт арестовал большевистских комиссаров». «В ставке арестован большевистский Главковерх Крыленко». «Украинская Рада отделилась от России, образовав самостоятельное правительство». «Союзники отказались вести переговоры с большевиками». «Немцы не приняли большевистского предложения о мире» и т. д., и т. д., и т. д.

Во фронтовых секциях Румчерода продолжает царить растерянность. Наш комитет в свою очередь растерян, не имеет полного единодушия.

15 ноября в Румкомкресте неожиданно собралось большое количество представителей наших крестьянских советов из дивизии и корпусов. Воспользовавшись этим, устроили совещание об отношении к власти большевиков. Собрание открыл Свешников.

— Наша крестьянская организация, — говорил он, — не может остаться безучастной к происходящим событиям. Мы, как крупная фронтовая организация, должны выявить свое отношение к большевистскому правительству, которое, надо полагать, у нас будет определенно отрицательное.

Но Свешников ошибся. Прибывшие представители дивизии, заслушав мою речь, заговорили совсем другое. Первым выступил представитель технических войск из Сокольского гарнизона (под Яссами).

— Наша организация должна безоговорочно признать правительство большевиков, — сказал он. — Временное правительство все время болтало и тянуло, не разрешая вопроса о земле и мире. Большевиками же, в первый день их прихода к власти, был сразу издан декрет о земле, удовлетворяющий крестьянство. Также немедленно они приняли меры к заключению мира, для прекращения этой бесплодной бойни. Я предлагаю, — говорил он, заканчивая свою горячую речь, — присоединиться к Оленину, вынести постановление о признании большевиков и о поддержке их.

Прения затянулись до глубокой ночи. Почти все без исключения прибывшие с фронта солдаты указывали на необходимость поддержки большевиков и требовали активного вмешательства во внутреннюю жизнь фронта.

— Образовались ревкомы, — говорили делегаты с мест, — во всех армиях, корпусах и дивизиях. Казалось бы, ревкомы должны поддерживать революцию. На самом деле эти ревкомы включили в свой состав представителей генералитета и на деле поддерживают контр-революцию.

Дементьев в конце заседания, в свою очередь, выступил с резкой речью, призывая к немедленному признанию и поддержке большевиков.

— Посмотрите, — говорил он, — что делается у нас в Яссах, кто заседает в ревкомах. Правый эсер Лордкипанидзе вместе с генералом Сытиным. Посмотрите, какое отношение генералитета фронта, очевидно при молчаливом согласии

Румчерода, к нашей организации. Мы до сих пор не можем получить приличных помещений, ютимся в холодном магазине, — не можем организовать своей газеты.

В результате двенадцатичасовых бурных прений комитет принял предложение Дементьева признать большевистское правительство, подчиниться всем его распоряжениям и оказывать ему полную поддержку.

На следующий день Лордкипанизде, встретившись со мной в столовой Румчерода, иронически заметил:

— Итак, ваша крестьянская организация п о д д е р ж и в а е т линию своих идеологов — эсеров?

— Поддерживает, — не менее иронически ответил я.

За обедом заговорил с Лордкипанидзе о положении дел на фронте.

— Все армейские комитеты и образованные при них ревкомы,—говорил Лордкипанидзе,—целиком стоят на стороне Временного правительства. Очевидно, что большевистская авантюра в ближайшие дни будет ликвидирована.

— Так ли, товарищ? — возразил я. — Не далее как вчера бывшие у нас в комитете делегаты из дивизий утверждали совершенно обратное: нет ни одной дивизии, которая поддерживала бы Временное правительство и которая хотела бы продолжать войну. Все солдаты ждут часа бросить винтовку и покинуть окопы.

— Шкурники, конечно, есть,—ответил Лордкипанидзе.— Но я говорю не об этих отдельных шкурниках, а о лучшем цвете армейской общественности, представленной в комитетах и ревкомах.

— Какую цель преследуют ревкомы, в частности фронтовой ревком, председателем которого вы являетесь?—спросил я своего собеседника.

— Поддержать порядок на фронте, не допускать разложения армии от большевистской агитации, которая за последнее время развивается особенно интенсивно, и поддержать на должной высоте авторитет командования, без чего мы не

сможем заключить почетного мира. Вы должны понимать, как член фронтовой организации,—продолжал он,—что мы связаны с нашими союзниками и сепаратное выступление из войны обратит против нас союзников. Большевики не понимают, что, оканчивая войну с немцами, им сейчас же придется столкнуться с новой войной, войной с союзниками.

— Не думаю, чтобы союзники были настолько сильны, чтобы сейчас же повести войну против нас. Да и где они ее поведут?

— Как, где? — возмутился Лордкипанидзе. — Англичане могут немедленно высадить десант в Архангельске, французы — в Одессе, японцы — на Дальнем Востоке.

— Располагают ли они силами для таких десантов, коль скоро немцы продолжают быть сильными, а отозванные войска с нашего фронта обрушатся на фронт союзников?

— Немцы находятся накануне истощения, и отозвание войск с Румынского фронта не особенно их усилит на Западном. К тому же с тех пор, как началась наша революция, началось, с легкой руки большевиков, братание,—немцы свои главные силы уже успели перебросить на Западный фронт. Здесь же лишь держат заслон.

— Не очень я сведущ в политике, — говорил я, — но думаю, что с наступлением зимы солдаты все равно потянутся на родину и фронт окажется голым. Вам, вероятно, не безызвестно, до каких громадных размеров дошло дезертирство.

— Мне известно одно, — со злобой ответил Лордкипанидзе,—что дезертирства на Румынском фронте почти нет.

— Вероятно, лишь потому, что далеко до России и, кроме того, поставлены заслоны из румынских частей.

— Нет, наша организация поддерживает в войсках соответствующие настроения.

Фронтовая секция Румчерода немногочисленна — пятнадцать-двадцать человек. Главные силы ее в Одессе. Среди них нет ни одного большевика, от которого можно было бы информироваться. Есть один интернационалист. Это—Вино-

градов, прапорщик, бледная личность. Главным заправилой является Лорджипанидзе, выставленный в списках эсеров первым кандидатом в члены Учредительного собрания.

Ревком обратился с рядом воззваний к фронту, в которых выступление большевиков характеризуется, как удар в спину революции.

По радио узнали, что верховным главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. В приказе по фронту это назначение не опубликовывается. Штаб фронта исполняет распоряжения начальника штаба верховного главнокомандующего Духонина.

Нужно сказать, что Румынский фронт весьма оторван от жизни центра. Информация доходит чрезвычайно медленно и слабо. Благодаря сильной цензуре в нашем распоряжении лишь сообщения правых группировок, а действительное положение вещей приходится узнавать от приезжающих из командировок и частично из одесских газет, которые попадают опять-таки чрезвычайно редко.

По поручению комитета я отправился к генералу Щербачеву, чтобы лично переговорить с ним о предоставлении нашему комитету соответственных условий для его работы, в частности об отпуске бумаги и типографии для газеты.

Щербачев занимает небольшой особняк в центре Ясс. Около особняка охрана из жандармов. Прежде чем пропустить меня в помещение, один из жандармов ознакомился с моими документами, затем вызвал из внутренних покоев швейцара, тоже жандарма, и последний провел меня в приемную комнату, где, оставив меня под наблюдением присутствовавших в приемной двух жандармов, пошел докладывать о моем приходе в кабинет к Щербачеву.

Минут через пять ввел меня к Щербачеву. В просторном кабинете, заставленном мягкой кожаной мебелью, за большим письменным столом сидел Щербачев, небольшого роста, с проседью, умными темными глазами, пытливо рассматривающими посетителя. Щербачев тихим голосом спросил

о цели моего прихода. Я изложил, что наш комитет нуждается в помещении, что на протяжении почти месяца не можем добиться условий для издания газеты.

— Вряд ли я могу быть вам полезен, поручик,— сказал Щербачев.— Яссы переполнены всякого рода организациями, которых наплодилось весьма много, что увеличивает и без того острый жилищный кризис. Самое большее, что я могу для вас сделать, это — попросить Ивана Ивановича (генерала Сытина), чтобы вам предоставили просимое, если это не в ущерб фронту. Скажите, ваш комитет находится на какой позиции?

— Здесь, в Яссах, господин генерал, а не на позиции, — ответил я, не поняв вопроса.

— Ну, на какой платформе? — рассмеялся Щербачев.

— На крестьянской, господин генерал. Мы стоим за то, чтобы крестьяне немедленно получили землю от помещиков и притом без всякого выкупа.

— Так что же, вы хотите пустить по-миру помещиков?

— Зачем по-миру? У них достаточно средств для того, чтобы они могли существовать, а, кроме того, по своему культурному уровню они могут занимать ту или иную службу.

— Вы очень упрощенно смотрите, поручик. Нигде, ни в одной стране ни одна приличная партия не ставила так вопрос, чтобы грабить одну часть населения для другой части.

— Но ведь нигде нет таких условий и таких взаимоотношений между помещиками и крестьянами, как в нашей стране, господин генерал.

— Ну, а как к большевикам вы относитесь?

— Мы располагаем чрезвычайно слабой информацией о том, что делается в Петрограде, если же судить о настроении солдат-крестьян, находящихся на позиции, то отношение безусловно сочувственное.

— К гибели ведут большевики. С ними нужна отчаянная борьба. Я считаю, что стою во главе фронта, который единодушно осуждает большевиков. Я горжусь тем, что на моем фронте общественные организации идут рука об руку с командованием и что наш Румчерод обладает высокой государственной мудростью. Итак, — закончил Щербачев, — я скажу генералу Сытину о вашей просьбе.

На другой день мы получили ордер на предоставление под редакцию двух номеров в центральной гостинице, отведенной румынскими властями для русских офицеров.

Большая комфортабельная гостиница, заселенная преимущественно штабными офицерами. Большинство штабных офицеров живут с женами.

В десять утра номера пустеют, ибо офицеры расходятся по своим канцеляриям. Остающиеся в них жены продолжают спать до часу-двух дня. Затем начинается шарканье туфель по коридору. Сидят группами около ванной и уборных комнат. Горничные разносят кофе. К четырем часам возвращаются со службы мужья. Два-три часа тишины. С семи-восьми вечера офицеры собираются по номерам. Из ряда комнат несется музыка и пение. По коридорам снуют лакеи с подносами вин, и лишь к трем часам ночи наступает тишина с тем, чтобы на следующий день с семи-восьми часов началось то же самое.

Вернулся с Всероссийского крестьянского съезда Курдюмов. Он привез мне удостоверение из культурно-просветительного отдела военного министрства о том, что я назначаюсь уполномоченным военного министерства по ведению культурно-просветительной работы на Румынском фронте.

На заседании комитета Курдюмов подробно доложил о Крестьянском съезде и съезде Совета рабочих и солдатских депутатов. Крестьянский совет, как самостоятельная организация, ликвидируется. Взамен будет крестьянская секция при Совете рабочих и солдатских депутатов, в связи с чем последний переименован в Совет рабочих, крестьянских и сол-

датских депутатов. Во главе крестьянской секции Спиридонова, президиум секции сплошь из левых эсеров.

— Мы установили, — говорил Курдюмов, — что Авксентьев определенно контр-революционная личность. Все правые эсеры заняли такую непримиримую позицию по отношению к большевикам, что это вызвало раскол съезда и его наиболее революционная часть во главе с левыми эсерами перешла на сторону большевиков. Петроградский гарнизон, петроградские рабочие целиком на стороне Совета Народных Комиссаров.

По докладу Курдюмова мы приняли постановление о безусловной поддержке Совета Народных Комиссаров.

В первую очередь я решил поехать в Батушаны, где расположен штаб 9-й армии.

До Батушан шестьдесят километров по прекрасной шоссейной дороге. Выехал на штабном автомобиле (оказия) в восемь часов утра. Стоял чудный солнечный день, напоминающий у нас в центральной России август. По дороге внимательно разглядывал деревушки. Мне раньше представлялось, что крестьянское население Румынии живет в гораздо лучших условиях, чем русские крестьяне. Впечатление, однако, получилось совершенно обратное. Деревушки крайне убоги. Маленькие полуразвалившиеся хаты из глины, в одно, два окна. Большинство без труб. Надворных построек почти нет, что указывает на отсутствие скота. Встречные жители поражали своим нищенским одеянием и забитым видом.

Ехавший со мной офицер генерального штаба сказал:

— Вот русские мужики недовольны своей жизнью, а если бы они посмотрели, как живут румынские, то убедились бы, что по сравнению с румынским мужиком русский живет крезом.

— А чем вы объясняете, господин полковник, такое резкое различие между русской и румынской деревней?

— Русская деревня больше пятидесяти лет как стала свободной, а в Румынии до сих пор сохранились феодальные

отношения с помещиками и крестьяне здесь находятся на самой низшей ступени развития.

— Ну, в этом отношении и у нас не все благополучно. Если нет формального феодализма, то по существу он сохранился. Достаточно вам напомнить фразу чеховской пьесы, что мужику куренка некуда выпустить.

— Есть, конечно, такие отношения и в России, но, повторяю, русский мужик значительно богаче и значительно свободнее, чем румынский.

Батушаны — небольшой городок, утопающий в зелени. По своей архитектуре здания совершенно не походят на здания подобных русских городов. Значительно красивее.

Я направился в армейский комитет, помещающийся в военных казармах. Налицо был лишь один дежурный член, солдат, эсер.

Узнав о цели моего прихода и о том, что я являюсь уполномоченным культурно-просветительного отдела военного министерства, он добродушно рассмеялся:

— Поздно хватилось военное министерство просвещать солдат. Большевики достаточно просветили. Идиотство думать, что сейчас можно ставить какую-то культурно-просветительную работу. Солдаты только о том и думают, как бы скорее бросить винтовку и отправиться домой. Приказы по радио и воззвания о том, чтобы вести непосредственно мирные переговоры, окончательно добили фронт.

— Меня информировали в штабе фронта, — сказал я, — что положение в армии устойчивое. Армейские комитеты работают беспрерывно, солдаты их слушаются, и ни о каких демобилизационных настроениях и речи, якобы, нет.

— Сволочь там в Яссах сидит. В каждой дивизии столкновения с командным составом. Наших распоряжений не слушают. Большевики точно из-под земли вынырнули. Нет ни одной роты, в которой не оказалось бы теперь большевика. Их только в штабе армии нет да во фронтовом комитете. Нет армии, позиции нет, сплошное братание.

— Если положение таково, — говорю я, — то почему вы не ставите вопроса о принятии мер к немедленому заключению мира?

— Ни армейские штабы, ни лидеры наши не понимают этого. Они питаются благодушными сводками из штабов.

— А как комсостав ваш настроен?

— Как в Февральскую революцию относились к эсерам и к революции вообще, так теперь относятся к большевикам и к максималистам.

Во время разговора в комнату вошло несколько солдат, прибывших из частей.

— Товарищ Андреев, — обратились они к дежурному члену комитета, — у нас чорт знает что делается. Штаб дивизии арестовывает большевиков, и не только большевиков, но и всякого, кто заявит о том, что пора кончать войну. Артиллеристы стреляют по братающимся нашим цепям.

— Солдаты артиллеристы?—спросил я.

— А кто ж их знает. Говорят, что не столько солдаты сколько офицеры.

— А чего же вы их не возьмете в оборот?

— Вот видишь, товарищ, — обратился ко мне Андреев,— а ты тут с культурно-просветительной работой.

— А где Керенский? — обратился один из солдат к Андрееву.

— А чорт его знает! Сбежал, сволочь...

— Так ведь он ваш вождь. Соловьем разливался: «единение с союзниками», «война до победного конца», «ждите Учредительного собрания».

— Мы, товарищи, на Керенского не ориентируемся, — заявил Андреев,—Керенский сыграл свою роль. Он был хорош во время Февральской революции, а потом продался буржуазии. Если бы раньше Керенского по шапке турнули, то может быть теперь уж демократическая республика была бы. Я не знаю, верно ли—продолжал Андреев,—но сдается мне, что выступление Корнилова было не без его участия.

— Конечно заодно, — подтвердили солдаты. — Ясное дело, как это мог выступить Корнилов, не рассчитывая на поддержку. Эх, попади они к нам, разделались бы с ними!

— Ну, уж теперь он не попадется. Если смог 25 октября удрать, то теперь рассчитывать на его возвращение трудно.

«Да, действительно, опоздал с насаждением библиотечной сети», — подумал я и, распростившись с Андреевым, отправился к ожидавшему меня автомобилю.

Курдюмов, как избранный в члены крестьянской секции Всероссийского совета, собирается уезжать в Петроград. Решил проводить товарища. Вечером Курдюмов, Антонов, я и Свешников пошли в кафе, в котором по вечерам пиво.

Кафе доотказа набито посетителями, среди которых нет ни одного офицера. За соседним с нами столиком помещается группа солдат, один из них с четырьмя георгиевскими крестами и медалями. Он с таинственным видом шопотом рассказывал что-то своим собеседникам, при этом несколько раз осторожно оглядывался в нашу сторону.

Услышав наш разговор о Петрограде, о моей поездке в Батушаны, об отъезде Курдюмова, солдат — георгиевский кавалер — сделал несколько попыток вмешаться в наш разговор. К концу вечера, когда в зале уже порядком поредело, казак подошел к нашему столику и, наклоняясь близко к нам, произнес:

— А ведь Лавра Григорьевич спасся!

— Какой Лавра Григорьевич? — недоумевающе посмотрел я.

— Корнилов, — шопотом произнес казак. — Убежал. Сейчас на Дону. Можно мне сказать вам несколько слов? — продолжал так же таинственно казак.

Мы заинтересованно кивнули головой.

— На Дону Лавр Григорьевич собирает армию, чтобы пойти против большевиков. Он разослал во все гарнизоны и города своих людей для записи желающих служить в его

армии, притом принимает только офицеров и казаков. Разрешите мне с вами по этому поводу поговорить. — Оглянувшись по сторонам, казак еще более приблизил свое лицо к нашим: — Моя квартира при комендатуре штаба фронта. Может зайдете?

Я толкнул ногой Курдюмова.

— Зайдем, — сказал Курдюмов. — А когда?

— Да хотя бы сегодня.

— Сегодня уже поздно. Завтра с утра.

— Только пораньше. Мы с вами сможем и документ соорудить, чтобы спокойно добраться до Дона. Так я жду вас.

С этими словами казак вернулся к своему столику.

Мы продолжали вести начатый разговор, не желая показать казаку отрицательное к нему отношение. Вернувшись в номер, собрали живущих в предоставленных номерах членов Румкомкреста, рассказали им о разговоре с казаком.

— Застрелить надо сукина сына! — заговорил первый Дементьев. — Сволочь. открыто вербует монархическую армию!

— Как ты его застрелишь, когда он живет при комендатуре штаба? — сказал Курдюмов. — А вот Румчерод об этом осведомить надо.

Утром пошли в Румчерод, чтобы поговорить с Лордкипанидзе, но его не застали. Собравшиеся другие члены Румчерода со вниманием выслушали наше сообщение и предложили немедленно поставить этот вопрос на заседании Ревкома.

— Мы хотели бы присутствовать на этом заседании, — внес я предложение.

— Это, товарищи, не обязательно. Ревком достаточно авторитетная политическая организация, чтобы принять должные меры.

Ревком принял меры. Он написал официальное представление командующему фронтом о том, что в Яссах генерал Корнилов через своих агентов вербует добровольцев в ар-

мию для борьбы с большевиками, и просил генерала Щербачева принять меры к прекращению подобной вербовки.

Выборы в Учредительное собрание на Румынском фронте прошли вяло. В самых Яссах даже незаметно. В Яссах прошел список эсеров. Наш комитет не принимал никакого участия в выборах.

Дементьев стал стопроцентным большевиком. Антонов, Сергеев и Святенко высказывают симпатии к левым эсерам. Свешников держится линии эсеров центра, возглавляемого Черновым.

Сведения с фронта и письма от членов советов, работающих в дивизии, указывали, что на фронте развал усугубляется, что в целом ряде мест ревкомы переизбраны, во главе новых поставлены сочувствующие большевикам, и в этих частях новые ревкомы захватили власть в свои руки, сохранив за командованием чисто технические функции. Ни один приказ командования не имел силы без утверждения его со стороны большевистского ревкома. Но в самих Яссах штаб фронта продолжал работать в полном единении с ревкомом и давал сводки в печать, характеризующие положение на фронте, как благополучное.

ГЛАВА XV

В КИШИНЕВЕ

В Яссах нет никакой физической возможности не только издавать газету, но даже развернуть работу комитета. В связи с этим единогласно постановили перевестись в Кишинев.

Кишинев — небольшой город, являющийся центром Бессарабской губернии, знаменитый бывшими в Кишиневе еврейскими погромами, организовывавшимися не менее знаменитым черносотенцем Крушеваном. Население по преимуществу евреи и молдаване. Русские — главным образом военные.

Несколько дней с ворохом ордеров обходили дома обывателей в поисках удобных комнат и в конце-концов не смогли получить ни одной комнаты, ибо владельцы квартир старались лучшие комнаты сохранить за собой, предлагая нам исключительно проходные. Представитель Городской управы не мог противостоять саботажу владельцев квартир и покорно соглашался с их заявлениями, уводя нас из одной квартиры в другую.

Вот пример одного из обходов. Особняк комнат в восемь-десять. Семья владельца из четырех человек. Прекрасные, богато обставленные комнаты. Непроходные комнаты заняты по одному человеку. Огромные проходные комнаты — гостиная, столовая, зал — предлагались нам, при этом

предупреждали, что через эти комнаты будут ходить владельцы и тем самым нас стеснять.

Совершенно открыто была видна насмешка хозяев. Мало того, как только мы, было, решили с Антоновым занять большую гостиную с большим количеством мягкой мебели и двумя кожаными диванами, — хозяйка отозвала представителя Городской управы для переговоров в другую комнату. Вернувшись оттуда, он заявил, что неудобно стеснять хозяина, который является членом Городской думы.

Потеряв совершенно бесплодно два дня, мы в конце-концов решили остановиться в гостинице, под которой помещается как раз и типография, ранее принадлежавшая Крушевану.

В гостинице было несколько свободных номеров, мы их заняли как бы за плату, но в тот же день отправились в Городскую управу, прося выдать ордер на занятые номера. Там долго с нами торговались, указывали, что номера гостиницы реквизиции не подлежат, что мы должны, если хотим там жить, договориться с владельцем гостиницы.

— Нам, как военным, полагаются квартирные деньги,— заявили мы,—и по городу Кишиневу должны, вероятно, платить не менее двадцати-двадцати пяти рублей.

— Мы согласны вам выдать деньги, — сказали в Городской управе, — но только вы сами сговоритесь об оплате номера.

Пошли к владельцу гостиницы.

Владелец гостиницы, он же владелец бывшей крушевановской типографии, Вулкамич, согласился на наше предложение, попросив лишь выдать ему доверенность на получение от Городской управы причитающегося нам дровяного пайка.

Создали редакционую коллегию, — председатель Свешников, я его заместитель. Связались с «Роста» и Советом рабочих и солдатских депутатов.

На имевшиеся деньги купили триста пудов бумаги, заключили договор с Вулкамичем на печатание газеты в его типографии и стали готовить первый номер.

Свешников через день уехал на родину, вызванный оттуда телеграммой. Мне пришлось самому писать передовую статью на злобу дня, составлять информации из телеграмм, собирать хронику местной жизни, получая данные от местного Совета, направлять весь этот материал в типографию, присутствовать при наборе, корректировать гранки и выпускать номер.

Сил на ежедневную газету нехватало. Решили ограничиться тремя номерами в неделю.

Какое было большое удовлетворение, когда появился первый номер газеты «Солдат-крестьянин»!

В Кишиневе тишина. Находишься как будто в весьма отдаленном тылу, в котором не чувствуются революционные и фронтовые события. Работа местных советских организаций протекает в этой кишиневской тишине также незаметно. Гарнизона почти не видно, да и не велик он, всего один запасный батальон и два автомобильных отряда, обслуживающие санитарные учреждения. Совет рабочих и солдатских депутатов целиком в руках эсеров и немногочисленных меньшевиков. Во главе совета стоит солдат эсер, вернувшийся из ссылки после Февральской революции.

Президиум совета заверил нас, узнав, что мы крестьянская организация, что с его стороны будет оказано всяческое содействие культурно-просветительной работе, в частности изданию газеты. Из больших событий мы отметили, что в Кишиневе на ближайшее время назначена конференция большевиков Румынского фронта.

— Напрасно мы дали согласие устраивать конференцию на нашей территории, лучше было бы, если бы они созывали в другом месте,—говорили некоторые руководители совета.

— Что ж такого, что на нашей территории,—говорили другие,—у нас большевистских настроений нет. Население спокойно, рабочих у нас мало, а за большевиками идут главным образом рабочие и солдаты.

Малочисленность кишиневского гарнизона способствовала спокойному настроению совета.

— Как вы относитесь к большевикам?—спрашивал я.

— Безусловно отрицательно. Они своим выступлением и захватом власти предают дело революции.

В первых числах декабря состоялась конференция большевиков. На эту конференцию я отправился вместе с прапорщиком Святенко, причем последний должен был приветствовать большевиков от имени нашей крестьянской организации, я же, как занятый исключительно редакционным делом, пошел с информационными целями.

Конференцию открыл Юдовский, лидер большевистской фракции одесского Румчерода. Он произнес речь о создавшемся положении в связи с захватом власти большевиками, о настроении и положении Румынского фронта. Призывал в заключение порвать с меньшевиками-интернационалистами, с которыми у фронтовых большевиков на почве выборов в Учредительное собрание был блок.

Конференцию пришел приветствовать, кроме нашей крестьянской организации, и представитель местного совета, который в своем приветственном выступлении подчеркнул необходимость единения революционной демократии.

Почти одновременно происходила конференция эсеров Бессарабской губернии. На эту конференцию я не пошел и на заседании комитета было постановлено никого с приветствием не посылать.

Чтобы окончательно оформить отношение фронтовых и войсковых крестьянских организаций к происходящим событиям, мы решили созвать на 15 декабря фронтовой съезд советов крестьянских депутатов. В повестке дня: 1) Текущий

момент. 2) Отношение к новому правительству. 3) Отношение к войне.

Кишиневская тишина, не прекращавшаяся и после нашего приезда, неожиданно нарушилась. Сидя утром в помещении комитета, выбирая телеграммы для очередного номера «Солдат-крестьянин», я был оторван от моих занятий вошедшим небольшого роста коренастым матросом, у которого на фуражке было написано «Аврора».

— Здравствуйте, товарищ! — обратился он ко мне.

— Здравствуйте. Садитесь. Чем могу быть вам полезным?

— Да так, иду мимо вашего дома, вижу вывеску «Румкомкрест»—дай, думаю, зайду.

— А вы откуда, товарищ, из Одессы?

— Нет, из Петрограда.

— Из Питера!—обрадовался я, чувствуя, что получу интересную информацию для своего номера.

— Да, из Питера,—повторил он.—И вот мой мандат.

Матрос протянул мне бумагу.

Совет Народных Комиссаров. Дано сие матросу Ивану Петровичу Климову в том, что он является полномочным представителем Совнаркома коим командируется эмиссаром в город Кишинев для образования там советской власти. Всем советским и общественным организациям предлагается оказывать т. Климову всяческое содействие в возложенном на него поручении. Председатель Совнаркома Л е н и н.

— Так, значит, вы вроде комиссара будете по Кишиневской губернии?

— Да, примерно, так. А у вас тут как дела идут?

— Да спокойно, тихо.

— Что же революции нет еще?

— Нет.

— В Совете рабочих депутатов кто?

— Эсеры, разумеется.

— А гарнизон?

— Гарнизон здесь слабый. Один запасный батальон под влиянием эсеров да два санитарных автоотряда.

— Гарнизон-то, пожалуй, наш будет, — произнес Климов.—А в запасном полку много солдатни?

— Не особенно, разбредаются понемногу.—Вы может закусить хотите с дороги?

— Не откажусь.

Я пошел с ним в заднюю комнату, где у нас помещался купленный уже в Кишиневе самовар. Нарезал хлеба, достал сала и предложил Климову. Климов, не снимая своей шинели и фуражки, наспех стал закусывать.

— С кем бы мне здесь свидеться, кто бы нашу линию отражал?

— Затрудняюсь сказать. Мы всего лишь несколько дней в Кишиневе.

— Я слышал по дороге, едучи сюда, что в кишиневской тюрьме сидят много большевиков, посаженных фронтовым командованием.

— Возможно.

— Так вот если бы мне их освободить.

— А как же вы это сделаете в одиночку?

— А мандат-то на что?—потряс он только что показанной мне бумажкой.—Мне приказал товарищ Ленин, чтобы я здесь немедленно учредил советскую власть. Нас человек пятнадцать матросов послали по разным городам.

— Трудненько вам будет,—возразил я.—Пожалуй, один вы ничего не сделаете.

— Ничего, наша кривая вывезет. Мне можно будет здесь у вас расположиться на ночлег?

— Понятно, товарищ. Все, что от нас потребуется, мы для вас с удовольствием сделаем.

— Так я оставлю пока здесь свой сверточек,—сказал Климов, кладя под стол бывший с ним небольшой мешочек, — а часика через два зайду.

— Заходите.

Климов ушел.

«Удивительный тип, — подумал я. — Приезжает один, с мандатом, и думает, что сразу же все может сделать».

Прошло часа полтора. В большой зале комитета звонил телефон. Снял трубку.

— Говорит Сухов из Совета, — услышал я. — Не был у вас большевистский комиссар?

— Был.

— Куда он девался?

— Пошел по своим делам.

— Он говорил о чем-нибудь с вами?

— Да, что приехал организовать здесь советскую власть.

— Вы ему давали какое-нибудь поручение?

— Как же я могу дать ему поручение? Я лишь информировался о цели его приезда и о том, что делается в Питере. Он обещал еще ко мне зайти.

— Будьте добры ему передать, чтобы он зашел в Совет.

— Хорошо, а почему вас это так беспокоит? Откуда вы узнали об его приезде?

— Нам сейчас звонил смотритель тюрьмы, что туда пришел матрос с мандатом, сказал, что он остановился в Совете, потребовал освобождения заключенных — и тот дурак выпустил всю тюрьму.

— Неужели ему это удалось? — удивился я.

Прошло часа три. Климов не появляется. Отправился в гостиницу обедать. В столовой застал Сергеева и Дементьева.

— Слышал? — закричал при моем входе Дементьев. — Запасный батальон организовал у себя революционный комитет. Приехал какой-то комиссар из Петрограда, сказал, что существующий комитет распускается, выбрали другой из большевиков. Выбранный комитет сместил начальника гарнизона и назначает своего.

Я рассказал им о Климове.

Отправились к зданию Совета. Там большое оживление. В зале для заседаний Совета за столом президиума стоял

и говорил речь мой утренний знакомый Климов. В зале много солдат.

— Так что, — говорил он, — поскольку ваш Совет не отражает центрального настроения трудящихся масс, то я по поручению Совета Народных Комиссаров объявляю его закрытым.

— Как?.. Что?.. Захватчики!.. — слышалось со всех сторон.

— Никак нет, — упорно продолжал Климов, — коль вы все соглашатели, то мы выберем новый Совет из представителей настоящих революционеров.

Председатель Совета растерянно смотрит на происходящее. Между тем Климов, не давая опомниться, зачитывает список выдвигаемых им лиц в президиум собрания. Присутствующие в большом числе солдаты поднимают руки.

— Насилие над демократией! Большевистские захватчики, вы не имеете права!

— Потише, товарищи, — строго остановил Климов. — Так как запасной батальон на нашей стороне и оружие в наших руках, то потрудитесь не распространяться.

Таким образом в течение нескольких часов, благодаря изумительной находчивости и энергии Климова, в Кишиневе бескровно произошла большевистская революция. Поздно ночью Климов пришел в комитет ночевать.

— Ловко, товарищ, вы провели!

— Чего же тут ловкого? Раз у меня есть приказ, я должен его выполнить, а солдатня только и ждала, чтобы кто-нибудь пришел и образовал новый Совет.

В течение нескольких дней я неоднократно сталкивался на улицах, в учреждениях, в комитете у себя с Климовым, неутомимо шагавшим из учреждения в учреждение, проводившим привезенную им директиву. В течение следующего дня после захвата Совета он ликвидировал Городскую думу, посадил туда новых людей. Кишиневские обыватели — к ним я отношу бывших руководителей Совета — смотрели на все

с величайшим удивлением, остолбенением, не отдавая себе отчета в том, что делает энергия одного человека.

Вернувшись из типографии, где сдал в печать очередной номер газеты, разделся, чтобы ложиться спать, как неожиданно был вызван к телефону.

— Говорит Антонов, — услышал я в трубку. — Приходи сейчас в комитет. Есть очень серьезные новости. Требуется немедленно заседание.

Быстро одевшись, я отправился в помещение комитета, где застал собравшихся Дементьева, Сергеева, Антонова и др., с ними три незнакомые мне личности. Один из них лет двадцати трех-четырех, белокурый, хрупкого вида человек, сидя с Дементьевым, вполголоса рассказывал, что делается в Питере. Два других — коренастые солдаты с наганами за поясами.

— А вот и товарищ Оленин, — сказал Дементьев. — Познакомьтесь.

— Рошаль, — назвал себя посетитель.

— Рошаль? Председатель Кронштадтского совета?

— Да, это я, — улыбнулся он.

— Много о вас слышал и читал.

— Обо мне много писали, больше, чем следовало бы.

Рошаль — лидер Кронштадтского совета и кронштадтских большевиков, против которого вели бешеную травлю газеты Временного правительства, когда Кронштадтский совет объявил самостоятельную Кронштадтскую республику.

Я представлял себе Рошаля человеком внушительного вида, серьезного трибуна, — так его расписывали газеты, — на самом деле это был почти мальчик чрезвычайно скромной внешности.

— Я назначен Советом Народных Комиссаров, — начал Рошаль, — правительственным комиссаром при штабе Румынского фронта и вот теперь хотел бы здесь посоветовать-

ся с товарищами, как бы мне пробраться в Яссы и начать свои первые действия. Слышал о вашем комитете, как о сочувствующем советской власти, — поэтому в первую очередь заглянул к вам.

Рошаль говорил не торопясь, негромким голосом, несколько картавя, при этом его бледное лицо передергивалось от нервного напряжения или от бессонных ночей в вагонах.

— Я бы не хотел, — после небольшой паузы продолжал Рошаль, — попасть в лапы Щербачеву и румынской охранке, не успев подготовить реальную базу, на которую смогу опираться в своих действиях. Ехать сразу в Яссы под именем Рошаля мне представляется рискованным. Чем в данном случае вы могли бы мне помочь?

Первым взял слово Дементьев, заявивший, что было бы лучше, если бы Рошаль остался в Кишиневе, где почва за последние дни подготовлена, телеграф находится в руках большевиков и левых эсеров и что в Кишиневе Рошалю есть на кого опереться.

— В Кишиневе оставаться нельзя, — возразил Рошаль, — какой же я комиссар фронта, если боюсь появиться на фронте? Мне нужно обязательно быть в Яссах, но не в одиночестве, а опираясь на большевистские части фронта. Я вас прошу сказать, какие части с вашей точки зрения являются надежными?

Выступил я:

— Мне известно, что гарнизон Соколя целиком на стороне большевиков. В Соколе сосредоточены инженерные войска. Причем это местечко находится всего в десяти километрах от Ясс. Мне думается, что вам нужно поехать в Соколь, где, опираясь на сокольский гарнизон, приступить к своей комиссарской деятельности.

Сопровождавшие Рошаля солдаты подтвердили, что сокольский гарнизон большевистский.

— В самых Яссах опереться, конечно, не на кого. Там

стоят лишь вспомогательные части фронта и, кроме того, изрядное количество румынских частей, а на последние, совершенно очевидно, рассчитывать нельзя. Вам важно, явившись в Соколь, связаться с армейскими организациями, а на фронте безусловно большевистских частей найдется сколько угодно.

— Очевидно так и придется сделать, — согласился Рошаль. — Но сможем ли мы добраться до Соколя, не будучи захваченными по дороге? В частности, как перебраться через Унгени?

Унгени — граница России с Румынией.

— Это-то нетрудно устроить, — заявил я. — Мы можем выдать вам удостоверение, что вы являетесь представителем нашего комитета, причем вашу фамилию заменим какой-либо другой.

— Отлично, напишите, пожалуйста, такое удостоверение.

Я тут же, взяв блок-нот со штампом Крестьянского совета, написал удостоверение:

Дано сие тов. С. М. Абрамову, что он является представителем Исполнительного Комитета СКД Румынского фронта и командируется в Яссы в фронтовую секцию Румчерода по делам комитета.

Такие же удостоверения написали и двум другим спутникам Рошаля.

— Было бы хорошо, — предложил я Рошалю, — чтобы вас до Соколя проводил кто-нибудь из членов нашего комитета.

— Я бы с удовольствием поехал, — предложил Дементьев.

— Вот и отлично, товарищ Дементьев отлично знает Яссы и его окрестности, бывал и в Соколе.

— Еще кому угодно? Я бы сам тоже поехал, но с моим отъездом остановится газета. Товарищ Антонов, вы как?

Антонов выразил согласие.

Антонов и Дементьев должны были ехать со своими документами.

Окончив деловые разговоры, мы закидали Рошаля вопросами о том, что делается в Питере.

Рошаль рассказал, что положение Совнаркома прочное, что все разговоры о кандидатуре Чернова в председатели Совнаркома чепуха. Викжель, руководимый эсерами и меньшевиками, отчасти и кадетами, пытался, было, сыграть роль «спасителя отечества», но его быстро расшифровали, и сейчас все контр-революционные выступления как комитета спасения, возглавлявшегося Авксентьевым, так и Викжеля и других организаций ликвидированы. Фронт отозвался сочувственно на происшедшую революцию. Западный фронт целиком в руках большевиков, там очень сильные большевистские организации. Северный фронт также примкнул. Юго-западный фронт очень долго колебался. О Румынском фронте известно очень мало. Надо выявить большевистские силы на этом фронте и окончательно связаться с петроградскими организациями.

Беседа затянулась почти до утра.

С первым отходящим поездом рано утром Рошаль, в сопровождении своих спутников, выехал в Яссы.

В то время как Климов работал здесь, в Кишиневе, и завоевывал советскую власть, мы упустили из виду, что в Бессарабии существует еще организация, имеющая значение не меньшее, чем Совет. Эта организация — Сватул-Цери, своего рода бессарабский парламент, организованный при Временном правительстве для объединения молдавской национальности на территории Бессарабии. Сватул-Цери претендовал на роль активного руководителя судьбами Бессарабии. Его состав сугубо буржуазный. В него входили бессарабские землевладельцы и представители городской буржуазии из демократических элементов. Частично были представлены национальные трудовики и эсеры. Между Сватул-Цери и Советом имелся контакт, установленный в порядке обмена представителями.

В гостинице Вулкамича, где жили мы, помещались и чле-

ны Сватул-Цери. Один из этих членов, молодой прапорщик, сын мелкого бессарабского помещика, политически мало развитой, говорил:

— Мы хотим восстановить свою культуру. Быть самостоятельной народностью, свободной от давления русских и румын. Мы хотим издавать свои собственные законы на нашей территории, и чтобы наш суверенитет был уважаем. Теперь, когда большевики захватили власть, а мы большевиков не признаем, Сватул-Цери образует собственное правительство, назначит своих министров по всем отраслям народного хозяйства. У нас уже есть министерство просвещения, министерство земледелия, министерство внутренних дел, и сейчас мы ведем переговоры с киевской Радой, чтобы у нас образовалось министерство собственных путей сообщения.

— Какие же дороги-то у вас будут, которыми министерство путей будет управлять?

— Те дороги, которые проходят по Бессарабии.

— Значит, вы и границы установите и таможенные пункты между Украиной и Бессарабией?

— Границы, конечно, установим. Мы хотим быть автономной республикой.

— И армию свою будете формировать?

— Армию свою обязательно.

— Откуда же вы средства на все это возьмете?

— Те средства, которые раньше шли на Россию, теперь будут оставаться у нас. Вот вам и средства.

— Сомневаюсь, чтобы на эти средства можно было содержать больше одной роты.

— Вы не знаете возможностей Бессарабии. Она является житницей России, да и не только России, а и всей Европы, — говорил прапорщик.

— Ну, посмотрим, что у вас выйдет.

Вскоре в гостинице остановились несколько иностранцев, часть из них военные. Это члены военной миссии, прибыв-

шие из штаба Румынского фронта. Момент приезда иностранцев совпал с моментом пленума Сватул-Цери.

Прапорщик, забежавши ко мне в номер, с восторгом передавал, что идеи бессарабского Сватул-Цери целиком поддерживаются английской и французской миссией, которые обещали со своей стороны содействие развитию национального Бессарабского государства и материальную поддержку.

— Смотрите, — говорил я прапорщику, — как бы эти самые иностранцы — англичане и французы — не стали вас поддерживать так, как веревка поддерживает повешенного.

— Мы имеем дело не с варварами, а с представителями цивилизованных наций.

———

В одну из ночей в комитет явилось свыше десятка солдат, представителей дивизионных организаций фронта, проездом остановившихся в Кишиневе.

— Товарищи, куда нам обратиться? — спрашивали они. — Мы делегаты от фронтовых частей, которые послали нас вперед для обеспечения движения с фронта в тыл.

— Как с фронта в тыл?

— Армия бросает позиции и уходит в тыл. Румынские войска обстреливают уходящие части, забирают у нас имущество, вооружение. Десятки тысяч солдат идут, никем не руководимые, безо всякой организованности. Мы обратились в Яссах в ревком, чтобы он организовал правильное движение стихийно демобилизующейся массы. Там над нами рассмеялись. Между тем люди идут голодные, на своем пути они будут грабить мирное население. Необходимо немедленно вмешаться в это дело.

— В Яссы поехал комиссар правительства Рошаль, — говорили мы. — Он сейчас должен находиться в Соколе. Вы его не видели?

— Нет, мы через это местечко не проходили. Генерал Щербачев ведет предательскую политику, он хочет, чтобы

все имущество фронта осталось румынам. Сам уже перешел на службу к румынскому королю. Если в Румынии солдаты пройдут еще со своими запасами, то как только вступят на территорию Бессарабии, стон пойдет по этой местности. Будет все сметено.

— Что же делать?

Мы открыли экстренное заседание комитета. Надо немедленно поговорить с председателем Украинской Рады Винниченко. Уполномочили вести эти переговоры меня. Я вызвал по телефону Центральную Раду и попросил к аппарату Винниченко.

— Сегодня Винниченко подойти не может, — ответили мне. — Завтра в десять часов утра.

— Хорошо.

Вызываю штаб фронта. Дежурного генерала Сытина. Вместо него подошел дежурный офицер штаба.

— Что вам угодно? — запросила меня лента.

— Прошу передать дежурному генералу, что нами получены сведения о начавшейся стихийной демобилизации Румынского фронта. Нет ни питательных пунктов, ни ночлегов. Вся эта лавина в ближайшие дни должна войти на территорию Бессарабии. Исполнительный комитет Крестьянского совета Румынского фронта просит немедленно информировать о принятых штабом фронта мерах.

— Подождите у аппарата.

Через полчаса то же лицо, дежурный офицер штаба, сообщило:

— Ваши сведения неверны. Ничего стихийного на фронте не происходит. Все, что надо, штабом фронта будет сделано, и если встретится надобность, обратимся к вам или с информацией, или с предложением.

Вернулся с лентой разговора в комитет.

— Ах они сволочи, предатели, контр-революционеры! — закричало сразу несколько голосов. — Мы же сами прошли вместе с массой отступающих несколько десятков километ-

ров. Сами были под обстрелом и потом, по поручению ревкома, были посланы вперед.

Дальше солдаты рассказали о происходящем развале фронта. Вновь организованный ревком предложил прекратить войну и начать демобилизацию. Командование восстало против самовольно уходящих войск.

Утром иду снова на прямой провод. Передаю для вручения Винниченко записку, в которой излагаю содержание привезенных известий солдатами и от имени своего комитета предлагаю немедленно озаботиться организацией по пути следования наших солдат питательных пунктов, для чего срочно двинуть продовольствие, а также распорядиться подать подвижной состав к станции Унгени, где наши солдаты, переходя румынскую границу, смогли бы быть погруженными в эшелоны.

Тотчас же получил ответ Винниченко:

— Ваши сведения расходятся со сведениями, полученными мною вчера ночью от генерала Щербачева. Вы напрасно создаете панику, для которой нет места. Полученные от вас сведения еще раз проверю в штабе фронта, после чего ждите указаний.

Через несколько часов получил телеграмму штаба фронта, адресованную Винниченко, в копии мне:

Информация вас поручиком Олениным о стихийной демобилизации Румынского фронта неверна. Фронт находится в порядке, и необходимые мероприятия, обеспечивающие правильность демобилизации фронта, делаются и будут сделаны своевременно.

Бывшие у нас делегаты выехали, разделившись на две группы. Одна — в Яссы для встречи с Рошалем, а другая — в Киев для непосредственного разговора с Винниченко.

К вечеру четвертого дня после выезда из Кишинева Рошаля в комитете неожиданно появился Дементьев, весь растерзанный, с сумасшедшими глазами.

— Чуть не погиб, — были его первые слова. — Рошали

арестован, возможно, что уже расстрелян. Мне еле удалось бежать из-под ареста.

— Успокойся, расскажи толком.

— Дело было так, — начал рассказывать Дементьев. — Выехав из Кишинева, мы в тот же день благополучно прибыли в Соколь. Революционный комитет Соколя встретил нас восторженно. Рошаль, не откладывая дела в долгий ящик, сейчас же связался по телеграфу со штабом фронта, сообщил содержание своего мандата и предложил генералу Щербачеву встретиться для установления соответствующих взаимоотношений. Одновременно из Соколя сообщили во все армии и корпуса о том, что комиссаром фронта назначен Рошаль и что все распоряжения Щербачева должны быть скреплены подписью комиссара, без чего ни одно распоряжение не считается действительным.

Щербачев, осведомленный об этом по телеграфу, на первое же предложение Рошаля ответил, что он желает с ним немедленно встретиться, для чего предлагает Рошалю прибыть в Яссы, в ставку. Вскоре из штаба пришло два автомобиля и Рошаль, я, два представителя сокольского гарнизона поехали в штаб. Антонов остался.

Нас привели на квартиру к Щербачеву. В это время в его приемной уже собрался весь генералитет. Нас рассматривали, в частности Рошаля, как диковинок заморских. Вокруг дома Щербачева была стража, не превышавшая обычной, не более десяти-пятнадцати человек жандармов. Щербачев пригласил к себе в кабинет одновременно нас и присутствовавших в приемной генералов.

Рошаль предъявил мандат. Щербачев внимательно ознакомился с ним и заявил, что подчиняется распоряжению Совнаркома и признает Рошаля за комиссара фронта. Мы сочли вопрос улаженным довольно легко и что Рошаль вступит в исполнение комиссарских обязанностей. После получасового разговора Щербачев отпустил своих генералов, вслед за которыми начали выходить и мы. Уже выходя

из кабинета, Щербачев на минуту остановил Рошаля, молвив, что ему хотелось бы сказать Рошалю несколько слов наедине. Рошаль остался. Спустя минуту в кабинет Щербачева прошел какой-то офицер, и через несколько мгновений мы услышали оттуда звук выстрела. Из кабинета выскочил только-что вошедший туда офицер, крича: «Рошаль стреляет в Щербачева!» На пороге показался Рошаль с возгласом:

— Провокация!

В приемную из нескольких дверей сразу набежало много жандармов, набросились на Рошаля, отцепили у него на поясе револьвер, схватили за руки. Около дома, вместо бывших десяти-пятнадцати жандармов, появился целый эскадрон. Отовсюду неслось:

— Большевистский комиссар стрелял в главнокомандующего!

— Это провокация! — громко кричал Рошаль. — Стрелял в кабинете офицер!

Нас вытолкали на улицу. Мы были окружены эскадроном солдат и под его охраной направлены в тюрьму. В тюрьме нас бросили в сырой подвал, где не было буквально ничего, кроме скользкого грязного пола, и там продержали больше суток. На другой день вечером нас вывели оттуда якобы для допроса, причем Рошаля отделили от нас и повели в другую сторону, объясняя, что его ведут в штаб фронта, нас же в другую тюрьму.

По дороге, пользуясь наступившими сумерками и незначительной охраной, я выскочил из группы в первый попавшийся проходной двор, перекинулся через забор, выбрался в какой-то овраг, в котором пролежал почти до рассвета, а на рассвете, забравшись в сторожку огородника, сбросил с себя погоны, изорвал мундир и добрался до реки Прут, где лодочник перевез меня за двадцать пять рублей на другой берег, откуда пешком я прошел тридцать километров до станции Рузит, где уже спокойно сел на поезд на Кишинев.

Рассказ Дементьева произвел на нас ошеломляющее впечатление.

Телеграфировали в Соколь Антонову, чтобы он выяснил, где находится поехавший с ним Абрамов, полагая, что он поймет, о каком Абрамове идет речь.

Антонов вернулся на другой день и сообщил, что сокольский гарнизон тщательно пытался найти, где находится Рошаль, организовали опрос через подкупных румын, но в тюрьмах Рошаля не оказалось.

На наш запрос штаб фронта нам ответил, что Рошаль отправлен в Киев.

Просачиваются слухи, что по распоряжению Украинской Рады в Кишинев направляются гайдамаки. Так называются украинские военные национальные части. Смысл приезда гайдамаков заключается в охране Бессарабии от вступления большевиков.

Член нашего комитета Яков Федорович Сергеев до призыва на войну был оперным артистом. Сидя вечером у меня, Сергеев рассказал о своей жизни, как ему, кухаркину сыну, удалось при содействии нанимателя его матери, понявшего, что в Сергееве таится большой талант, поступить в музыкальную школу, а затем окончить Киевскую консерваторию. На фронт его призвали уже после того, как он в течение двух лет пел в Киевской опере.

— Мое призвание — сцена, — говорил Сергеев, — и только на сцене я хотел бы работать. Между тем пришлось сделаться военным, четыре месяца пробыть в Киевском военном училище и оттуда с маршевой ротой отправиться на фронт, быть прапорщиком, ходить в наступление, сидеть в окопах и лишь, когда совершилась революция, то за мой зычный голос, за мою веселость меня избрали членом комитета полкового, потом дивизионного, а впоследствии был

делегирован в Крестьянский совет Румынского фронта. В политике я ни черта не понимаю. А вот если бы пение, так это моя стихия. У меня голос, так сказать, басо профундо. Вы понимаете, что такое басо профундо?

— Это значит басо профано, — пошутил я.

— Вы большой профан, товарищ Оленин,— обидчиво ответил Сергеев. — Басо профундо — это такой голос, за которым антрепренеры гоняются, за фалды хватают, чтобы только затащить обладателя этого голоса на свою сцену. А вот теперь революция, театры замерли или должны, по крайней мере, замереть, особенно в связи с гражданской войной, с выступлением большевиков. Я не понимаю ни смысла этого выступления, ни чего хотят эти люди. Вижу лишь одно, что в связи с их выступлением искусство должно пасть.

— Почему же вы думаете, что оно падет?

— Совершенно естественно, — ответил Сергеев, — разве темная, невежественная масса и мужики могут понимать что-нибудь в искусстве? Ведь искусство создается веками.

— Ну, а если бы не было революции, — задал я вопрос,— как бы вы себя чувствовали?

— Я артист, для нас война — действие по принуждению сильных мира сего. Мы хотим мира, тишины, спокойствия, уюта, если хотите, мещанства с геранью на окнах, но только не острых ощущений и борьбы со всем человечеством за какие-то высокие идеи. Нам одинаково скверно как на войне, так и сейчас в момент революции. Но с революцией мы получили возможность выбраться из кошмаров позиционной обстановки, в которые нас забросила война. Сейчас эта революционная обстановка представляется менее кошмарной, чем сидение в окопах. Я искренний сторонник мира, жажду скорее вернуться домой, на чистую постель, посидеть за столом, покрытым белой скатертью, с вымытыми руками. Эх что! — махнул он рукой. — Вы чернозем. Вы всего этого не понимаете. Вам мужик интересен, ну, а для меня

это совершенно чуждый, даже страшный элемент, который может нас поглотить, раздавить.

— Почему вы сейчас не попробуете пойти по своему артистическому пути?

— Каким же это образом? — удивился он.

— Очень просто: вместо того, чтобы просиживать вместе с нами на заседаниях, собирать хронику для газеты, писать письма в дивизионные крестьянские советы, сочинять воззвания, вместо всего этого попробовали бы организовать концерт. И полезная тренировка, и посмотрели бы, что из себя представляет современная аудитория, хотя бы солдатская.

— Да разве это возможно? Как же тут организовать концерт? На это нужны деньги.

— Зачем деньги? Раз вы оперный артист, ваше орудие производства внутри вас.

— Я не могу петь без музыки. Где взять пианино?

— Вот чудак! — рассмеялся я. — Зал вам предоставит с удовольствием местный театр. А музыканты если не подойдут военные, то можно будет найти пианиста за десять-двадцать рублей. Я думаю, что если бы вы этот вопрос серьезно поставили на обсуждение нашего комитета, то мы без всяких возражений ассигновали бы некоторую часть средств, которые несомненно были бы покрыты сборами от концерта.

— По совести говоря, мне это не приходило в голову. Разве действительно попробовать найти зал и дать концерт? А может быть и какой-нибудь товарищ по сцене найдется?

Мой совет оказал благодетельное влияние на Сергеева, и через несколько дней на улицах Кишинева красовались афиши, отпечатанные в прежней крушевановской типографии, что оперный артист, член Центрального исполнительного комитета Румынского фронта Сергеев, басо профундо, дает концерт при участии таких-то сил.

Зал был набит битком, несмотря на то, что места были

платные, и не только окупились расходы по приглашению компанионов по концерту и пианиста, но еще изрядная сумма поступила в кассу нашего комитета, весьма опустевшую за последнее время в связи с большими расходами по изданию газеты.

По окончании концерта Сергеев, сидя у меня в номере с добытой откуда-то бутылкой коньяка, плакал обильными слезами, признавая, что он совершенно не ожидал подобного успеха, какой встретил на концерте, и что аудитория, состоявшая преимущественно из солдат, так тепло и сочувственно его встретила.

Не нравится мне интеллигенция.

Присутствуя на концерте Сергеева, я неожиданно столкнулся с моим земляком шофером Селиным. Отряд его размещен в местной гимназии. Машины поставлены под открытым небом во дворе. Шоферы же, в числе около сотни человек, занимают несколько классов.

— Раньше мы стояли в Яссах, — говорил Селин, — из Ясс нас перебросили в Кишинев. В последнее время после октябрьского переворота штаб фронта усиленно разгружал Яссы от технических частей, поскольку в последних находятся, главным образом, рабочие, а рабочим штаб фронта не верит. В Яссах еще была для нас работа: перевозили раненых из армейских госпиталей к фронтовым. Здесь же сидим больше месяца и абсолютно ничего не делаем.

— Вероятно, и в Яссах вам теперь нечего было бы делать, — заметил я.

— Как нечего? Там ежедневно сотни раненых.

— Откуда? Теперь ведь затишье.

— Во время братания румынская артиллерия обстреливает наших солдат. Вот вам и раненые.

— Что же вы собираетесь дальше делать?

— Говорят, будто бы наш отряд перейдет в ведение украинской власти. Нам это нежелательно. Хотелось бы вместе с автомобилями, а их у нас до сорока, пробраться на

родину. Автомобили хорошие, Рэно, из Франции новенькими год тому назад получены. Как бы пригодились они для революционного дела в России! А здесь их сволочь захватит, румыны или гайдамаки. Я рассчитываю на вас, Дмитрий Прокофьевич, может быть, как-нибудь ваш комитет поможет нам сорганизоваться таким образом, чтобы мы смогли из Кишинева удрать. Ну, скажем, если не в Киев, где украинцы командуют, то хотя бы в Курск.

— Мысль интересная, — согласился я. — Действительно, автомобильный отряд хорошо бы вывезти в Россию. Давайте обсудим.

Один из шоферов притащил карту десятиверстку, по которой мы тщательно просмотрели пути, ведущие из Кишинева в глубь России.

— Если гайдамаки не заняли переправы через Днестр, — говорил я, — то выбраться можно. Дорога через Сенжера, Кадыньяны на Аккерман — это один путь. Из Аккермана, который находится в руках большевиков, можно переправиться на Одессу. Другой путь на Бельцы, Могилев-Подольск, Проскуров, Старо-Константиновск, Житомир и т. д. Вот что, ребята, — предложил я, — у вас комитет есть?

— Есть.

— Соберите, обсудите внимательно, насколько все остальные согласны эвакуироваться из Кишинева в тыл, а затем — к нам, мы совместно продумаем дальнейшее.

Совнарком назначил Главковерхом прапорщика Крыленко. Начальник штаба верховного главнокомандующего Духонин отказался признать его за Главковерха. После ряда переговоров, не давших никакого результата, прапорщик Крыленко, в сопровождении нового начальника штаба, направился в ставку. В ставке он был встречен неприветливо. Генерал Духонин совершенно открыто заявил, что он отказывается выполнять приказ, исходящий от «незаконного»

правительства. Отряд матросов, сопровождавший Крыленко, самочинно заколол штыками генерала Духонина: в сводке штаба фронта Духонин представляется мучеником, пострадавшим за идею служения своему отечеству.

Буржуазные газеты, которые продолжают выходить и доходить до фронта так же регулярно, как и раньше, иронизируют, что прапорщик по своему собственному невежеству ни в коем случае не может быть Главковерхом

По этому поводу у меня со Святенко и Сергеевым произошел крупный разговор.

— Большевики себя дискредитируют, — говорил Святенко, — назначая прапорщика верховным главнокомандующим. Разве может фронт доверить свою судьбу безграмотному в военном отношении человеку?

— А что же по-вашему, — возражал я, — разве Николай был более компетентным в военном отношении, когда он был верховным главнокомандующим?

— Ну, Николай II, это другое дело. Он действовал своим царским авторитетом.

— Допустим, — иронически соглашался я, — а Керенский в роли верховного главнокомандующего больший авторитет в военном деле?

— Керенский не авторитет в военном деле, но зато он был авторитетом в политическом. Он олицетворял собой политического вождя армии.

— Вот так политический вождь армии! А где же теперь этот вождь? Сдрейфил, удрал в автомобиле союзной миссии. Я роль верховного главнокомандующего понимаю так, — разъяснил я мотив, впервые пришедший мне в голову: — Роль верховного главнокомандующего — это прежде всего политическая роль. Духонин был против политических директив, которые мог ему дать от имени Совнаркома Крыленко, и поэтому отправился к праотцам. Знаете ли вы Крыленко? — спрашивал я. — Нет. А я его знаю. Я с ним встретился в первые дни Февральской революции в Олеюве, где

он выступал, как представитель социал-демократов большевиков, перед нашими частями. Это крупный политический деятель в ряду других народных комиссаров, которые теперь, под руководством Ленина, стоят у власти. И в военном деле понимает, во всяком случае, больше, чем понимал Керенский и даже Николай II.

По радио передан декрет о демократизации армии. Все чины и ордена объявляются отмененными. Офицеры должны снять погоны. Солдатам предлагается произвести перевыборы командования. Даже для нас, привыкших к революционным декретам, он кажется чрезвычайно смелым, сознательно вызывающим окончательный развал армии. Как могут солдаты выбирать своих командиров? Кого выберут солдаты, например, командующим фронтом? Совершенно очевидно, что не генерала, ибо среди генералов нет никого, кто бы пользовался солдатским доверием. Выберут в лучшем случае офицера военного времени моего типа или даже просто солдата. Как он сможет разобраться в оперативной обстановке? Даже в полках как солдаты выберут командира из своего состава? Ведь это будет или демагог, потакающий целиком своим избирателям, или бездарность, тупица, а не человек, авторитетный в военном деле. Правда, фронт все равно развален. Дело идет к полной демобилизации. Но даже для того, чтобы произвести демобилизацию многомиллионных солдат, нужны опытные люди, стоящие во главе полков, дивизий, корпусов, армий и т. д. Допустим, что меня выбрали бы на пост командующего армией, что я смог бы сделать? Абсолютно ничего.

Я понимаю декрет о мире, я понимаю декрет о земле, я понимаю целесообразность перехода власти из рук буржуазии в руки рабоче-крестьянских советских организаций. Но декрета, направленного определенно на развал армии, я совершенно не понимаю.

Вечером собрались в номере Святенко, чтобы обменяться мнениями по поводу этой демократизации.

— А что же, хлопцы, — начал говорить на украинском языке Святенко, — хороший декрет. На кой чорт нам нужны чины! Я так считаю, что снятие с офицеров погонов это — на пользу самих офицеров. Газеты сколько раз сообщали о массовом избиении офицеров в Петрограде, Москве и других городах, особенно старших офицеров и генералов. Ну, а если бы они были без погонов, разве их стали бы бить? Конечно, не стали. Офицерство должно благодарить советскую власть, что она избавляет его от погонов.

— Тут не в погонах дело, — возразил я. — Меня беспокоит вопрос о выборности командного состава.

— Ну, если мы изберем, скажем, Сергеева командиром батальона, так разве он будет хуже полковника? Уверяю тебя, — лучше.

— Ну, может быть, командиром батальона он и мог бы быть, а командующим фронтом?

— Ну, а на роль командующего фронтом выберут такого офицера, который соответствует.

— Хорошо, коли так, ну, а если солдата выберут?

— Какой же ты дурень! Разве солдат на плечах головы не имеет? И какой солдат рискнет пойти командующим фронтом? Среди командиров полков разве нет лиц, окончивших академию генерального штаба, которые известны солдатам своим демократическим поведением?

— Может быть такие и есть, но что же, по-твоему, солдаты должны покинуть свои позиции и обсуждать, где какие хорошие полковники имеются?

— Хорошего полковника фронт лучше знает, чем штаб фронта. Ты забываешь про «Солдатский вестник». Стоит только подумать в штабе фронта о чем-либо, как «Солдатский вестник» уже до окопов несет эту думушку. Допустим, что тебя выберут командиром полка. Что же, с этой обязанностью не справишься?

— Командиром полка, — протянул я, — чорт его знает, пожалуй, справлюсь.

— А раз так, то почему ты не справишься с должностью начальника дивизии? В полку шестнадцать рот, а в дивизии всего четыре полка. Четырьмя единицами легче командовать. А в общем, друзья мои, — закончил Святенко, — этот декрет подводит итог всей большевистской политике, которая для меня была ясна еще в марте месяце. Это — разложить армию, парализовать офицерский корпус, дать этому корпусу по шее, да так, чтобы он никогда больше не поднялся. А потом мир. А после мира — новая армия, новая школа, новый офицерский состав. Все это ясно. Так що же, братцы, — обратился к нам Святенко, — долой погоны! — и он первый сорвал со своего плеча погоны прапорщика.

Мы последовали его примеру.

Не далее, как на следующий день перед окнами нашего комитета продефилировали крупные войсковые части, одетые в малиновые фуражки.

— Что это такое? — бросились мы к окнам.

— Пришли гайдамаки.

Во главе части шел офицер в малиновом, с позументами, мундире, с погонами на плечах.

Появление гайдамаков вызвало ряд существенных изменений в жизни Кишинева. Прежде всего вынуждены были уйти в подполье официальные представители партии большевиков. Снова появились эсеры и меньшевики, принявшие немедленно постановление об их объединении с украинским национальным движением. Государственные учреждения взяты под охрану гайдамаков. Первым делом гайдамаков было установление патрульной службы по городу и приказ об ограничении движения по улицам в ночное время. Хозяин нашей гостиницы в тот же день явился к нам в номер требовать полной уплаты за пользование номером.

Прибежал взволнованный Селин по поручению шоферов просить совета, как теперь быть с выездом их отряда из Кишинева. Мы предложили отряду, не ожидая дальнейшего развития событий, сегодня же начать перебираться за город и двигаться по направлению к Аккерману.

Увы, совет оказался запоздалым. На всех дорогах, идущих от Кишинева, выставлены дозоры гайдамаков, и выбравшийся было из города отряд был задержан и возвращен обратно. Начальник гарнизона распорядился поставить охрану к авто-отряду, шоферов демобилизовать, предложив желающим из них украинцам остаться на службе украинского правительства.

Мы собрались серьезно обсудить вопрос, что нам делать и есть ли смысл оставаться дальше в Кишиневе. Наша газета, можно смело утверждать, до солдат не доходит, да и солдат-то на фронте — кот наплакал. Надо или вернуться на фронт, к чортовой бабушке в пекло, в руки Щербачева, или распустить комитет.

Слово взял Сергеев:

— Нас группа в девять человек. Нас знают солдаты-крестьяне на фронте, которые теперь оттуда удирают. Целесообразно, ввиду начинающейся гражданской войны, обратить нашу группу в особый штаб по формированию красно-гвардейских частей.

Я с удивлением посмотрел на Сергеева. Мне невольно припомнился бывший несколько дней назад разговор об интеллигентском примазывании.

Сергеев достал из кармана небольшую карту и разложил ее перед нами на столе.

— Мы сидим в Кишиневе, — показывает Сергеев пальцем, — вот здесь.

— Знаем, знаем!

— Одесса — это тупик, где никакой организационной работы развить нельзя. Киев — центр гайдамаков. В Харькове уже имеется большевистская власть, достаточно сильная,

чтобы вести работу самостоятельно. Посмотрите выше. Вы видите Белгород, затем Курск. Это своего рода аванпост Советской России. Через Курск лежит коммуникация красногвардейских войск, направляющихся для борьбы с южной контр-революцией. Через него проходят стихийно солдатские массы с Юго-западного фронта и с Румынского. Если бы наш комитет переехал в Курск, связался оттуда с Крыленко и предложил последнему свои услуги по организации в Курске красногвардейских частей и демобилизующихся и покидающих фронт солдат, мне думается, была бы польза революционному делу.

Против предложения Сергеева высказался только один Святенко:

— Надо думать, что в Курске уже есть организации, занимающиеся этим делом. Честнее и проще прямо сказать, что нашему комитету пора ликвидироваться.

— Я не понимаю Святенко, — выступил Антонов. — Почему нам не доехать до Курска и там ликвидироваться?

— Мы можем с таким же успехом ликвидироваться здесь и поодиночке поехать туда, куда каждого тянет, — заметил я.

— Э, нет, — возразил Сергеев, — если мы здесь ликвидируемся и будем уезжать поодиночке, то чорта с два выберемся. Вагоны набиты, и на крышах не найдешь свободного местечка. А вот если мы выедем как организация, то во-первых, надо думать, нам предоставят вагон, и, во-вторых, мы сможем с большей безопасностью выбраться из этой кишиневской дыры.

После долгих споров Сергеев сказал:

— Позвольте мне сказать маленькое заключительное слово. Нас девять человек, и я уже говорил, что девять человек, желающих вести серьезную революционную работу, могут сделать очень многое. Достаточно вам указать пример с Климовым. Если вы заранее будете иметь ликвидационное настроение, считая, что едете в Курск исключительно

для расформирования, то, конечно, из моего предложения ничего не выйдет и отъезд в организационном порядке будет означать только дезертирство.

Стали обсуждать план отъезда.

Наша библиотека займет, примерно, полвагона. Кроме того, у нас, девяти человек, есть кое-какое барахлишко. Так что просить целый вагон у железнодорожной администрации мы имеем полное основание.

— Я с удовольствием вам предоставил бы, — сказал начальник отделения железнодорожного участка, — но три дня тому назад к нам поступило распоряжение от министерства путей сообщения Бессарабского Сватул-Цери, чтобы без его разрешения никому никаких вагонов не давать.

Пошел в Сватул-Цери. Министром путей сообщения оказался тот самый молодой прапорщик, с которым мне неоднократно приходилось вести беседы.

— Поздравляю вас с министерским портфелем.

— Благодарю вас, — серьезным тоном ответил прапорщик.

— Пользуясь нашим знакомством, прошу вас оказать услугу: дать для нашего комитета, переезжающего в Курск, вагон.

— С удовольствием, — быстро согласился прапорщик.

Немедленно написал на нашем заявлении резолюцию: «Начальнику отделения. Министерство путей сообщения предлагает немедленно дать вагон, по возможности классный, для фронтового крестьянского комитета».

Идем снова на вокзал. Начальник отделения делает пометку начальнику станции. Приходим к последнему.

— Что же они со мной делают! — схватил себя за голову начальник станции. — У меня нет ни одного вагона, не только классного, как они пишут, но даже и теплушки.

— Где же они?

— Все заняты под эшелоны. Может быть недели через три-четыре будет.

— На станции мы видели целую уйму вагонов.

— Голубчики, все разбито, требует ремонта. Мастерские не работают, к тому же сейчас рождественские праздники.

— А если мы сами организуем ремонт вагона, то вы нам позволите воспользоваться?

— Пожалуйста.

— Может быть, вы дадите нам записочку, к кому можно обратиться с вашим разрешением.

— Сделайте одолжение.

Начальник станции набросал записку к какому-то мастеру.

Узнав, где его найти, мы отправились по путям к месту нахождения небольших мастерских. Мастерские пусты. Старшего слесаря нам удалось разыскать в небольшой будочке шагах в двухстах от мастерских. Он сидел в компании двух рабочих, достаточно выпивший. Услышав нашу просьбу о ремонте для нас вагона, мастер воодушевился:

— Сколько платите?

— А сколько хотите?

— Три бутылки коньяка, и через три часа вагон будет готов.

— Отлично. А где можно найти коньяк?

— Это, голубчики, вы уж сами ищите. Если бы я знал, то и без вас бы выпил.

— Делайте, мы принесем.

— Как принесете, так и начну делать.

Пошли обратно в город.

— Знаешь, что,—сказал я Святенко,—по-моему коньяк можно достать у Вулкамича. Несомненно, у него в гостинице запасы имеются.

Приходим к Вулкамичу:

— Для того чтобы вагон был прицеплен, его надо смазать, а смазка требует не менее пяти бутылок коньяка. Не можете ли вы нам одолжить?

— Дешево вам обходится выезд. А не думаете ли вы, что

кроме кишиневской станции, вам придется смазывать также и на других?

— Возможно,—согласились мы.

— Так как вы были весьма приличными постояльцами и становитесь еще более приличными, что покидаете мою гостиницу, то я вам с удовольствием дам, понятно за плату, пять бутылок коньяка и на всякий случай четверть спирта.

— Очень вам благодарны.

— По-моему за вами есть еще должок за дрова,—заговорил хозяин.—Городская управа так и не отпустила причитавшихся вам дров, а я сжег не менее, как рублей на пятьдесят.

Он быстро защелкал на счетах, подсчитав, что с нас причитается вместе со спиртом и за типографские работы около пятисот рублей. Мы тут же написали чек.

— Может быть вы окажете и другую любезность?—обратились мы к Вулкамичу.— У нас в банке на текущем счету лежит около тысячи рублей. Чтобы нам не возиться с этим делом, мы передадим вам чек, а вы нам уплатите деньги.

Вулкамич согласился. С тремя бутылками коньяка мы снова отправились на вокзал. Мастер и бывшие с ним двое рабочих немедленно забрали инструменты и отправились вместе с нами разыскивать наиболее подходящий вагон.

Мастер был прав. Через три-четыре часа вагон был готов. Осталось найти технического надсмотрщика, который засвидетельствовал бы пригодность вагона для движения. Пришлось и ему дать немного спирта.

Начальника станции нет. В общем прокрутились почти всю ночь, чтобы получить разрешение на прицепку вагона. Наконец получили.

В вагоне сделали из досок нары, и часам к десяти утра весь наш комитет в полном составе был в вагоне.

В ночь на второе января мы были прицеплены к этапному поезду, шедшему от Кишинева до Раздельной.

ГЛАВА XVI
В ПУТИ

Ни в одном поезде нет целых окон, вместо них дыры, из которых выглядывают солдатские папахи. Тамбуры, крыши, буфера, подножки—все это облеплено солдатами, точно кусок сахара муравьями. Температура около пятнадцати градусов ниже нуля. Люди коченеют. На станциях длительные стоянки, и поезд вновь и вновь атакуется бегущими солдатами. На каждой станции нам приходится выдерживать осаду солдат, пытающихся пробраться в вагон. Сдерживает их попытки не столько наше физическое сопротивление, сколько вывешенный на теплушке большой плакат, что вагон принадлежит Центральному исполнительному комитету Совета крестьянских депутатов Румынского фронта.

— Делегация, румчеродовцы,—говорят солдаты,—нехай их, пусть едут.

На каждой крупной станции от Раздельной до самого Киева наш вагон неизменно посещали гайдамацкие патрули. Входило обычно несколько человек в сопровождении офицера. Осматривали документы. Ощупывали вещи, требовали выдать оружие.

— Нет у нас оружия,—заявляли мы.

Нам не верили и производили тщательные обыски. Рылись среди книг, занимавших полвагона.

На станции Вапнярка пришедший патруль обратил внимание, что мы едем без погонов.

— Большевики?—свирепым тоном спросил гайдамак.

— Нет, не большевики, прапорщики.

— А почему без погонов?

— Был приказ снять погоны.

— Это большевистский приказ. У нас на Украине большевиков не признают. Потрудитесь надеть погоны, или мы вас арестуем!

— Где же мы их возьмем, дорогой товарищ?

— Я вам не товарищ!—вспыльчиво крикнул гайдамак.

Выступил из своего угла Сергеев:

— О чем спорите, господа, если надо надеть погоны — наденем, ведь мы же не большевики. У меня в чемодане три пары есть.

Сергеев подал мне и Святенко погоны. Третьи нацепил себе.

Антонова и так видно, что он солдат.

Гайдамак дождался, пока мы надели погоны, порылся еще в книгах и ушел.

Непосредственно на Курск поезда не идут. Украинская Рада установила границы между Украиной и Россией где-то в районе между Ворожбой и Льговом. С трудом получили наряд до пограничной станции. Подъезжая к Льгову, мы слышали стрельбу по сторонам дороги. Это бьются красногвардейцы с гайдамаками. В Льгове нас посетили сперва гайдамаки, снова перерыли все, что у нас имелось, а затем, спустя полчаса, отъехав от станции несколько километров, мы были остановлены красногвардейскими частями. Снова обыск, просмотр документов, поиски оружия и т. д.

Переехав украинскую границу, мы сорвали с плеч погоны и выбросили их под откос.

Вот и Курск. Солдатами заполнена вся платформа, пакгауз и другие помещения. В буфете ничего не достать.

На вокзале нас вместе с Сергеевым вдруг останавливает группа солдат:

— Офицеры, сволочь!..

— Что вам надо?—спросил Сергеев.

— Почему кокарду не снимаете?

Я машинально взялся за шапку, на которой действительно еще продолжала существовать офицерская кокарда. Погоны-то сбросили, а кокарду забыли.

— А может быть я подпрапорщик? — задал вопрос Сергеев.

— Подпрапорщика сразу узнаешь!

— Снимем, придет время, — не повышая голоса, сказал Сергеев, направляясь дальше.

Наш спокойный вид остановил разошедшихся солдат, они не последовали за нами, но зато наградили вдогонку площадной руганью.

Поехали в город искать помещения. Толкнулись в одну гостиницу—занято, в другую—занято. Наконец нашли меблированные комнаты, в которых оказалось несколько свободных номеров. Разместились, оставив вещи пока в вагоне. Хозяин предупредил, что на другой же день мы должны принести разрешение коменданта города на право занятия номеров.

Рано утром отправились в Курский совет, помещавшийся на центральной улице в губернаторском доме. Около дома огромный хвост обывателей, ожидающих приема у нового начальства. Через толпу протиснулись в кабинет председателя. Застали одного секретаря.

— Где председатель?

— Еще спит. Вчера заседание окончилось в шесть часов утра.

— Когда будет?

— Часов в десять-одиннадцать.

Бродили вокруг дома Совета, вслушиваясь в разговоры обывателей, которые сводились к тому, что большевики, захватив власть, наложили арест на сберегательные кассы, банки и другие финансовые учреждения и теперь вкладчики, чтобы получить обратно свои сбережения, должны являться в Совет за разрешением. Эти разрешения даются не всем, а

лишь тем, которые представляют удостоверение о своей нуждаемости.

Вернулись снова в Совет. Председателя все еще не было. Его заместил некий Булгаков, в студенческой форме, с всклокоченными волосами, с воспаленными от бессонницы глазами. Принял нас приветливо:

— С Румынского фронта? Ну, как там?

— Бегут все. Ничего от фронта не осталось. На Украине гайдамаки орудуют. Наши части выпускают оттуда без всякого имущества, без снаряжения. Обозы, оружие — все это остается на месте.

— Да, слышали. Какова же цель вашего приезда сюда?

— Хотим обосноваться в Курске для организации новых красногвардейских частей.

— Вам надо будет переговорить с председателем Совета.

Дождались председателя Забитского. Человек лет тридцати, по виду интеллигент, как потом мы узнали, левый эсер. Болезненно морщась, он выслушал наш план и просьбу дать помещение и разрешение на прямой провод для разговора со ставкой.

— Насчет помещения вы обратитесь к коменданту т. Лукину. А разрешение на прямой провод — пожалуйста.

Он написал записку.

Идем к коменданту. Высокий, красивый матрос, одетый в овчинный полушубок, с залихватской папахой на голове. Выслушав нашу просьбу, он предложил целую гостиницу для нужд комитета.

— Куда же нам так много?

— Как куда, ведь вы же будете формировать части, так вам одной гостиницы не хватит.

— Мы будем формировать части, если нам это разрешит Главковерх, а пока мы хотели бы ограничиться несколькими комнатами. Комнаты две для дел и комнаты четыре-пять для нас самих.

— Не хотите, навязывать не буду. Идемте.

Захватив с собой несколько матросов, Лукин отправился вместе с нами вверх по центральной улице к большой гостинице, при которой имелся и ресторан. Поставив около двери несколько матросов, Лукин вошел в ресторан, вызвал хозяина и громким голосом отдал распоряжение немедленно закрыть торговлю. Жильцов выселить в часовой срок, ресторанное имущество и имущество гостиницы конфискуется. Ключи от помещений с провизией и спиртными напитками передать ему.

Хозяин растерялся.

— Слышали, что я сказал?—прикрикнул Лукин.

— Товарищи, как ж я могу так быстро?

Лукин обратился к публике, в изобилии сидевшей за столиками ресторана, и зычным голосом крикнул:

— Марш отсюда! Через три минуты чтобы никого!

Посетители схватили свои шапки и, толкая друг друга, бросились к выходу.

— Покажите номера!—обратился Лукин к хозяину.

Пошли по гостинице, которая имела около пятидесяти номеров.

— Кто здесь? Мородеров и спекулянтов в подвал! Служащий? Зачем приехал? За справками? В подвал для выяснения!—быстро допрашивал и распоряжался Лукин.

Человек тридцать жильцов Лукин отправил в сопровождении двух матросов в Чрезвычайную комиссию. Было несколько семей, которым Лукин дал разрешение задержаться в гостинице до подыскания себе квартиры в течение трех дней.

— Вот, товарищи,— обратился к нам Лукин,— выбирайте любые номера.

Мы взяли правое крыло, восемь комнат. Хозяин вручил нам ключи, и мы тотчас же комадировали Антонова на вокзал заняться перевозкой имущества. Мне в эту гостиницу переезжать не хотелось, и я попросил Лукина дать мне ор-

дер на право бесплатного пользования номером в тех меблированных комнатах, в которых я остановился накануне.

Уставши за день, я рано лег спать. Около часа ночи раздался сильный стук в дверь моей комнаты. Открыл дверь. В коридоре стояла группа вооруженных красногвардейцев.

— Вам что угодно?

— Ваши документы!

Я показал.

— Есть оружие?

— Нет.

Вошедшие не удовлетворились моим ответом и произвели поверхностный осмотр моей комнаты. Ничего не найдя, ушли. На утро рассказал об этом Лукину.

— Мы почти каждый день производим осмотр гостиниц, сейчас так много наезжает всякой сволочи, много контрреволюционных агентов и шпионов.

На другую ночь я снова был разбужен стуком. Снова осмотр документов и комнаты. Это повторилось еще. Мне это надоело, и я попросил Лукина дать мне охранную бумажку, чтобы не беспокоили по ночам. Лукин написал:

Предъявитель сего, председатель Центрального исполнительного комитета и т. д., от обысков и осмотра номера освобожден.

Я приколол бумажку к наружной двери, и с этих пор ночные визиты прекратились.

Имея резрешение Забитского на переговоры по прямому проводу, я отправился на телеграф, вызвал к аппарату Главковерха Крыленко. Вместо Крыленко подошел его адъютант:

— Что вам угодно? Я доложу Главковерху и тотчас же сообщу ответ.

Я передал:

— Наш Исполнительный комитет крестьянских депутатов Румчерода выехал из Кишинева в Курск, куда прибыл такого-то числа. Постановили обратить свои силы и знания на формирование в Курске новых красногвардейских частей. Материалом для этих частей должны явиться проходящие в

большом количестве через Курск демобилизованные солдаты. Для того чтобы нам вести эту работу, мы просим разрешения и соответственных указаний Курскому совету.

Через несколько минут получил ответ такого содержания.

— Главковерх не возражает против организации вами красногвардейских частей в городе Курске из проходящих демобилизующихся солдат. Вместе с тем Главковерх указывает, что им сейчас издан приказ об организации специальных военных комиссаров при местных Советах, на которых возлагается дело формирования новой Красной армии. Вам надлежит связаться с местным Советом и руководствоваться указанным приказом Главковерха.

Выдвинули меня докладчиком в Курский совет.

Святенко предложил организовать связь с харьковским большевистским правительством, в частности с главнокомандующим украинского фронта Антоновым-Овсеенко.

— Я думаю, лучше всего поехать мне, я украинец, владею украинским языком. Если поедет русский, то с ним могут быть недоразумения.

— Я бы тоже хотел поехать,—выступил Дементьев,— украинским языком я немного владею, документы можно сфабриковать, или Лукин даст, отобрав у какого-нибудь спекулянта, или контр-революционера.

Командировку Святенко и Дементьева в Харьков утвердили.

На другой день после их отъезда попросились в отпуск другие товарищи.

Прошла неделя. Никто не вернулся.

Ликвидировали комитет и я с Сергеевым. Он уехал к себе, я — в Питер для сдачи дел.

ГЛАВА XVII

В ПЕТРОГРАДЕ

Неделя уже, как болтаюсь в Питере, освобождаясь от дел Центрального комитета Совета крестьянских депутатов Румынского фронта. Кроме протоколов нашего комитета, денежных отчетов и другой бумажной рухляди, на моих руках серебряные георгиевские кресты, пожертвованные солдатами в пользу революции, и около трехсот рублей денег.

Несколько дней ходил из комнаты в комнату большого Смольного, в поисках учреждения, которое приняло бы от меня дела. Наконец решил отправиться лично к Спиридоновой.

Она приняла меня в своем кабинете, на левом крыле Смольного института, в котором размещена крестьянская секция. Я представлял себе Спиридонову совсем иной, чем встретил в действительности. В моем воображении Спиридонова представлялась крупной, энергичной, красивой девушкой, со следами страданий и мучений, вынесенных ею в царских тюрьмах и ссылках.

Передо мной же оказалась небольшого роста, хрупкая женщина лет тридцати двух, с изможденным сероватым лицом, впавшими, выцветшими глазами, которые моментами казались белыми, нервным лицом, передергивавшимся во время разговора. Пенснэ ее часто падало.

Усадив меня, Спиридонова торопливым приглушенным голосом стала расспрашивать о положении на Румынском

фронте, о настроениях солдат, о влиянии левых социал-революционеров, об отношении к большевикам, к советам.

Точно не слыша моих ответов, она перескальзывала к новым вопросам. Беспрестанно звонили телефоны, куда-то вызывали на заседание.

— Сейчас буду! — бросила Спиридонова в трубку.

Я заторопился.

— Дела сдайте товарищу Якушеву,— быстро сказала Спиридонова,— а насчет работы поговорим в другой раз, сейчас я спешу. Нам люди нужны, особенно с фронтовым опытом. Заходите непременно.

Смольный как муравейник. Люди снуют беспрерывными вереницами по всем коридорам с озабоченными физиономиями, вооруженные. Часто попадаются матросы с пулеметными лентами, надетыми через плечо, и подпоясанные ими. В главном корпусе Смольного у ряда комнат часовые, но не солдаты, а рабочие красногвардейцы с винтовками и револьверами за поясом. Мне, привыкшему видеть часовых, стоящих по всем правилам воинского устава, было странно видеть фигуры рабочих с видом лежащей на них ответственности и в то же время без воинской выправки, которая, мне кажется, от часового не может быть отделена.

Зашел в редакцию «Знамя труда», орган ЦК левых эсеров, где в качестве редакторов были мои товарищи по Румкомкресту, Курдюмов и Сверчков.

Ребята предложили работать у них в качестве вечернего редактора. Оклад 350 рублей. Работа с двенадцати ночи до четырех утра.

Перспектива работы в газете соблазнительна. К газетной работе меня тянуло давно, с момента появления моей первой статьи в «Известиях 11-й армии». Обещал ребятам подумать и дать ответ через два-три дня.

Пошел в Таврический. Здесь спокойнее. Нет смольной суетолоки. В кулуарах прохаживают отдельные лица, в частности встретил Луначарского, беседующего с каким-то высо-

ким седовласым старцем, ожесточенно жестикулирующим на спокойные реплики Луначарского. В комнатах, примыкающих к кулуарам, разместились культурные организации, занятые, главным образом, распределением литературы.

Перед Таврическим толпа зевак: обыватели, обывательницы в изящных костюмах. Интересоваться есть чем. Положение на фронте обостряется. Мирные переговоры в Брест-Литовске прерваны. Наша делегация возвращается в Петроград. Говорят, что вынесено постановление отвергнуть немецкие условия, армию демобилизовать, заявив немцам: «Ни мира не подписываем, ни войны не ведем».

Левые эсеры настаивают на объявлении революционной войны с применением партизанской тактики. Большевики с этим не согласны.

В секретариате ВЦИК Смолянский, секретарь ВЦИК от фракции левых эсеров, говорил:

— Большевики хотят командовать безраздельно, издеваются над нашей фракцией, между тем не имеют достаточного мужества открыто порвать с нами, ибо знают, что большинство за левыми эсерами. Мы требуем объявления революционной войны, призвав против немцев все активное население страны. Большевики же сторонники заключения мира на каких угодно условиях.

В конце беседы Смолянский предложил мне по вопросу о дальнейшей работе:

— Закс входит в состав Наркомпроса от нашей фракции как заместитель Луначарского. Я думаю, вы с ним договоритесь. Если необходима будет письменная рекомендация, я дам.

Пошел к Заксу.

Наркомпрос, вернее, его коллегия разместилась в каком-то великокняжеском особняке на Английской набережной.

Около трех часов прождал я Закса — и безуспешно.

На улице мне бросились в глаза расклеенные на каждом столбе, на каждой будке и на стенах домов в большом ко-

личестве воззвания Совнаркома: «Социалистическое отечество в опасности».

Рядом приказ коменданта Петрограда о мобилизации населения на рытье окопов.

Отказ нашей мирной делегации в Брест-Литовске подписать мир на германских условиях и лозунг «ни войны, ни мира»—вызвали со стороны немцов наступление по всему фронту.

Пять-семь дней форсированного марша немецких войск—и Петроград станет ареной непосредственной борьбы. Отпора с нашей стороны ждать нельзя. Армия деморализована окончательно. Бросается оружие, все военное имущество, склады снарядов и т. п. Поезда захватываются бегущими с фронта солдатами.

Удивляюсь Смольянскому, как можно говорить о революционной войне. Революционеров не так уж много, чтобы из них можно было создать армию, хотя бы даже партизанскую.

На Невском чрезвычайное оживление:

— Еще неделька, другая. Скоро немцы покажут, как надо порядок восстанавливать. Это большевикам не с Керенским воевать.

Со стороны Садовой улицы к Николаевскому вокзалу прошли большие колонны рабочих, из которых часть с винтовками, большая же с лопатами и кирками. В рядах колонн видны женщины.

Идут к Пулкову рыть окопы.

Настроение колонн не вяжется с настроением толпы, фланирующей по Невскому: бодрое, поют варшавянку и другие революционные песни. Боевой вид колонн по-боевому настраивает и меня. Хочется действовать, работать, кипеть.

Но делать нечего, и я продолжаю фланировать по городу.

К вечеру вернулся в гостиницу. Занялся газетой. Прочел декрет Совнаркома об организации новой армии. Прочел объявление:

Всероссийская коллегия по организации рабоче-крестьянской Красной армии приглашает лиц, знающих военное дело, на должность ответственных организаторов Красной армии в различных районах. Желающим подать заявление прилагать рекомендации не менее двух членов РСДРП (б). Адрес: Исаакиевская площадь, Мариинский дворец, Организационно-инструкторский отдел.

Не пойти ли мне?—блеснула, но сразу потухла мысль.

Пошел опять к Заксу. Его секретарь порекомендовал мне сначала побеседовать с тов. Каменевой или тов. Крупской. А если там не выйдет, то притти к Заксу.

Пошел к Каменевой.

Здание Наркомпроса на Фонтанке, позади Александринского театра. Пробродив не один десяток минут по длинным коридорам, добрался, наконец, до приемной Каменевой. Пришлось обождать около получаса. Наконец в приемную, напоминающую гостиную, вошла т. Каменева, женщина лет около тридцати пяти, интеллигентного вида, с мягкими движениями, чрезвычайно внимательная. Пригласив сесть, она осведомилась о цели моего прихода.

— Я хочу работать по просвещению,— с места в карьер начал я.—Склонность имел к этому делу всегда, однако никогда не работал. Мне думается, что я мог бы принести пользу или в качестве руководителя библиотечным или киноделом, причем меня интересует больше последнее. Можно было бы создать целую систему передвижных кино в целях демонстрации сельскохозяйственных культур и достижений в других странах.

Каменева внимательно выслушала. Справилась о моей партийности. Узнав, что я левый эсер, спросила, не могу ли я для начала будущей деятельности в области кино-просвещения теперь же произвести национализацию Скобелевского комитета, который, по ее словам, является монополизатором всего кино-дела страны.

— Мы как-то не добрались до этого учреждения,—сказала она.—Я вам дам записку, и вы с завтрашнего дня займитесь этим делом.

По привычке, приобретенной на фронте — вставать рано — я поднялся около шести часов утра. День — ярко солнечный. Походил по улицам, нашел адрес Скобелевского комитета и направился прямо к нему.

У подъезда стоит маститый швейцар.

— Здесь Скобелевский комитет?

— Здесь. А вам кого?

— Заведующего.

— Их еще нет.

— А кто-нибудь есть?

— Да никого нет. Занятия начинаются только в десять.

«Ну, и рано же я поднялся!» — мелькнула мысль. Пошел вновь слоняться по городу. Вышел на Невский. Там опять большое оживление. Длинные колонны рабочих тянутся по направлению к Лиговке, вооруженные лопатами, винтовками, с узелками провизии. С песнями шла одна колонна за другой рыть окопы.

Одиннадцать часов. Тот же маститый швейцар на мой вопрос, пришел ли заведующий, ответил отрицательно.

Решил обождать. Сижу полчаса, час — заведующего нет, да не только заведующего, — во всем учреждении мертвая тишина. Наконец пришло несколько мелких сотрудников. Пошуршали бумагами, покурили, потолковали между собой. С удивлением рассматривали меня.

Половина первого. Никого нет.

Швейцар, очевидно, сжалившийся надо мной, подошел с вопросом:

— Вам зачем заведующий-то нужен? Вы из провинции должно быть?

— С фронта я.

— Ну вот, то-то оно и видно. У нас вот уже какой месяц идет, как главные-то не работают. Редко-редко какой день кто заглянет, и то затем, чтобы что-либо взять из дел, а так все больше на квартирах сидят. Не дождетесь вы.

— Дайте адрес квартиры заведующего.

— Это мне не приказано, господин хороший. А вы что, из большевиков, что ли, будете?

— Нет, я не большевик.

Швейцар смилостивился:

— Телефон могу сказать.

«А зачем мне заведующий нужен? — подумал я. — Надо вернуться обратно к Каменевой, рассказать, что здесь работа не производится, и кстати узнать о технике национализации учреждений».

Снова вернулся на Невский. Пошел за одной из рабочих колонн и незаметно для себя очутился около Таврического.

— Зайду к Смолянскому,—решил я.

Смолянский был у себя. На мой рассказ о Скобелевском комитете, смеясь, заметил:

— Теперь саботаж во всех интеллигентских учреждениях. Надо просто взять ордер в районном совете, несколько красногвардейцев, притти, опечатать дела и потом самому набирать новых сотрудников.

Во время разговора в кабинет Смолянского вошел небольшого роста, сухощавый, в пенсне, с блестящими через их стекла глазами. Поздоровавшись со Смолянским, он протянул руку и мне.

— Бывший офицер?—отрывисто бросил он вопрос, смотря на мои плечи, где остались следы офицерских погонов.

— Да.

— Что делаете?

— Скобелевский комитет собирается национализировать,—смеясь, вместо меня ответил Смолянский.

— Кому это сейчас надо? Армию сейчас надо организовывать. Читали декрет правительства?

— Читал.

— Так чего же в коллегию по организации армии не идете?

— Там рекомендации требуются,— пробормотал я первое пришедшее в голову оправдание.

— Это дело пустяковое. Раз вы заходите сюда, и вас тут знают, такую рекомендацию и я могу дать.

Он подвинул к себе блок-нот, лежавший на столе Смолянского, и быстро набросал на нем несколько строк.

— Вот,— сказал он, протягивая мне записку,— идите к Кагановичу. Сейчас военные люди нужны больше, чем когда-либо. Идите, желаю успеха.

С этими словами он вышел из кабинета.

— Кто это?—спросил я Смолянского.

— Свердлов.

— Председатель ВЦИК? — удивленно переспросил я.

— Да, а что, не верится?

— Да уж больно он просто подходит и, не зная меня, сразу дает рекомендацию.

— Ну, это такая умная бестия, он сразу насквозь видит. При всех наших политических разногласиях все же, надо признать по совести, Свердлов внушает к себе большое уважение.

Я прочитал записку:

Товарищ Каганович, податель сего, военный товарищ, может работать по организации армии. Используйте, как лучше. Я. Свердлов

Мариинский дворец. Громадное красивое здание. Здесь до революции заседал Государственный совет, а во время революции кратковременный Предпарламент.

Коллегия по организации рабоче-крестьянской Красной армии только начинает формироваться, о чем свидетельствует неорганизованность, неведение одним отделом, где находится другой. Наскоро расставленные в больших комнатах столы еще пусты. Одиночные сотрудники перебегают из одного конца здания в другой.

Это как бы новый главный штаб формируемой большевистской армии.

В правом же этаже натолкнулся на надпись: «Организационно-агитационный отдел». Пошел по коридору. На дверях надпись: «Комиссар отдела Каганович».

В кабинете одинокий письменный стол без всяких признаков письменных принадлежностей, без всяких признаков жилья и живых существ.

Жду. Проходит какой-то товарищ. Обращаюсь с вопросом, где можно встретить товарища Кагановича.

— Сейчас придет, он распределяет комнаты для организационно-агитационного отдела.

Через полчаса входит товарищ в кожаной куртке, высоких сапогах, лет двадцати пяти, с энергичным лицом, большими серыми глазами. Вопросительно останавливает свой взгляд на мне.

— Тов. Каганович?—угадал я.

— Да, откуда?

— Вам письмо,—протянул я ему записку Свердлова.

Каганович быстро пробежал глазами.

— Вы где хотите работать?

— Где будет удобно для дела, мне все равно, я не связан местностью.

— Здесь, в Питере, у нас уже достаточно товарищей, нам нужны деятельные работники в провинции.

— С удовольствием поеду.

— Куда хотите? В Сибирь, Дальний Восток, Урал, Украину?

— Для меня подходили бы Тула, Калуга.

— Отлично, там как раз у нас никого нет. Вам одну губернию, две?

— Я не знаю, как у вас полагается. Я не буду протестовать, если вы дадите и две губернии, например: Тульскую и Калужскую с пребыванием в Туле.

— Можно и так. А почему вы на Туле остановились?

— Я в Туле отбывал воинскую повинность. Знаю тульских военных. Имею некоторое знакомство с оружейными

заводами, поэтому считаю, что на первых порах моя работа там прошла бы наиболее успешно.

— Правильно, раз есть связь с Тулой, валяйте в Тулу.

— А какие условия?—спросил я.

— Мы вам дадим мандат, что вы являетесь ответственным организатором Красной армии, затем дадим право беспрепятственных сношений по телеграфу с Петроградом. Содержание триста рублей в месяц.

— Я согласен.

Через полчаса у меня на руках мандат:

Предъявитель сего товарищ Оленин является ответственным организатором по организации и формированию частей рабоче-крестьянской Красной армии в Тульской и Калужской губерниях.

Все организации приглашаются оказывать всяческое содействие товарищу Оленину при исполнении им возложенных на него заданий.

Тут же мне были выданы триста рублей, как месячное жалование, и удостоверение на бесплатный проезд от Петрограда до Тулы.

Мирная деятельность просветителя лопнула, как мыльный пузырь. Я опять военный.

До Тулы добирался с большим трудом.

Прежде всего в самом Петрограде на вокзале стоит невообразимая сутолока и давка. Помимо демобилизованных солдат и матросов выезжает множество штатской публики. Дамы с чемоданами, корзинами, картонками—заполнили всю платформу.

Когда был подан для посадки поезд, тысячная толпа бросилась с боем захватывать вагоны. Мне удалось с трудом, через окно, забраться в вагон третьего класса, хотя в выданных документах числилось, что я имею право на проезд в вагоне первого класса. Занял место на самой верхней полке.

Минут за десять до отхода поезда с одного конца вагона раздались крики:

— Выходи!

С удивлением обернулся в сторону кричавших. В окно вагона увидел выстроенных перед ним человек пятьдесят матросов с винтовками и пулеметными лентами, надетыми крест-накрест через плечо.

— Говорят, выходи! — неслись крики.— Стрелять будем!

В сторону вагона угрожающе направлено несколько винтовок.

— В чем дело? Почему выходить?

— В этом вагоне будет размещен отряд матросов.

Вот те на! Добытое с трудом место приходится покидать.

С совершенно естественной бранью и ворчаньем публика потихоньку начала освобождать вагон, подталкиваемая энергичными окриками матросов.

Выбрался и я. Вещей у меня не было, поэтому надеялся забраться в другой вагон. Обежал весь состав. Однако не только влезть, но невозможно просунуть и руку. Вернулся к покинутому вагону и попросил старшего матроса разрешить доехать вместе с ними до Москвы.

Старший, молодой безусый матрос, важно посмотрел на меня, нехотя прочитал протянутый мною мандат Всероссийской коллегии и когда увидел, что я являюсь ответственным организатором Красной армии, потрепал меня по плечу и произнес:

— Ну ладно, ты свой, садись, братишка!

С матросами ехать было хорошо, в вагоне просторно, имелась даже возможность лежать и пить чай из чайников. К сожалению часа через три несколько вагонов, в том числе и наш, сошли с рельс.

Передняя часть поезда, не сошедшая с рельс, отцепилась и отправилась дальше. Хвост же поезда с сошедшими с рельс вагонами остался в поле. Лишь около четырех часов утра прибыл новый состав, и мы были перегружены в другие вагоны.

На станции Сухиничи пересадка. Необычное оживление на базаре перед станцией, совершенно открыто мужики с возов торгуют водкой. Множество пьяных, брань и пьяные песни.

Заинтересовался — почему продается водка.

Станционный служитель, к которому я обратился с вопросом, стал рассказывать:

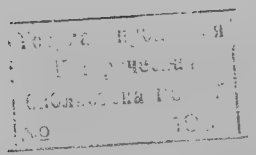
— Вот уже в течение четырех дней мужики возами привозят водку из Белева, верст за полтораста, где якобы свободная торговля.

В вагоне, кроме демобилизованных, много крестьян, едут на Белев за водкой.

— Вот большевики молодцы,—говорят в вагоне,—захватили власть и сразу же монополькy открыли.

Из разговоров узнал, что белевская власть из опасения разгрома винных складов объявила распродажу водки в обмен на хлеб. Мужики возами привозят хлеб, получая в обмен спирт и водку.

Через день я в Туле.



ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Глава	I. Лодыри со звездочками	3
„	II. Сапановские бои	28
„	III. Радзивиллов - Броды	55
„	IV. На зимних позициях	70
„	V. Грозные предзнаменования	79
„	VI. Революция	85
„	VII. Братание	97
„	VIII. Всероссийский крестьянский с'езд	136
„	IX. Июньское наступление	166
„	X. Тарнопольский прорыв	181
„	XI. Атаки контр-революции	221
„	XII. На государственном совещании	245
„	XIII. Румкомкрест	255
„	XIV. Октябрьская революция	276
„	XV. В Кишиневе	300
„	XVI. В пути	332
„	XVII. В Петрограде	339

Цена — 2 руб.
Переплет — 25 к.

Тир

СКЛАД ИЗДАНИЯ
СЕКТОР КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА РСФСР
Москва, Центр, Богоявленский переулок, д. 4.
Тел. 2-66-31 и 5-50-80. Ленинград, Ленотгиз,
Проспект 25-го Октября, д. 28. Тел. 5-34-18.